Джеффри Томас

ПАНК-ГАУ

«Томас – изобретательный творец с богатейшей фантазией»
PUBLISHERS WEEKLY

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джеффри Томас пишет мрачную научную фантастику, похожую на хоррор, почти как Рэй Брэдбери времен «Марсианских хроник». И как автор «Марсианских хроник» создает картину будущего, для того чтобы рассказать о среднем американце середины XX столетия, так и будущее у Томаса — это повод для анализа культуры и общества рубежа XX–XXI веков, с их чудовищно быстрыми переменами, бесчеловечной политикой государства и корпораций, эпидемией серийных убийств. Времена изменились, и сегодня общечеловеческий гуманизм Брэдбери кажется бессильным перед проблемами нового века. А безобразные и несчастные персонажи Джеффри Томаса больше похожи на наших современников, чем прекрасные марсиане.

Джеффри Томас создал мир Панктауна в 1980 году, и с тех пор использовал его как место действия своих многочисленных романов и рассказов. Его ранние рассказы выходили в небольших издательствах в конце 80-х, но настоящий прорыв Д. Томас совершил, опубликовав сборник рассказов «Панктаун» в 2000 году, тем самым вызвав интерес к своему творчеству и заслужив признание среди самых широких слоев читателей. С тех пор сборник не раз был отмечен в литературных кругах: в частности, был удостоен номинации на Bram Stoker Award, получил прекрасный отзыв в Publishers Weekly, а также был включен в список лучших книг года в жанре «Фантастика и ужасы». В последние годы Д. Томас живет на два дома: один — его собственный, в Массачусетсе, другой — в Бьен Гоа во Вьетнаме, родном городе его жены, чудесном экзотическом уголке, который дает богатую пищу фантазии писателя.

> «С грубым изяществом и жутковатым коварством Томас погружает читателя в глубины своих мрачных видений с первой же строчки…»
>
> *Пол ди Филиппо, ASIMOV'S*

- Джеффри Томас
  - Отражения призраков
  - Сезон свежевания
  - Вакизаши
  - Драгоценный металл
  - Сердце за сердце

- Лицо
- Обитель пустоты
- Жертва
  - 1: Скованные одной цепью
  - 2: Потерянные души
  - 3: Резной воин
- Хранилище печалей

Джеффри Томас
Панктаун

Скотту Томасу и Томасу Хьюзу, славным горожанам, и Роуз, с признательностью за ее проворные пальчики.

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям.

Данте.
Божественная комедия. Ад, песня III

Отражения призраков

Не было никаких сомнений: мертвое существо в канаве было одним из его клонов.

Обнаженным, скукожившимся, подобно зародышу, напоминающим высушенного паука. По белому скелетообразному телу стучали капли дождя. Лицо было обращено к небу, губы обнажали черные зубы, стиснутые от холода. Плоть его окостенела, стала твердой словно камень. Вся она была покрыта оспинами, надтреснута возле суставов, вокруг шеи и челюсти. Черные глаза — будто дыры от шипов.

Дрю подумал, как же оно прекрасно, лежащее там, подобно слепку человека, погибшего в Помпеях. Потягивая кофе, он огляделся вокруг. По другую сторону улицы возвышался хрисламский собор — металлическая компиляция черных зазубренных шпилей и алых окон, оплетенных стальной паутиной. Его сторону занимал ряд складских зданий. Половина из них пустовала, несколько были превращены в жилье для рабочих, трудившихся на складах, которые все еще функционировали. Все это представляло собой превосходный фон для трупа. Тихая улица. Пустынная улица. Настолько пустынная, насколько мог пожелать любой умирающий на ней.

Ему хотелось чуть-чуть сдвинуть существо, чтобы оно лежало прямо напротив собора. Так оно еще больше казалось бы потерянной душой, которой было отказано в спасении. Но нет — клону вздумалось умереть именно тут, а не там, и, поскольку Дрю был художником, он решил не оспаривать его выбор.

Он быстро проделал остаток пути до дома. Лифт на его этаж сегодня снова не шел. Он лишь мучительно скрипел и трясся, пока Дрю его не выключил. Металлическая лестница, которую он предпочел, звенела под его тяжелыми ботинками. Некоторые ее пролеты находились внутри здания, некоторые — снаружи. Грязная дождевая вода струилась между грязно-белыми керамическими плитками кожи здания, за которую внешние лестницы цеплялись, подобно скелетам огромных паразитов. За окном, мимо которого он проходил, плакала какая-то женщина. Он не знал, что кто-то занял захламленный третий этаж. Быть может, это был призрак. Когда-то он думал, что привидения обитали на крыше старой запечатанной фабрики через дорогу. По ночам они частенько ходили под дождем, испуская мягкое голубое сияние. Но в конце концов до него дошло, что дело в чьем-то голотанке, испускающем в грозу разбросанные сигналы. Это объясняло частые перестрелки. Вестерны. А Дрю думалось,

что это призраки снова и снова переживают свою смерть.

В его распоряжении был целый верхний этаж. Узкий балкон тянулся вдоль всего здания, и теплыми ночами он просто сидел там и слушал музыку, глядя на огни земной колонии, названной Пакстон, — хотя чаще, хоть и без большей привязанности, ее звали Панктаун. Иногда он делал там зарисовки. Несмотря на то что Дрю работал с более объемными средами, он был твердо уверен в том, что каждый художник должен уметь рисовать, так же как и любой хирург обязан знать, как наложить шов.

На зиму балконная мебель была перевернута и свалена в кучу. Дождь разбивался о его спину, пока он боролся с замком на своей двери. Подсветка кодовой панели мигала, и он уже собирался вытащить ключ, но тут большая металлическая дверь наконец-то сдвинулась на три четверти своего пути, где ее и заклинило. Дрю скользнул внутрь, включил болезненно-зеленый верхний свет и набрал внутренний код. Дверь закрылась со скорбным металлическим скрипом.

Свет тоже моргал. Возможно, гроза как-то влияла на его незаконное подключение к электросети. Что ж, эту цену он был вынужден платить.

Дрю не стал снимать плащ, и тот все еще закручивался вокруг ног всем весом дождя, пока он шел к ряду металлических полок, заполненных крупными банками с жидкостями и порошками, которые были помечены ярлыками из клейкой ленты. Он снял одну без названия, открутил крышку, понюхал содержимое и отдернулся от отвращения. Та самая.

Одним пальцем подцепив банку за ручку, он протопал обратно к двери и вернулся под ливень.

Дождь набирал все большую силу, однако Дрю сомневался, что он станет помехой для герметика. В конце концов, тот был водонепроницаемым.

Клон все еще был на своем месте. Никто не убрал его с улицы, ни одно животное не приходило пообедать. Запаха не было. Как давно он умер? Мешала ли разложению его окостенелая кожа? В любом случае пластиковый герметик справится с этим намного лучше.

Он вылил прозрачную, густую, словно мед, жидкость прямо на труп, не обращая внимания на те разнообразные средства передвижения, что пролетали или проезжали мимо. Он старался держаться подальше от лужицы, которая начала образовываться вокруг лежащей фигуры. Ему хотелось покрыть клона таким слоем герметика, что его стало бы невозможно переместить до той поры, пока кому-нибудь не пришло бы в голову воспользоваться долотом.

Герметика почти не осталось, поэтому он вылил последние капли и выбросил банку в переулок между складами. Дрю кивнул и улыбнулся трупу, который блестел так, будто был покрыт лаком. Он подумал, что было бы неплохо нанести свою подпись аэрозолем на тротуар поблизости. Он же помечал клеймом и татуировками некоторых из тех клонов, которых выпускал на волю. Однако Дрю испугался, что кто-нибудь решит, будто это всего лишь обычный мутант, а он — его убийца.

Хотя, конечно, в его студии всегда было несколько еще недоделанных клонов, которые могли прояснить ситуацию.

Он вымок до последней нитки, ему не терпелось вернуться домой, принять горячую ванну и приготовить свежий бак кофе. Он оставил своего мертвого отпрыска позади, все еще довольный тем, как тот умер, и тем, что он продолжит свое существование в качестве произведения искусства даже после смерти.

Дрю не позволял опустеть большому баку кофе, когда-то принадлежавшему местному кинотеатру. Запах его был уютным, а бульканье пузырьков — успокаивающим. Сейчас в нем был старый, простоявший несколько дней кофе, поэтому Дрю его вылил, чтобы приготовить новый. Он уже принял ванну, переоделся в чистые тренировочные штаны, черную футболку и тапочки для кун-фу. Дрю был вдохновлен сегодняшним открытием, и ему не терпелось приступить к работе. Сейчас он трудился над оплачиваемым проектом.

Не он ли шлепал сейчас в своей химической ванне? В этих емкостях так же приятно булькало, хотя вонь была невыносимой. Поэтому он обычно задвигал перегородку, как сделал и сейчас, и включал вентиляторы. Подобно зародышам, погруженным в свои неспокойные сны, клоны метались и ворочались в своих амниотических ваннах.

Этот, как обычно, был предназначен состоятельному клиенту. Создание одного клона занимало недели, а иногда и больше, однако одна продажа позволяла Дрю выплатить месячную ренту, да еще обеспечить себя пищей и материалами для работы.

Сперва он пребывал в наивном заблуждении по поводу своих творений. Ему думалось, что клоны, которых он продавал, выставлялись, возможно, в террариумах, словно экзотические животные, или же свободно перемещались среди гостей на вечеринках, давая возможность рассмотреть себя получше. Что ж, обе эти догадки были в некотором роде верны. Но его друг Сол, сводивший Дрю с богатыми клиентами, однажды присутствовал на вечеринке, на которой один из его клонов был вручен в качестве подарка на день рождения. Всю ночь существо держали

прикованным к колонне из искусственного мрамора. Под утро его вывели в ярко освещенный двор и заставили проглотить возмутительно дорогое кольцо. Затем юноше-имениннику вручили нож, чтобы тот мог вернуть еще один свой подарок. Его приятели подвывали и улюлюкали, подбадривая его, когда тот начал резать и колоть существо, пытающееся уползти. Сол рассказал Дрю, что юнец был очень разочарован, когда клон наконец выблевал кольцо, умирая. Но мальчишка все равно выпотрошил его, бросался кишками в своих истеричных друзей, гонялся за своей подружкой с головой существа в руке, пока в конце концов не закинул ее в бассейн под одобрительный рев.

Сначала Дрю не знал, что думать по этому поводу. Во-первых, уничтожили созданное им произведение искусства. Словно в клочья изорвали холст картины.

Во-вторых, клоны были продолжением его самого, ведь так?

Самым важным из того, что он проделывал с каждым клоном независимо от его окончательной формы, было уничтожение сходства с создателем. Для этого он использовал множество способов: химические ванны, окраску, клеймение, татуировки, шрамирование, ожоги, ампутацию конечностей, добавление конечностей, молекулярное и генетическое манипулирование. Дрю не хотел, чтобы его создания были автопортретами. Они не должны были выглядеть так, как выглядел он, иначе они были бы просто творениями природы и науки, а не произведениями искусства. Он использовал свою материю только в качестве своего рода глины, которая всегда под рукой. А если бы у него возникли проблемы с законом (за создание клонов его лишили художественной стипендии), Дрю мог бы оправдаться тем, что он манипулировал только собственным телом, а с ним он мог делать все, что хочет. Этика клонирования и права клонированных форм жизни оставались настолько туманными вопросами, чтобы он мог не волноваться за свою деятельность. До тех самых пор, пока объектом клонирования был он сам.

Не менее важным, чем уничтожение физического подобия, было уничтожение подобия ментального. Этой цели он также достигал различными средствами. Некоторые из них были грубыми и жестокими, другие — более изящными, однако все они в лучшем случае делали из клона шаркающего идиота, неспособного даже подавать канапе на одной из тех шикарных вечеринок. И это служило еще одним оправданием — он создавал нечто, которое не более напоминало человека, чем морская звезда. Кроме того, он не хотел, чтобы его сознание пребывало в таком жутком теле. В чем-то таком, что могло бы ужаснуться от одного взгляда на себя.

В конце концов он свыкся даже с самими садистскими использованиями своих отпрысков. Убитые клоны. Клоны, подвергнутые пыткам. Клоны, ставшие охотничьей дичью. Клоны, изнасилованные всей бандой. Сол слышал, что их даже использовали в качестве мишеней для дротиков и стрел. Они не были своим творцом. И уж, конечно, они не были кем-то еще. Он не скорбел по ним, как не скорбел и по собственным отмирающим клеткам, по остригаемым ногтям. А если его искусство уничтожалось, что ж, теперь оно было чьей-то собственностью, с которой владелец может делать все, что пожелает. Деньги, уплаченные за обладание частичкой Дрю, а иногда и за ее убийство, поддерживали жизнь в его главной части.

На эти деньги он мог создавать клонов, которые значили для него больше других. Тех, которых по завершении работы он выпускал в мир, чтобы те скитались по улицам Пакстона-Панктауна, ведомые своими глупыми умами. Некоторых — обнаженными. Некоторых — укутанными от зимнего холода. Некоторых — по-своему прекрасными. Некоторых — отвратительными, подобно тем четырем, что он выпустил, к своему величайшему удовольствию, на прошлый Хэллоуин.

Но до сегодняшнего дня он не видел ни одного из выпущенных им за три года клонов мертвым. О, конечно, он слышал об участи нескольких из них. Убитых бандой. Сбитых хаверкаром. Ему думалось, что большая часть попросту замерзла или умерла от голода. Он слышал, что нескольких взяли в приют для бездомных. Ему всегда нравилось гадать о том, как необъятность города поглощала его создания. Как-то раз Дрю довелось увидеть одного из них живым через год после освобождения. Клон пожирал птичку в маленьком парке. Существо посмотрело на него без тени узнавания. Плоть его была окрашена в ярко-красный цвет. Спиральные метки украшали лоб и обнаженную грудь. Он был подобен очаровательному демону. Даже если люди не приближались к нему настолько, чтобы разглядеть его клеймо, даже если они никогда не слышали о Дрю, даже если они могли счесть существо раскрашенным безумцем, мутантом, инопланетянином или настоящим демоном, они все равно изумлялись ему. И даже если Дрю никогда не видел, как они изумлялись, его устраивало само осознание этого. Смотрели ли люди с восхищением или ужасом, он знал, что они смотрели, а глядя на его творения, они глядели на него, их творца.

Хотя Дрю и отпускал их, но всегда оставался связан со своими созданиями. Хотя он не обладал ими, он владел всеми и каждым.

С кофе в руке он направился к перегородке, чтобы проверить состояние своей текущей работы.

В прозрачных емкостях на рабочем столе и вдоль стен в булькающих растворах фиолетового цвета плавали нечеткие органические формы. Некоторые из них были зародышами, а в одном из баков он вырастил копию своей головы, подобную живому бюсту. К ее контейнеру-утробе была подсоединена система жизнеобеспечения. Дрю планировал выставить ее в таком виде в одной из местных галерей. Встав на колени, он сказал: «Привет, Робеспьер». Он постучал по стеклу, наблюдая за тем, как у клона, словно во сне, трепещут веки. Он подавил рост волос, бровей и ресниц, чтобы свести подобие к минимуму, но ради сохранения эффекта оставил существу вполне человеческий вид.

Снова плеск. Он поднял глаза и увидел, как волна фиолетовой жидкости переливается через край главной ванны и скатывается по ее боку. Дрю вздохнул, поднялся на ноги, взял тряпку и направился к емкости, которую нарек «Бассейном Нарцисса».

Подойдя ближе, он не мог не ухмыльнуться. Ухмыльнуться ей.

Подавив рост волос у головы без тела, здесь он, напротив, его стимулировал. Длинные темные волосы медленно колыхались вокруг лица клона, словно водоросли. Дрю не стал искажать или портить ее лицо, вместо этого он изменил его с помощью мастерской манипуляции генами. Это не было хирургической сменой пола. Это было чем-то более тонким и правдивым. Перед Дрю действительно была женская версия его самого. Даже Природа в своей гениальности не могла сотворить такое — идентичного близнеца противоположного пола.

Он закатал рукав и окунул руку в пузырящуюся фиолетовую жидкость. Взял в руку одну из небольших грудей и принялся мять, словно вылепливая ее из глины. Провел большим пальцем по соску, добиваясь реакции. Это заняло несколько минут, но в конце концов сосок начал твердеть. Как и Дрю. Он еще шире ухмыльнулся и стал наблюдать за тем, как за тонкими веками движутся в быстром сне ее глаза. Скоро он разбудит эту спящую красавицу. А ведь он и правда создал чертовски привлекательную женщину.

Дрю позволил своему взгляду скользнуть вниз по ее телу до самых бедер, а затем к темнеющему пятну волос. И снова к грудям, которым он придал весьма скромный размер, устояв перед искушением не скупиться. Он не хотел, чтобы она стала карикатурой.

О да, она была очаровательна. Дрю сожалел, что уже погубил

ее разум. Ему было любопытно, какой женщиной он бы оказался.

Впрочем, он изменил ее сознание не до той степени, до которой он обычно отуплял свои создания.

В той части этажа, которую он считал своей гостиной, Дрю подвесил над диваном единственного клона, за которым смотрел постоянно. У него была почти человеческая голова, хотя Дрю препятствовал формированию глаз, потому что не хотел, чтобы кто-то постоянно пялился на него, когда он работал или же просто дремал на диване. Но иногда существо всхрюкивало или хрипело. Оно было подключено к блоку жизнеобеспечения, скрытому за диваном. На столике рядом располагался пульт управления. В те редкие случаи, когда к нему приходили друзья, Дрю забавлял или пугал их, нажимая клавиши и провоцируя движения конечностей или лица распятого создания. В основном это были просто вызванные электрическими разрядами спазмы и подергивания.

Два широких лоскута кожи, пришпиленные к стене, открывали взору грудную клетку существа, создавая впечатление распростертой коровьей шкуры или живота препарируемой лягушки. Через прозрачную мембрану просвечивали ребра и толстые синеватые кишки.

Впервые увидев эту картину, Сол сказал:

— Дрю, старик, ты, должно быть, и правда себя ненавидишь, если так издеваешься над собственным телом. Это какой-то мазохизм. Ты создаешь себя, чтобы себя уничтожить. Что-то вроде суицида, так ведь?

Дрю рассмеялся:

— Это искусство, вот и все. Я просто решил использовать плоть в качестве своей среды. Люди всегда так делали. Татуировки и клеймение, шрамирование и пирсинг, обрезание и клиторотомия. Плоть как холст — только боли меньше, если проделывать все это с собственным клоном.

— Ага, видишь, о том и речь — безопасный способ себя наказывать.

— Как скажешь.

— Ты говорил, ты не можешь иметь детей, верно? Ты не производишь сперму. И ты на это реагируешь таким извращенным образом? Они будто твои дети, созданные в ненависти к собственному телу, неспособному к настоящей репродукции?

— Ну да, — отвечал Дрю. — Почему бы и нет?

— Это все из-за того, что ты ненавидел своего отца, а он ненавидел тебя?

— Совершенно верно. — Дрю покачал головой. — Но ты слишком многое усматриваешь в моем творчестве, — добавил он. — Они — это не я. Они создаются не для того, чтобы отражать мое эмоциональное или психологическое состояние. Каждый из них — это «просто человек», они — это не мое самовыражение. Мне, черт возьми, нравится, какими я их делаю. Речь идет об эстетике, и ни о чем больше.

Он вытер руку, улыбнулся своему отражению в фиолетовой жидкости. Кстати, об эстетике: этот клон грозился стать большим хитом, это уж точно. Она была так красива, что он сомневался в том, что и к ней отнесутся как к подушечке для булавок. «Если на месте владельца был бы я, — подумал Дрю, — я бы выделил ей комнату и держал ее там в качестве домашнего питомца для одиноких ночей».

Он все еще чувствовал, что у него стоит. Придется пойти и помочь себе самому. Дрю и его последняя подружка расстались три года назад. Она ценила его искусство еще меньше, чем Сол. С недостатком понимания он научился мириться.

А вот с недостатком компании было сложнее.

Сегодня дождь прекратился, и улицы были сухими. Естественно, труп все еще лежал в канаве, а его разложение было эффективно запечатано и удушено. Но в своем рвении прикрепить создание к мостовой он перестарался с герметиком. Высохнув, он приобрел бледно-желтый цвет и лежал таким толстым слоем, что напоминал грязный воск, размазанный по трупу. Но было там и кое-что гораздо хуже. Какой-то мальчишка, какой-то хулиган, спреем нанес на тело едкую ремарку. Непристойность. Это было осквернением его искусства. Он сам не осмелился оставить свою подпись, а какое-то никчемное насекомое написало на творении Дрю шутку, словно оставив свой автограф. В ярости он огляделся вокруг, будто рассчитывая на то, что мальчишка притаился где-то в переулке и хихикает над ним. Он никого не увидел. Можно ли удалить краску с помощью растворителя? Нужно попытаться. Если это не сработает, он покрасит весь труп в другой цвет, чтобы скрыть вандализм. А может быть, ему придется отковырять создание и избавиться от него. Это лучше, чем оставить его здесь в таком виде, оставить его одинокую красоту, его декларацию запачканными.

Его одинокую декларацию. «Да, пожалуй», — подумал Дрю. Он действительно искал в своей работе эмоциональное выражение. Но он использовал не свою собственную, а универсальную палитру эмоций. Он писал широкими, архетипическими мазками цветов и значений. Каждый его клон

был лишь еще одним «просто человеком» — с испорченным телом, выжженным разумом и вылущенным духом.

Дрю вздохнул, откинулся от мониторов перед собой. Одну из стен его лаборатории занимал компьютерный центр. Его экраны светились, словно аквариумы экзотических знаний. Пучки кабелей стелились по полу и взбирались на стену. В колледже Дрю преуспел. Он мог бы стать доктором — так говорил каждый член его семьи, друг или подруга, принимаясь его критиковать. Но медицина была для механиков. А он был художником. С помощью этих знаний можно было бы вылечить ухо. А можно и вывернуть его наизнанку, создав из плоти новый цветок. Уродливый или прелестный, он воплотит в себе чудо человеческого воображения, а не чудо бездумной инженерии Природы.

Она была готова к рождению из своей искусственной утробы. Он встал со стула, отпил еще один глоток кофе и подошел к ней.

Сперва он спустил фиолетовую жидкость в систему переработки, где она будет очищена для следующего создания. Когда емкость высохла, он приподнял платформу, на которой возлежал клон. Ее лицо оставалось безмятежным. Руки лежали по сторонам, ноги были бледны, словно у трупа на столе морга. Но Дрю вставил ей в рот трубку, запихнул ее в горло, будто собираясь разбальзамировать ее. Он укрепил на ее груди диски и нажал несколько клавиш на устройстве, установленном на столике рядом с баком. Разряд прошил ее влажную, блестящую плоть, спина резко выгнулась. Еще раз. Еще раз. Она была похожа на рыбу, задыхающуюся на воздухе. Подобна спящей, бьющейся в кошмарном сне.

Но в конце концов из устройства на столе раздалось пиканье, и Дрю улыбнулся. Это был звук ее сердца, пробуждающегося к жизни.

Спустя несколько минут ее глаза открылись. Она обратила на лицо Дрю тупой, рыбий взгляд. Но глаза ее следовали за ним, пока он пересекал комнату, чтобы налить себе свежего кофе. Это он отметил с удовлетворением. Он хотел, чтобы она оставалась животным. Но не какой-то морской звездой. Ему казалось, что это создание, продукт его высочайшей художественной утонченности, должно стать чем-то большим, нежели обычным, еле передвигающим ноги зомби.

Когда она начала садиться, Дрю поставил свою кружку, подбежал к ней и подал руку. Он перекинул ее ноги через сторону платформы и помог встать, перебросив ее руку через свое плечо. Она была тяжелой и неуклюжей, но он все-таки довел ее до своего

жилища. По дороге она повернулась, чтобы взглянуть на него. Он ухмылялся ей в ответ. «Привет, моя красавица», — прошептал он. Он был горд, как отец или как жених, переносящий невесту через порог.

Пока Дрю копался в своем шкафу, пытаясь подобрать ей одежку — просто какие-нибудь спортивные штаны и майку, — он посматривал на свое творение, ползающее по комнате на четвереньках. Она остановилась у подножия софы и мутным взором посмотрела на освежеванное и распятое создание на стене. Словно почуяв ее, слепое существо испустило стон.

Дрю поморщился, задумавшись над тем, не слишком ли много разума он отмерил клону-женщине. Он не мог допустить, чтобы она ползала по всей квартире, быть может, даже училась ходить. Совала повсюду свой нос. Возможно, ему следовало ее усмирить. Так или иначе, Сол все равно заберет ее через неделю с хвостиком, так что долго эта проблема не проживет.

Нагая, она стояла к нему задом. Темная расселина манила к себе, по спине раскинулись влажные волосы. Черт побери, да чего же он ждал? Дрю знал, что это было неминуемо. И он не мог стыдиться своего желания, так ведь? В конце концов, это будет просто еще одной мастурбацией, верно?

Дрю отложил ее одежду в сторону, пересек комнату, встал за спиной клона на колени. Он начал тереть ее спину. Такую гладкую. Затем стал с ней ворковать, успокаивающе сюсюкать, словно с котенком. Она оглянулась на него, быть может услышав звук расстегивающейся ширинки. Он прижался к ней, и что-то вроде притупленной, туманной обеспокоенности — не совсем тревоги — появилось у нее в глазах. Но он не спешил, был осторожен, не хотел причинить ей боль. У него не было намерения насиловать ее. Если ей тоже это понравится, он будет в экстазе. Это еще больше убедит его в собственном успехе.

Он не мог сказать, что она чувствовала. Она не сопротивлялась, когда он вдавил ее в диванную подушку и обхватил своими руками, прижав живот к ее заду. Оттенки их бледной кожи совпадали идеально, и хотя она отличалась от него, что-то в ее лице нервировало его, служило помехой его удовольствию, заставляя отвести взгляд на ее спину. Ее голова лежала на боку, в глазах не было эмоций. А на лбу была маленькая родинка, просто точка. Точно такая же, как у него на лбу. Что-то настолько крошечное, настолько незначительное, что, должно быть, было у всех его клонов, но никогда раньше не приковывало к себе внимания. Но теперь… теперь… она будто сияла, словно еще один глаз, глядящий на него.

Последующие ночи Дрю проводил с ней как для того, чтобы наслаждаться ее плотью, так и для того, чтобы не упускать ее из виду. Он нечасто покидал квартиру, опасаясь, что она примется возиться с его оборудованием, подобно любопытному ребенку, но ничего такого не произошло. Звонил Сол. Дрю сказал ему, что клон удался на славу, и не добавил к этому ни слова. Он не стал рассказывать Солу о том, как вчера одел создание и, испытывая извращенное удовольствие, вывел ее на улицу, чтобы перекусить хот-догом, купленным у автоматического торговца.

Он не стал рассказывать Солу о том, что прошлой ночью проснулся и обнаружил, что во сне клон уткнулся лицом ему в шею, а рука ее покоилась на его груди.

Хотя ему и было приятно, он нежно оттолкнул создание.

Сегодня он будет спать на диване. А она может на кровати. В конце концов, ей осталось провести в этой квартире всего несколько ночей.

Но этим же вечером он перезвонил Солу.

— Этот клиент, Сол… какие у него планы на этого клона? Он ему нужен для вечеринки?

— Вряд ли. Просто богатая пара, приобретающая для себя произведение искусства.

Они потребовали самку — это была их идея. Сперва они захотели клон женщины, которую знали, но Сол проинформировал их, что Дрю занимается только собственными клонами. Однако Дрю был вдохновлен подвернувшейся возможностью. То, каким образом будет получена женщина, делало заказанное произведение искусства еще более исключительным и ценным.

Он нажимал на Сола:

— Неужели ты ничего о них не знаешь? Они собираются выставлять ее в витрине? Выводить на вечеринки? Спать с ней? Что?

— Дрю, старина, я не знаю. Это вполне вероятно. Для этого использовали даже некоторых из твоих самых гротескных творений. А что, она к этому неспособна? Дрю? С этим какие-то проблемы?

Дрю оглянулся на клона. Она сидела на полу и смотрела фильм по его старому двухмерному ВТ.

— Они ведь не собираются… охотиться на нее или что-то в этом роде, а? — спросил он. — Связывать ее… жечь сигаретами? Насиловать ее? Вещи вроде этого? Ты можешь выяснить?

— Слушай, я не могу. А в чем дело?

— Они могут подождать еще пару недель? Другого клона? К

этому… я слишком привязался. Это моя лучшая работа. Я сварганю еще одного, точно такого же.

«Только чуть потупее», — подумал он.

— Слушай, — сказал Сол, — тогда сделай другого клона для себя, но у нас с тобой сделка, а у них — сделка со мной, и уже слишком поздно. Прости. Не заставляй меня их разочаровывать, Дрю, — они этого так ждут. И помни, что тебе деньги нужны гораздо больше, чем мне.

Дрю снова взглянул на клона. Да, это правда, он мог сделать еще одного. И на этот раз он мог сделать ее более, а не менее разумной. Достаточно разумной для того, чтобы она не жалась к нему, как преданная собака, но любила его, как истинная женщина.

Но не покинет ли она его, как делали женщины до нее? Сперва раскритикует его искусство, а потом бросит?

У Дрю еще было время решить, делать для себя другого клона или нет, но этого он должен был отдать. Может, оно и к лучшему. Она слишком смутила его. Заставила его почувствовать себя более живым, чем ему хотелось. Для его клонов было в порядке вещей голодать, замерзать, умирать на улицах. Но чтобы самому чувствовать боль одиночества… Этого бремени он не хотел. Уж лучше хранить страдание в надежно отдаленных продолжениях себя.

Выключая видеофон, Дрю заметил, что женщина отвернулась от ВТ и наблюдает за тем, как он заканчивает свой разговор с Солом. «Приветик», — сказал он с натужной улыбкой, словно провинившийся подросток, подловленный бдительной мамашей. Женщина ответила лишь взглядом темных, слегка прищуренных глаз. Она выглядела как человек, пытающийся вспомнить свой сон.

Его разбудил звук тяжелого удара.

За перегородкой мониторы и баки из лаборатории отбрасывали на потолок голубое и фиолетовое сияние. Но это был единственный источник света. Художник вслушивался в бульканье кофе и химикалий и чувствовал себя словно плавающим в темной пустоте, черной утробе. Подобно какому-то ночному насекомому стрекотал компьютер. Снаружи на балконе отбивал дробь дождь.

Все вроде бы было нормально, но чего-то не хватало.

Из гостиной раздавался звук движения. Словно чего-то ползущего. Тащащего себя по холодному голому полу в глубоком мраке.

Тут Дрю осознал, чего же не хватает, — женщины не было. Не

было теплого тела, лежавшего с ним рядом все эти ночи, не было ее кожи, липкой от любовного пота. Прошлой ночью, перед тем как он перешел к делу, она поцеловала его в губы. Результат дрессировки? Или же ее обожание вышло за пределы собачьего? Пару ночей назад она начала стонать во время их занятий любовью, стала относиться к этому с большим энтузиазмом: прогибаться, сжимать его ногами, а прошлой ночью даже была сверху.

До срока сдачи оставалось всего два дня, а Дрю стал сомневаться, что сможет расстаться с ней. Даже если у него есть возможность создать дюжину таких, как она. Это будет дюжина женщин, похожих на нее. Но они не будут ею.

Он сел в кровати и уставился в темноту. Он хотел позвать ее по имени, но его у нее не было. Она вроде бы ползла к кровати. Да, решил он, так оно и было. Неужели она упала в темноте и ушиблась? Без дальнейших задержек он вслепую потянулся к лампе рядом с кроватью…

Но как только он это сделал, он почувствовал, как она упала на матрас. Он потянулся в ее сторону, взял за руки и подтянул наверх. «Ты в порядке?» — спросил он, не ожидая ответа.

Она испустила глубокий стон.

Ее руки казались тоньше. Они напоминали атрофированные руки голодающего ребенка. И ее дыхание было болезненным. И ее грудь, когда она упала на него, была твердой и костлявой…

Дрю завопил, попытался столкнуть с себя создание, но широкие лоскуты кожи накрыли его, подобно одеялу, придавая жалкому существу вес. Его лицо вжалось в шею Дрю в ужасном подобии женского поцелуя, но тот знал, что это была не она. Это было распятое создание, каким-то образом освободившееся от шипов.

В порыве паники Дрю столкнул его с кровати, внезапно ужаснувшись мысли, что оно удушит его своим скатоподобным телом. Создание шлепнулось на пол, а он метнулся к лампе.

Оно снова стало взбираться наверх, и Дрю выпрыгнул из кровати и попятился. Он наблюдал за тем, как мерзкое создание пытается втянуть себя на кровать. Безглазая голова приподнялась, словно вынюхивая его. Искореженный рот в движении, из уголка стекает слюна. За существом тащились шнуры системы жизнеобеспечения.

Дрю оглянулся на стену, на которой оно было подвешено, и увидел стоящую перед собой женщину.

Она была обнаженной. Ее густые волосы, как и всегда, очаровательно полускрывали лицо, словно у первобытной женщины, воплощения дикой невинности. Его зверушка. Его

любимец.

Но под мышкой она держала его голову.

А по диванным подушкам были разложены все его эмбрионы, его будущие клоны. Все уже были мертвы, кроме одного, виляющего своими крошечными конечностями, будто плавниками.

Робеспьер у нее под мышкой закатил глаза, губы его дрожали. Отсоединенный от своего бака, он умирал.

Дрю почувствовал, как в нем пробуждается ярость. А вместе с яростью — дезориентирующая смесь ужаса и отвращения. Парализующая его. Его взгляд упал на шип, который женщина держала в другой руке. Один из шипов, крепивший распятое создание к стене.

С головой под мышкой и с воздетым, словно кинжал, шипом она шагнула вперед.

Дрю поднял руки и крикнул: «Нет!»

Женщина пронеслась мимо него, упала на слепое полуосвежеванное создание, пытавшееся подняться, и всадила шип в основание его шеи.

Трое рухнули как один: женщина, голова, безглазое существо. На ноги поднялась только женщина, но в руках у нее снова была голова. Она уже не двигалась, как и все те эмбрионы, что были благоговейно разложены на диване.

— Что ты делаешь? — спросил Дрю, медленно опуская руки. — Что ты наделала?

На какую-то секунду она взглянула на него. Ее лицо было почти пустым. И все же он достаточно хорошо знал собственное лицо, чтобы прочесть в нем печаль. Отчаяние. И отвращение к самой себе. Он достаточно часто видел все это в зеркале, чтобы распознать и сейчас.

Она повернулась и пошла к двери. Постучала по кнопкам, как это делал он. Изнутри кода не требовалось, и дверь мучительно проскрежетала в сторону. Куда она направлялась, голая, с человеческой головой, укачиваемой, словно младенец? Сейчас у нее в руках не было оружия, но Дрю все еще боялся последовать за ней. И все же решился.

— Постой! — крикнул он ей вслед.

Проскользнув через дверь в хлещущий ливень, он увидел женщину стоящей у перил балкона, всматривающейся в городские огни. Быть может, ищущей тех призраков, которых видел он.

— Эй, — сказал он ей, протягивая руки. — Возвращайся внутрь. Пожалуйста. Я не стану тебя отсылать. Обещаю.

Она обернулась, чтобы на него посмотреть. По ее лицу струилась вода. Он увидел, что ее губы слегка шевелятся, словно

она пыталась сформировать слова.

— Пожалуйста, останься со мной, — сказал он ей.

Женщина снова повернулась лицом к ночи. С торжественной грацией она перешагнула низкие перила.

— Эй! — выкрикнул Дрю, бросившись вперед. И он увидел, как женщина прыгнула в темный и влажный воздух с его головой, все еще зажатой у нее в руках.

Даже наблюдая за тем, как ее белеющее тело стремительно падает, Дрю вопил, чтобы она остановилась. Он припал к перилам и посмотрел вниз. Увидел, как она пролетает через желтый свет окна ниже. Затем она минула этот этаж, и он потерял ее из виду. Он услышал тяжелый удар, словно его разрубленное сердце упало на самое дно грудной клетки.

Дрю побежал вниз по лестницам, то снаружи склада, то внутри, пока не очутился на улице. Его голые ступни холодило, словно он стоял на поверхности замерзшего озера. Он был рад принять это страдание.

Он подошел к ней, встал на колени.

— Боже мой, — пробормотал он. — Зачем… зачем ты это сделала?

Он отвел влажные волосы, закрывавшие ее лицо, в страхе за то, как смерть, злобный скульптор, могла исказить его. Падение оказалось не настолько сильным, чтобы обезобразить ее. Казалось, что она просто спит с головой, повернутой на бок. Даже в смерти она была прекрасна. Прекрасное произведение искусства, истекающее кровью в канаве.

Дрю нежно отодвинул волосы с ее лба. Легко коснулся крошечной точки на нем, хотя было слишком темно, чтобы ее увидеть. Родинку, объединявшую их.

Дрю не оставил ее в канаве. Он аккуратно взял ее недвижимое тело на руки и начал долгое восхождение обратно.

Он подошел к кровати и положил ее там. Снова убрал мокрые пряди с ее лица.

Он принес с собой голову, а теперь собирал в кучу эмбрионы и тяжелый гротескный труп распятого создания. Затем он пошел в свою лабораторию и собрал все органические культуры и ростки, которые женщина в темноте пропустила.

Дрю положил женщину и всех остальных своих отродий в бак, в котором она была выращена. Но вместо того, чтобы закачать туда фиолетовую амниотическую жидкость, он снял с металлической полки две банки химикалий.

Надев на лицо маску, он вылил на тела в баке сначала одну, а затем и другую банку. Он тут же попятился от поднявшегося дыма. Внутри этих облаков тела в емкости были всего лишь

нечеткими тенями. Казалось, что они стали одним переплетенным и деформированным существом. Но конечности укорачивались, а тени начали таять, оставляя после себя лишь пар… который вентиляторы высасывали в ночной воздух, где ему было суждено рассеяться, как пеплу после пожара.

Наблюдая за тем, как последние струйки дыма поднимаются к вентилятору, Дрю оплакивал женщину. Он оплакивал себя самого.

Он чувствовал себя собственным призраком… словно это он только что совершил самоубийство.

Сезон свежевания

Огромных зверей называли флюками. Их слегка поблескивающие малахитовые шкуры были испещрены черными и зелеными завитками. Народ энцев сдирал их с животных в гаражах из керамических блоков или в напоминающих ангары строениях с крышами из металлолома. Желтая и водянистая кровь флюков ручейками струилась по всему району, пока не утекала в канализационные решетки. Когда сезон свежевания заканчивался, она корочкой покрывала сточные канавы.

Однажды Коль довелось наблюдать за тем, как команда энцев захватывала флюка. Этого раза ей хватило на всю жизнь. Распухшее, напоминающее головастика существо вызывали из его родного измерения в это. Как его заманили, она не понимала, однако и сами энцы перебрались в Панктаун из того же смежного с ним места. Еще до того, как успело пройти все тело, энцы уже цепляли его за бока крюками, обматывали тросами, вонзали шипастые пики в различные отверстия. Отверстия эти трепетали, и из них раздавался мучительный хрип. Наконец вышел остаток раскачивающегося в трех метрах над улицей тела, и оно рухнуло вниз с неприятным шлепком. Гигантское существо извивалось, размахивало похожими на канаты конечностями, но энцы быстро его добили, почти не повредив шкуру.

Теперь, увидев, что на улице поймали флюка, Коль задернула шторы и включила музыку, чтобы заглушить звуки бойни. Это было что-то ближневосточное, быстрое и нестройное, а потому отвлекающее. Но избежать связанного с сезоном свежевания представления как такового было сложно. В этом районе было много энцев. Они вывешивали огромные лоскуты малахитовых шкур сушиться, словно белье. Шкуры шуршали на ночном ветру и пахли дегтем — то ли это был их естественный запах, то ли он появлялся после какой-то обработки. Но когда их подсвечивало солнце, зрелище было прекрасным. А затем энцы покрывали этими шкурами свои собственные тела. Коль не видела и не понимала, как они это делают, однако каждый сантиметр обычно серой кожи этих обнаженных поселенцев оказывался покрыт туго облегающей кожей флюков. Весь следующий сезон энцы выглядели словно скелеты, вырезанные из малахита. А потом по какой-то причине — Коль считала, что религиозной, потому что религией можно объяснить самое необъяснимое поведение, — плоть отскабливали или сбрасывали до следующего сезона свежевания.

Конечно, можно предположить, что в их собственном мире

шкуры согревали их в холодное время года, хотя здесь сезон свежевания и приходился на лето. Но вот в изображениях не могло не быть религиозного смысла. Даже сейчас Коль, приглушив музыку, стояла у окна с чашкой чая в руке и смотрела на один из мясных манекенов, покачиваемый вечерним ветерком. Он свисал с шеста, торчащего из окна второго этажа. Как раз над головами тех, кто мог проходить ниже. По всему району их будут десятки, потому что настало время свежевания. Манекен представлял собой слегка антропоморфную фигуру, вырубленную из полупрозрачной белой плоти, скрывавшейся за прелестной шкурой какого-нибудь флюка. Вообще-то энцы ели это белое мясо. Хотя Коль не ела мяса и не носила на себе плоть животных, она знала, что подобные традиции были свойственны отнюдь не только энцам. Но манекены были для нее гораздо большей загадкой, чем ношение шкур флюков. Энцы скрывали смысл своих традиций, но не стеснялись того, что продукты этих традиций мог увидеть любой. Эти подвешенные тотемы были утыканы толстыми шипами и длинными тонкими гвоздями и опутаны чем-то вроде колючей проволоки. Они были словно страдающие святые, вырезанные из живота Господня.

Птицы осторожно садились среди лесов острых шипов, чтобы поклевать тела. Бродячие собаки подбирали их куски, упавшие на улицу. Когда они слишком сильно распадались или начинали слишком дурно пахнуть, их заменяли новыми изображениями. И так происходило до самого окончания сезона свежевания.

Коль глядела на подвешенную напротив своего окна фигуру, и ей казалось, что та смотрит на нее. Шипами вместо глаз.

Ее район был застроен тесно прижатыми друг к другу зданиями, окрашенными во все оттенки серого. Их стены блестели от дождя, а временами белели в электрических вспышках от искрения старой рельсовой линии, ведущей к торговому центру Канберра-Молл. По этой линии Коль только что вернулась домой. Она работала в одной из кофеен в центре. Вся ее одежда слишком сильно пропахла кофе. Ей никогда не приходило в голову, что она может устать от этого запаха. Она приняла душ, приготовила чашку чая (опять же, Коль не могла и подумать, что когда-нибудь ей надоест вкус кофе). Сейчас она могла позволить себе всего эти четыре небольшие комнаты (включая ванную), но когда-то у нее была работа получше. Она была сетевым исследователем в крупном конгломерате с головным офисом на Земле, и она прекрасно помнила, чем ей приходилось заниматься. Чего она не помнила, так это того, как ее насиловали на парковке компании. Изнасилование ее

травмировало. Преступников так и не поймали. Ей стало так неспокойно, так боязно отлучаться из собственной квартиры, выходить куда-то ночью, даже ходить на работу, что в конце концов ее уволили.

Но это к лучшему, заверил ее доктор, к которому ей все-таки пришлось обратиться. Она должна была начать жизнь заново, оставить все кошмары позади. Хотя извлек их из ее разума именно он. Нападение было аккуратно и точно выжжено у нее из памяти. Оно было выжжено из целой череды последовавших за инцидентом мыслей, незаметно выявленных комплексным сканированием мозга. Не осталось даже воспоминаний о полученных физических увечьях, ведь из них она могла выяснить, как ее насиловали.

Она снова стояла в халате у окна, снова с чаем, и наблюдала за тем, как дождь стекает по окну. Со стороны торгового центра просвистел экипаж, и искры озарили фасад дома напротив. Манекен пялился на нее. Его шипы казались еще чернее на фоне высвеченной — почти сияющей — плоти. Затем призрак исчез, и Коль отступила от окна, задернув шторы. Поставив чашку на стол, она распахнула халат и посмотрела на свое тело. Гладкое, белое. Единственным шрамом было маленькое аккуратное углубление ее пупка, похожее на глубокий прокол. Что сделали с ней те люди? Как сильно ее пришлось восстанавливать?

Джаз играл почти неслышно. Коль продолжила свое чаепитие и вернулась в ванную, где зеркало уже обретало былую ясность. Ее отражение разглядывало ее. Влажные спутанные волосы, окрашенные в темно-красный… густой черный макияж, который она предпочитала, смыт, а потому глаза выглядят словно голыми — слабыми и угасшими. Почему ей нравилось красить волосы и пользоваться темно-коричневой помадой? Может, такой ее любил муж, находил это привлекательным? Никаких воспоминаний о нем не осталось, но могло ведь быть, что сканирование и выжигание все же оставили следы, ведущие к их отношениям? Мог ли ей нравиться какой-то кинорежиссер по той причине, что с его работами ее познакомил муж? Мог ли звучащий сейчас джаз проигрываться с чипа, который купил ей он? Она попыталась припомнить покупку этого конкретного чипа и обнаружила, что не может.

Мимо снова пролетел экипаж, и мрак озарился. Затем, подобно векам, опустилась тьма.

— Обожаю здешний запах, — сказал клиент. Коль готовила его мокко со взбитыми сливками, стоя к нему спиной, но почувствовала улыбку в его голосе. Она поставила перед ним

кофе и выбила чек. Он вывалил всю свою мелочь в кружку для чаевых, словно пытаясь ее впечатлить. — Тот еще вечерок для торговли, правда? Все сидят по домам и смотрят игру…

— Игру? — без интереса спросила Коль.

— Не берите в голову. — Мужчина засмеялся. — Меня все это тоже не интересует. Уж лучше почитать. — Он приподнял пакет из книжного магазина чуть дальше по проходу. — Вам нравятся книги?

Коль отвела с лица выбившуюся прядь волос и тут же пожалела об этом, потому что мужчина мог расценить этот жест как флирт:

— Я читаю в сети, — любезно ответила она.

— Эх… так не почувствуешь запаха бумаги. И не окунешься в ванну с…

— Почему же, у меня есть головная гарнитура, — но она пожалела о том, что вступила в обсуждение своей частной жизни. Тем более в обсуждение занятий, при которых она была голой. К счастью, в кофейню зашла новая клиентка и принялась разглядывать пакеты со свежими бобами. Коль всей душой желала, чтобы она поторопилась и подошла к стойке.

— Ладно, — вздохнул молодой человек, взяв свой кофе. — Самое время двигаться домой, пока не закончилась игра и пьяницы не повылезали из баров, верно? Вы уж сегодня поосторожнее…

— Спасибо, — сказала Коль. Каждый вечер, покидая центр и дожидаясь экипажа, она была осторожна. Она купила себе очки ночного видения, выглядевшие как обычные солнечные очки, а в сумочке носила маленький пистолет.

Коль смотрела на то, как мужчина уходит, и чувствовала легкое удивление оттого, что он забросил свой флирт, так и не пригласив ее куда-нибудь. Постеснялся ли он новой клиентки или же у него вообще не было намерения куда-то ее приглашать? Или даже флиртовать — может, он просто хотел быть дружелюбным. Коль с удивлением осознала, что хотя минуту назад ее и возмущали его ухаживания, сейчас она чувствовала себя слегка разочарованной. Он был привлекательным мужчиной. Определенно умным. Возможно, чувствительным.

Но если ее привлекали эти качества, разве не был таким ее муж? А он, должно быть, по прошествии времени проявил свою темную сторону. Может, он ей изменял или стал алкоголиком. Бил ее. Даже насиловал. Должно быть, он причинял ей много страданий, если она вернулась к своему доктору и заплатила за уничтожение всех воспоминаний о своем муже. После того как развелась с ним. После того как выбросила все его фотографии и

съемки с его участием. После того как сменила имя и перебралась в новый район, где иммигранты-инопланетяне ее не тревожили. Не находили ее привлекательной даже с красными волосами и коричневыми губами.

Коль даже почувствовала себя оскорбленной, обиженной на то, что мужчина потерял к ней интерес, которого, может, и вообще не было. Но это, без сомнений, было к лучшему.

Через час она закрыла кофейню на ночь и присела с журналом на скамью в главном холле. Мимо проходила группа подростков, которые разглядывали ее, издавая при этом чмокающие звуки. Не прекращая чтение, Коль запустила одну руку в сумочку, но мимо прогрохотал помятый и покрытый граффити робот-охранник и покатился за мальчишками, подгоняя их вперед. Она убрала руку со ставшей скользкой рукояти пистолета.

Хотя и с опозданием, но сестра все-таки появилась. Ее Терр, такая красивая, с густыми черными бровями и головой идеальной формы, выбритой до темной щетины. Она легко поцеловала Коль, и они пошли к выходу из полузакрытого торгового центра.

— Предательница, — сказала Коль, указав кивком на стакан с кофе марки не ее кофейни у Терр в руке.

— Прости, не смогла дотерпеть…

Коль поинтересовалась у сестры о ее свадебных планах. Ее жених был, похоже, вполне достойным мужчиной — привлекательным, чувствительным, артистичным. Коль беспокоилась о Терр, но боялась хоть как-то омрачить ее восторг. Ей просто хотелось, чтобы сестра знала его чуть дольше.

— Как дела у тебя? — спросила Терр в ответ по дороге к ресторану, где они планировали поужинать и пропустить пару стаканчиков чего-нибудь спиртного.

Коль не отрываясь смотрела на ночной город за ветровым стеклом. Некоторые здания были так черны, словно в них вообще не было окон, будто гранитные обелиски. Другие были освещены ярче, но ничуть не теплее. Один из огромных зубчатых храмов тиккихотто, возведенный из синего камня и подсвеченный синими прожекторами, особенно поразил Коль своим одиночеством. Некоторые местные журналисты писали о Панктауне как о чудесной смеси культур, как о восхитительном плавильном тигле этносов. Коль же чувствовала, что здания представляли собой не богатое многообразие, но тихую какофонию, дисгармоничную по причине того, что множеству непохожих друг на друга пришельцев приходилось существовать плечом к плечу.

— Терр, — спросила она блеклым голосом, — тебе нравился

мой муж?

— Черт возьми, Коль! — сказала Терр. — Дьявол подери!

— Что?

— Хочешь, чтобы мы попали в аварию? — Терр взяла себя в руки, сконцентрировались на дороге. — Ты же знаешь, что я не могу о нем говорить. Ты просила меня никогда не говорить о нем… и о той ночи! Ты хорошо заплатила за проделанную над собой работу. С какой стати тебе вообще захотелось это знать?

— Я не знаю, это просто… это беспокоит меня… иногда.

— Это беспокоило тебя, когда ты знала. Потому ты и захотела забыть. Сперва изнасилование, потом его. Ты страдала и поэтому захотела избавиться от боли. Сейчас ты снова обретаешь жизнь, так что не оглядывайся.

— Мне просто иногда любопытно. Разве может быть иначе? Живет ли он все еще в городе? Спрашивал ли он тебя когда-нибудь, где я? Обижал ли он меня… физически?

— Коль, заткнись. Я просто держу то обещание, которое ты заставила меня дать раньше, так что заткнись.

— Всего одно слово, Терр. Пожалуйста. Он обижал меня? Физически?

Терр промолчала, покачала головой.

— Пожалуйста, Терр. Всего одно слово.

— Нет. Не физически. Все? Довольна? Не физически.

— Тогда как? Почему я его бросила? Или он бросил меня? Может, он и не обращался со мной плохо, а наоборот, а? Может, потому я и хотела его забыть… потому что так любила его…

— Это в любом случае не имеет значения. И не имеет значения, нравился ли он мне или нет, жив он или мертв. Ты так хотела, а я дала свое слово, вот и все. Двигайся вперед. Тебя очистили, у тебя новое начало. Ты должна сконцентрироваться на том, как вернуть свою старую работу, или на том, как засудить этих ублюдков и забыть об изнасиловании и своем браке.

— Я была замужем два года и встречалась с ним до того. Пропали три года. Я помню свою работу в то время, но не его. Я помню свои визиты к дантисту в то время, но не его. Это попросту… странно, Терр.

— Уверена, что так и есть. Но не так странно, как быть изнасилованной.

На несколько секунд Коль снова замолчала. Потом сказала:

— Порой я пытаюсь вспомнить. Я думаю, что песня напомнит мне, или запах, или…

— Это невозможно. Это не вернется, так что не жди. Воспоминания физически изменяют мозг. Твой мозг физически изменили, чтобы все это стереть. Ты никогда не вспомнишь, ясно?

Все это ушло, будто этого никогда и не было… как и должно быть. Это наилучшее возможное приближение к возвращению во времени и отмене того, что уже произошло. Я бы и сама хотела вернуться и подправить пару болезненных воспоминаний, когда у меня будут на это деньги. Не папу целиком, только те разы, когда он дразнил меня. Он ведь мог быть настоящим садистом. А еще кое-что из школьных времен… — Терр кивала, ее напряженное лицо подсвечивалось дисплеями с приборной панели. — Хорошо забывать. Жизнь причиняет слишком много боли.

— Я знаю, — мягко согласилась Коль. — Просто… забавно иметь… такие провалы. Три года. Даже… даже изнасилование. Это что-то важное и произошло со мной…

Терр взглянула на свою сестру:

— То, что с тобой случилось, — ужасно! Это тебя ничему не научило, ты ничего из этого не извлекла, тебе это не нужно, так что забудь об этом, слышишь меня? Забудь об этом!

— Это дыра. Иногда страшнее не знать, насколько это было плохо! Иногда я воображаю себе один кошмар, а иногда — другой. То же с моим мужем. Я пытаюсь заполнить дыру, и это меня пугает!

— Доктор сделал все, что мог. Остальное зависит от тебя. Ты недостаточно сильно стараешься. Тебе нужно двигаться дальше, а не оглядываться назад. Знаешь, ведь папа и тебя часто дразнил. Может быть, нанес вред твоему самоуважению. Тебе нужно вернуться и вычистить все это. Это может помочь. Знаешь?

— Это будет не настоящая память о папе! Это будет версия, подвергнутая цензуре!

— Это будет тем, чем должно было быть, — проворчала Терр.

— Помню, когда мы были еще детьми, мы с тобой подрались, и ты душила меня до тех пор, пока я не стала задыхаться, и я по-настоящему испугалась… Может, мне и это стереть, а?

— Мы же были просто детьми! — огрызнулась Терр. — Но если это все еще тебя беспокоит — конечно, валяй.

— Тогда у меня вообще мало что останется, — пробормотала Коль. — Мы столько времени тратим на сон. А тут времени теряется намного больше…

— Плохого времени. Оно тебе не нужно. Так лучше. Как может быть иначе?

Коль наблюдала за тем, как луна опускается на шпили и памятники зазубренного силуэта города. Луна была в трех четвертях, и Коль казалось, что кто-то откусил от нее добрый кусок.

Коль переехала сюда в конце прошлогоднего сезона

свежевания, и теперь она могла с облегчением сказать, что бойня этого года близится к завершению. Все происходило со сдвигом на пару месяцев, но она предполагала, что год энцев короче. Кровь уже не бежала по сточным канавам, а манекены не меняли. Их оставили крошиться, сохнуть и мумифицироваться на палящем солнце.

Теперь ей стало приятнее ходить по району, и ранним вечером одного из воскресений она совершила прогулку до местного рынка. На пути домой она задержалась у фасада одного здания. Она останавливалась здесь и раньше.

Это было старое, осыпающееся кирпичное строение, возведенное коренными обитателями планеты Оазис, чумами, еще до ее колонизации. Но в его кирпичах пребывала окаменелость, не являвшаяся древней. Это была мумифицированная фигура землянина. Неудачная телепортация вплавила половину бедняги в серый кирпич. Над его головой была нарисована стрелка, похожая на те, которыми отмечали стены, чтобы обозначить трубы водопровода, нуждающиеся в починке. Словно без нее он остался бы незамечен. Тем не менее ту его часть, которая находилась на виду, не стали убирать. Никто также не спешил объявлять ее своей собственностью. Его одежда была по большей части изорвана и истрепана, а одной руки не было. Вероятно, ее оставили себе юные хулиганы вроде тех, что спреем нарисовали гениталии на месте его собственных, отсохших.

Вся его правая сторона с головы до ноги утопала в стене. Половина лица вросла в кирпич так, что снаружи оставалась одна глазница и половина безгубой гримасы. Несколько прядей серых волос полоскались на вялом летнем ветерке.

Коль протянула руку и легко дотронулась до его плеча, словно для того, чтобы успокоить его одинокие, тихие страдания. Затем она смущенно огляделась вокруг и обнаружила, что со второго этажа этого же здания за ней наблюдает энц. Его лицо было так непроницаемо, а взгляд глубоко утопленных глаз таким цепким, что она смутилась. По его покрытой черно-зелеными завитками маске она не могла сказать, испытывал ли он простое любопытство или же находил жестокое удовольствие в наблюдении за ее сентиментальностью. Однако, будучи замеченным, энц тут же скрылся, словно застеснявшись. Несмотря на колоссальные различия между их расами, его скрытное поведение навело Коль на мысль, что он, быть может, даже тайком восхищался ею.

Обеспокоенная этим выводом, она поспешила к своему дому, надеясь успеть до темноты.

— И снова привет, — сказал симпатичный молодой человек, облокотившись на стойку. Неужели он слонялся возле кофейни до тех пор, пока не увидел, что в ней никого не осталось? — Как насчет большого стакана мокко со взбитыми сливками?

Коль слабо улыбнулась и повернулась к нему спиной. Неохотно.

В этом месяце он зашел сюда в третий раз. Во второй раз она втайне была рада увидеть его снова. Но затем, после того как они перебросились парой слов и он ушел, ее стали одолевать сомнения. Даже страхи.

Что, если он знал ее еще до терапии? А что, если это был ее муж, которому удалось ее отыскать, выследить ее? Ее муж, который каким-то образом выяснил, что она его не узнает? Ее муж, который получал извращенное удовлетворение от повторного соблазнения своей бывшей жены, который хотел показать ей, что ей не удастся так легко от него отделаться…

Ее глаза метнулись к сумочке, лежащей на задней стойке. Ее пистолет был там. Если он попытается обойти стойку…

Поставив перед ним кофе, Коль спросила:

— Так что вы собираетесь читать теперь?

— Сборник рассказов писателя двадцатого века Юкио Мисимы. — Мужчина показал ей книгу. — Он покончил с собой ритуальным вспарыванием живота.

— Фу, — Коль нервно хихикнула, принимая его деньги. — Что ж, приятного чтения.

— Вам тоже следовало бы его почитать… он великолепен. — Ритуальное сбрасывание мелочи в ее кружку для чаевых. — Ладно, еще увидимся, а?

— Ага. Пока.

Коль наблюдала затем, как он уходит. В этот вечер она закрыла кофейню на пятнадцать минут раньше, добежала до книжного магазина и купила томик рассказов Мисимы. Она собиралась прочитать его этой ночью, начав по дороге домой. Там могли быть какие-то зацепки, даже если он и рассчитывал на то, что она не оставит их без внимания. Что-то, что могло раскрыть его истинную личность, его подлинные намерения.

Если он был ее мужем. Даже если он был одним из насильников с парковки…

— Да… я об этом помню… — сказала она в видеофон, правой рукой машинально перелистывая страницы сборника Мисимы. — Доктор Руди проинформировал меня о возможности сохранить записи моих воспоминаний на тот случай, если я передумаю… за

дополнительную плату. Но в то время я не думала, что мне это когда-нибудь понадобится, и хотела немного сэкономить, так что…

— Так что вы предпочли не сохранять эти записи, — сказала секретарша доктора Руди. Она отвернулась от экрана, глядя на другой монитор.

— Ну да, — сказала Коль. — Но я надеялась… Я думала, что он, может быть, все равно делает такие записи, а потом хранит их какое-то время после процедуры на тот случай, если кто-то изменит свое решение. — Коль попыталась пошутить: — Или захочет, чтобы его самого изменили обратно.

— Нет, я боюсь, что это не в правилах доктора Руди. А даже если бы это было и так, с вашего первого сеанса прошло уже больше года. Но, нет… — женщина повернулась к Коль лицом. — Я все равно проглядела архивы и не обнаружила каких-либо признаков того, что он вообще делал запись удаленных вами воспоминаний. Мне жаль.

Коль улыбнулась, пожала плечами:

— Все в порядке… В действительности, я и не думала, что у него что-то осталось. Мне просто было любопытно. Все равно спасибо.

— Жаль, что не смогла вам помочь.

— Это неважно. Еще раз спасибо. — Коль нажала на клавишу, и вместо женского лица появился скринсейвер.

Коль еще раз пролистала книгу Мисимы, на этот раз более осознанно. В одном из рассказов, «Патриотизме», в агонизирующих любовных подробностях описывалось синдзю — двойное самоубийство — японского офицера и его жены. Особенно детально рассказывалось о том, как мужчина выпускает себе кишки. Коль почти могла представить, как Мисима записывает свои наблюдения, вспарывая собственный живот. От кровавых картин, возникавших в воображении по ходу чтения рассказа, у нее так закружилась голова, что ей пришлось отложить книгу на несколько секунд, чтобы успокоить дыхание.

Что молодой человек мог предлагать этой книгой? Был ли он действительно ее мужем, одержимым ею, выследившим ее… а теперь предлагающим пойти на самое жертвенное из всех романтических деяний вместе? Умереть как единое целое, исполнив ритуал синдзю?

Коль снова подняла взгляд на беспорядочные завитки цвета, заполняющие экран видеофона. Насколько внимательна была секретарша в действительности? Нужно ли ей попробовать поговорить с доктором Руди самой?

Что, если Руди хранил записи для своих личных целей? Для

собственного увеселения? Может, он и сейчас наблюдает брачную ночь Коль и ее мужа глазами Коль?

Может, он наблюдает изнасилование на парковке, находя это возбуждающим?

Эта мысль так ее ужаснула, что она вздрогнула. Но ведь все мужчины были такими, верно? В ходе опросов они свободно признавали, что пошли бы на изнасилование, если бы знали, что оно сойдет им с рук. Это была их любимая сексуальная фантазия. Мужчине хочется — мужчина берет. Она снова подумала об энце, глядящем на нее из окна. Его лицо было лицом всех мужчин, лишенным лживой плоти, фасада цивилизации. Лишь пялящиеся глаза и мертвый оскал.

Наступила ночь. Коль поставила музыку. Приготовила чай. Подошла к окну.

Завтра она вернется на работу. И, как всегда, она возьмет с собой пистолет… хотя в последнее время она стала носить его в кармане, а не в сумочке. И если молодой человек снова появится, она наставит на него ствол и потребует, чтобы он раскрыл свою личность.

Если он окажется насильником, она выстрелит ему в лицо. А если он окажется ее мужем, она выстрелит ему в сердце, а затем выстрелит в сердце себе, потому что синдзю значит «внутри сердца». И тогда они с мужем соединятся, связанные смертью навсегда. Они станут единым целым.

Мимо пронесся экипаж. На секунду искры осветили пугало из плоти, вывешенное из окна напротив… теперь едва ли на что-то похожее, просто связка оборванных кусков, готовая развалиться.

Вакизаши

На стенах камеры л'льюида висели распечатки увеличенных фотографий трех его жертв. Соко разглядывал их в ожидании появления л'льюида из его контейнера. Он напоминал ленивого джинна, который терпеть не может выбираться из своей лампы.

На одном из снимков была полная молодая человеческая женщина, лежащая лицом вниз в высокой траве заброшенного уголка парка. На ней были только носки. Второй плакат демонстрировал обнаженную женщину, свернувшуюся калачиком в пещерообразном зеве дренажного туннеля в том же парке. На третьей фотографии было лишь женское лицо. Очевидно, снимок был сделан в морге. Ее глаза были открыты, а рот выглядел огромной таинственной улыбкой; она была чумом, представительницей коренного населения Оазиса. Чумы были гуманоидами, если не брать в расчет гигантские рты, напоминающие раны, идущие от уха до уха. Но ни на одной из этих женщин не было видимых ранений. Л'льюид творил свои зверства внутри их тел.

У него в камере был компьютер, он стоял на столе под плакатами. У него также был доступ в сеть, оттуда — а именно с сайта TrueCrime — он и достал фотографии своих жертв. Соко было интересно, осведомлены ли их семьи о том, что их любимые таким образом демонстрируются в камере существа, их убившего. Хотя он сомневался, что семьи смогли бы что-то предпринять, чтобы нарушить права л'льюида на получение информации и декорирование собственной камеры. Директор тюрьмы мог лишь попросить его снять плакаты добровольно, а л'льюид сказал ему, что он повесил их для того, чтобы напоминать самому себе о свершенных им ужасных деяниях, чтобы его могли тревожить призраки жертв и он мог раскаиваться в своих грехах.

Соко снова обратил внимание на контейнер заключенного, стоявший в центре комнаты. Кровати в камере не было, узник отдыхал в этом устройстве. Оно было больше чем кроватью, оно было его системой жизнеобеспечения. Когда он еще был дипломатом, жившим в посольстве своего народа, расположенным здесь, в Панктауне, напротив парка, в этом устройстве его транспортировал помощник-человек. Сейчас он находился за решеткой в этой же тюрьме за соучастие в преступлениях посла. Он таскал лампу джина в парк на своей спине и выбирал для босса подходящие жертвы.

Соко услышал тихие скрежещущие звуки. Они были механическими, такие звуки могли издавать очень старые часы

перед тем, как пробить час. Контейнер состоял из центрального цилиндра и двух цилиндров поменьше, приваренных к его сторонам. Все три были сделаны из металла цвета бронзы. На главном цилиндре разошлась спиральная диафрагма. Краем глаза Соко увидел, что еще один человек, находившийся в камере, шагнул вперед в предвкушении.

Хотя Соко и сомневался, что л'льюид попробует применить насилие, он все же положил руку на пистолет в набедренной кобуре. Как и все охранники в Пакстонской тюрьме максимальной безопасности, он был вооружен личным огнестрельным оружием, которое не позволило бы выстрелить, если бы почувствовало, что его держит не тот охранник, на которого оно было выписано. (Во время одной из попыток побега заключенный отрубил руку охранника и не позволял пистолету из нее выпасть, но оружие почувствовало, что рука неживая, и, вопреки надеждам, отказалось функционировать.) Но л'льюид не стал бы пытаться украсть его оружие: он был защищен дипломатическим иммунитетом, а потому его должны были вернуть домой, как только условия позволят открыть портал, ведущий в то измерение, в котором пребывала его планета.

Заключенный начал выходить из своей камеры внутри камеры. Зрелище напоминало детскую игру в паровозик, растянутый почти до точки разрыва. Из обоих боковых сопел в воздух протянулись нити упругой материи цвета плоти. Эти ложноножки прикрепились к потолку, словно затем, чтобы поднять остальное тело. Из центрального цилиндра возникло нечто, напомнившее Соко кучу акульей икры: бесформенный кусок плоти с двумя напоминающими рога конечностями сверху и двумя снизу. Пара нижних почти целиком пребывала внутри устройства. Соко не представлял, чем они могли заканчиваться, и не знал, сколько еще существа оставалось в контейнере. Два верхних рога, явно гибкие, слегка колыхались, как усики.

На передней части главного цилиндра располагалась решетка. Оттуда шел голос, мягкий, шепчущий, просеянный через песок статики. Это был перевод слов л'льюида:

— Здравствуйте, офицер Соко. А мой гость?..

Второй человек улыбнулся и приветственно кивнул:

— Посол Рхх, меня зовут Дэвид-Пол Фреснер, и я являюсь новоназначенным духовным посредником ПТМБ.

— Как я и надеялся, — прошептало устройство на полу. Подобия паровозика свисали над ним, словно две безжизненные виноградные лозы, растущие из медной вазы. — Очень приятно.

— Я здесь по вашей просьбе. — Фреснер улыбнулся, но из вежливости придал лицу страдальческое выражение. — Просьба

непростая, но…

— У вас должна быть возможность найти кого-нибудь с неизлечимым заболеванием, кто хотел бы оставить своей семье те деньги, которые я предлагаю. Кого-нибудь, кто хотел бы прекратить свои страдания…

— Ну, вообще говоря, обсудив вопрос с директором тюрьмы, мы нашли другое решение вашей… проблемы. Ммм, в этом учреждении есть люди, которым был вынесен смертный приговор. Я сам не являюсь сторонником концепции экзекуции, но, так или иначе, они все равно ждут смерти. Директор лично опросил дюжину подобных заключенных на предмет того, не пожелают ли они… содействовать вам в проведении вашего… ритуала… в обмен на предложенные вами деньги с вашего личного счета.

— И каков результат?.. — Усики покачивались, словно водоросли.

— Ну… хм-м, вообще-то нам пришлось столкнуться с нешуточной обеспокоенностью. Естественно, большинство приговоренных надеются на смягчение наказания. Но, кроме того, присутствовало беспокойство насчет боли. Директор сказал им… ааа… сказал им, что накачать их обезболивающими будет невозможно, поскольку это ослабит… предсмертные судороги…

— Это называется «Вибрация», — поправил его л'льюид.

— Признаться честно, в этом-то я и вижу основания для мощнейшего общественного… неодобрения.

— Но вы все же нашли желающего? Выразил ли кто-нибудь из них заинтересованность?

Соко повернулся, чтобы взглянуть на лицо другого мужчины. Он не мог поверить в то, что кто-то мог согласиться быть убитым другим заключенным, особенно тем способом, которым л'льюид расправлялся со своими жертвами.

— Да… да, один нашелся. Он ваиаи. Если вы не в курсе, весьма гуманоидная раса. Его зовут Уво Ки. Он убил пятерых человеческих подростков, живших в его доме. По всей видимости, они в прачечной изнасиловали его жену, но она не смогла опознать их по лицам, потому что ваиаи слепы. То есть вместо зрения они используют что-то вроде радара. Так или иначе, акт мести мистера Ки был признан множественным убийством первой степени, отсюда и приговор. В конце концов, двум из мальчишек было всего по тринадцать лет.

— И этот человек… этот Ки… хочет, чтобы деньги достались его жене.

— Да. Он готов на это пойти. Даже без обезболивающих.

— Отважный человек, — сказал л'льюид. С чем-то, похожим на вздох, он добавил: — Я бы предпочел самку… — Его слова

были полны тоски.

Соко взглянул на тягучую сущность, а потом снова на духовного посредника. В горле у него пересохло. Сглатывая слюну в попытке его увлажнить, он поперхнулся. Несколько раз громко кашлянул. Он увидел, что рога заключенного, напоминающие рожки улитки, с любопытством направлены в его сторону.

— В других учреждениях есть женщины, приговоренные к смерти, — сказал Фреснер, — но мы были озабочены тем, что протест общественности будет еще сильнее. Смертная казнь — это выражение воли большинства, иначе она не практиковалась бы. Но те, кто выступает против, поднимают очень много шума, и их неодобрение будет малоприятным, поэтому мы надеемся избежать широкой огласки. Директор тюрьмы уже побеседовал на эту тему с Колониальным управлением в Миниозисе, просто для того, чтобы увериться в наличии юридической почвы под ногами. К счастью, в свете вашего дипломатического статуса нам дали зеленый свет. Протесты мы постараемся заглушить. Директор уведомил все участвующие стороны о том, что нельзя терять время… о том, что, согласно вашим верованиям, вы должны принять жертву в течение двух недель, чтобы… духовно укрепиться.

— Превосходно, — одобрил человека посол Рхх. — Вы проделали прекрасную работу в определенно непростой ситуации, мистер Фреснер. Уверен, что вы прекрасно проявите себя на вашей новой должности.

— Благодарю вас. — Соко показалось, что Фреснер выглядит искренне польщенным. — Что ж, ммм, тогда мы начнем подготовку. Постараемся устроить все как можно быстрее, пока не возникли какие-либо сложности. Пока мистер Ки, хм… не передумает или протесты не станут слишком… докучливыми. Надеюсь, это займет не больше недели. Чем быстрее мы это провернем, тем меньше вероятность того, что кто-то найдет юридический способ нам помешать. Если нам очень повезет, все будет позади еще до того, как общественность прослышит об этом. Так что… буду держать вас в курсе.

— Я вам признателен, — промурлыкал л’льюид.

— Ну и чудесно. Что ж, я… я полагаю, это все, до встречи…

— Приятно было познакомиться, мистер Фреснер, — прозвучал голос из контейнера. Одна из эластичных конечностей, прикрепившихся к потолку, отошла со звуком, напоминающим отдираемую изоленту, и, опускаясь, протянулась в направлении духовного посредника. Ее конец начал сплющиваться в листообразную форму, более пригодную для человеческого

рукопожатия.

До того как отросток закончил свою трансформацию, Соко достал из кобуры пистолет и нацелил его не на само существо, но на звуковоспроизводящее устройство на его системе жизнеобеспечения.

— Посол, не прикасайтесь к мистеру Фреснеру.

Конечность замерла в воздухе в нескольких сантиметрах от посредника. Она начала отходить назад, ее конец принял свой обычный вид.

— Я лишь желал выразить свою благодарность традицией вашего вида, офицер Соко, но как вам будет угодно. До встречи, мистер Фреснер, и еще раз спасибо. — Центральная часть л'льюида снова опустилась в контейнер, будто бы сжавшись по ходу погружения. Покачивающиеся рожки исчезли последними. Две гибкие конечности скользнули обратно в свои сопла, которые затем втянулись в свои цилиндры с лязгом и звоном. Отверстие в центральном цилиндре с жужжанием закрылось. Л'льюид исчез настолько основательно, что казалось, будто он вернулся в родное измерение, а не скрылся, подобно кобре, в своей корзине.

Соко машинально провел рукой по затылку, ощущая под ладонью грубую щетину своего аккуратного черного ежика. Кофе испускал ароматный пар, контрастирующий с морозным видом из окон кафетерия. Небо резало глаза яркой голубизной и выглядело синтетическим. Околотюремная земля сверкала заплатами отражающего солнечный свет снега. Тот снег, что не растаял после бури на прошлой неделе, теперь, с наступлением настоящей зимы, замерз настолько, что казалось, будто он уже никогда не растопится. В поле зрения Соко попадал весь угол крыла В, мощно врезавшийся в пейзаж, подобно краю огромного замка. Его белая, лишенная каких-либо деталей стена добавляла пейзажу унылости, хотя большая ее часть и была накрыта синей тенью. Над каждым углом тюрьмы возвышалось по гигантской абстрактной шишке. Вероятно, они служили для того, чтобы тюрьма не казалась жителям Панктауна такой угрожающей, такой воинственной. Однако Соко считал их весьма жалкой заменой тому хвойному лесу, который окружал городок чумов до земной колонизации. Пар из огромной вентиляционной трубы проходил мимо окна неровными облаками и озарялся золотом, как только поднимался над стеной и наполнялся солнечным светом.

— Знаете, это было вовсе не обязательно, — сказал Фреснер, намазывая маргарином кончик круассана. — Ну, с пистолетом…

Соко поднял свой кофе, сделал глоток.

— Вы знаете, как л'льюид убил тех женщин?

— Да, знаю. Я изучил его дело. Но он с легкостью пошел на сотрудничество и…

— Его отправят домой независимо от того, что он сделает. Он здесь лишь затем, чтобы мы за ним присматривали, пока этого не случится, и чтобы разыгрывать представление для публики, но он отправится домой, даже если появится четвертая жертва. Даже если этой жертвой станет его духовный посредник. Он может и не дождаться того момента, когда… состоится жертвоприношение.

— Пожалуйста, не думайте, — сказал Фреснер мрачно, подняв на Соко выразительный взгляд, — что я одобряю эту просьбу. Но л'льюид не лжет… такова религиозная практика его вида. А потому нашей обязанностью является ее уважать и обеспечить ему возможность отправления его культа. Он имеет на это право.

Соко опустил глаза на свою кружку с кофе.

— Эти существа, которых его вид приносит в жертву… Вы видели их фотографии?

— Да, — ответил Фреснер, снова занявшись круассаном.

— И? Похожи они на людей?

— Эти создания едва ли выглядят… гуманоидами. Скорее похожи… на обезьян. Только безволосые. У них нет ни цивилизации, ни культуры, они используют лишь несколько примитивных инструментов. Л'льюиды впервые столкнулись с ними на планете соседней системы почти век назад. Они завезли их к себе на планету и, как вы знаете, стали разводить в качестве жертв.

— Милый народец, — пробурчал Соко.

— Мистер Соко, все культуры кажутся друг дружке странными. Нужно радоваться такому многообразию. Ваши предки, очевидно, из Японии. Разве у вас дома нет вещей, которые озадачили бы л'льюидов, чумов, тиккихотто? Быть может, вставленная в оправу маска кабуки? Расписанная ширма биобу? Катана и вакизаши на стойке для мечей?

— У меня ничего этого нет, — пробормотал Соко, снова взявшись за кружку.

— А зря. Ваш народ обладает чудесной древней культурой. Очень странной. Чудесно странной.

— Я польщен тем, что вы так считаете. И я понимаю, что выпускание собственных кишок может казаться вам прелестным, или восхитительным, или чудесным… но этот л'льюид убил трех женщин. Какие бы религии эти женщины ни исповедовали, они уже никогда их не будут исповедовать, потому что другое существо проскользнуло в них через горла и удушило их до смерти…

— Мистер Соко, я знаю… я знаю…

— …И получало удовольствие от их конвульсий, от их предсмертной агонии, потому что это называется «Вибрация». С ее помощью жертва передает свою жизненную силу л'льюиду, который возрожденным появляется из… заднего прохода жертвы. Как вы и сказали… чудесно странно.

— Послушайте, мы все знаем, что это было ошибкой. Да, это было преступлением. Чем-то ужасным. Те женщины были не животными, разводимыми для жертвоприношений, а разумными существами, желающими жить. Я согласен. Потому мистер Рхх и пребывает в заключении, потому и подлежит экстрадиции…

— По возвращении его не станут наказывать.

— Этого мы не знаем.

— По возвращении его не станут наказывать. А на его место пришлют другого.

— Я слышал, что следующий посол привезет с собой большее количество жертвенных животных. Вообще-то, отношения между л'льюидами и Землей развиваются настолько успешно, что их животных собираются выращивать в некоторых из наших колоний. Чтобы они всегда были под рукой.

— Как мило. Полагаю, Рхх недорассчитал свои потребности.

— Ему пришлось задержаться здесь дольше, чем он рассчитывал. Вы должны понять… если они слишком долгое время проводят без жертвы, если они проходят определенную точку, они начинают считать себя нечистыми. Неисправимыми до конца своих жизней.

— У него кончились животные. И он решил, что сойдут и люди? Люди для наших новых друзей — просто животные?

— Нет. Но ведь потому он и здесь, верно? Он сделал ужасный выбор. Этого не отрицает никто, даже он сам. Он говорит, что был в отчаянии.

— Достаточно плохо уже то, что они делают с этими животными, — проворчал Соко.

Фреснер указал своим ножом на тарелку Соко. На его нетронутую еду.

— Эти полоски, мистер Соко? Настоящее мясо? Мясо живого существа?

— Я этим не горжусь. Мне нравится вкус. Но если бы я увидел, что то же животное пинает на улице пара подонков, я бы раскроил им головы.

— Ну разве это не мило? — Фриснер вздохнул. — Мистер Соко… Кен… вам поручили сопровождать меня на встречах с заключенными, чьи духовные нужды я удовлетворяю. Моя работа очень важна. Религия дает людям надежду, какой-то фундамент…

смысл. Она может отвратить их от собственных ошибок, дать им новую жизнь. Вы тоже должны чувствовать себя привилегированным оттого, что являетесь частью этой задачи. Как я и сказал… нам придется проводить какое-то время вместе. Потому я и захотел позавтракать с вами, поболтать, узнать вас немного.

— Я это ценю, — сказал Соко любезно.

Фреснер вздохнул еще раз. Покачав головой, он ножом и вилкой разделал кусок дыни. На его тарелке не было мяса, он был вегетарианцем. А Соко съел со своей тарелки лишь тост, почти такой же вкусный, как и запах мяса.

В гостиной маленькой и аккуратной квартиры Соко стоял подсвеченный застекленный ящик. А внутри него на скобах возлежал японский короткий меч вакизаши, выкованный на Земле в восемнадцатом веке.

На него Соко сейчас и смотрел. Свет из ящика был единственным освещением в комнате. Соко никогда не осмеливался вынуть меч, чтобы взять его в руки. Он вообще не касался его с тех пор, как был мальчишкой и отец передал меч ему. Он принадлежал семье отца многие поколения. Рассказывали, что когда-то он был оружием предка-самурая. Но как он мог признаться Фреснеру, насколько тот был прав? Он всегда считал историю о предке-самурае клише, стереотипом, чем-то постыдным, а вовсе не предметом гордости. Теперь, после того как Фреснер упомянул вакизаши, он чувствовал себя еще более нелепо из-за того, что вот так держал его… хотя он и не видел обнаженного клинка уже пятнадцать лет.

Экспонат был скорее данью отцу, которому меч принадлежал по-настоящему. Он не знал ни самурая из преданий, ни кого-либо другого из тех людей, что оставляли меч по наследству, а теперь обратились в пыль. Только своего отца. Он знал, что меч стоил целое состояние. Но он никогда не помышлял о том, чтобы расстаться с ним. Не то чтобы он боялся, что проснется однажды, а у подножия кровати будет маячить призрак злого самурая в шлеме кабуто и боевой маске менпо. Это было проявление уважения к тому прямому предку, что был его отцом.

На ножнах черного лакированного дерева, называемых сайя, был изображен рак. Соко не знал значение этого символа. Эфес был тоже из дерева и покрыт рыбьей чешуей, а затем оплетен шнурком. Гарда меча, цуба, сама по себе была замысловатым произведением искусства. А в этих черных ножнах покоился клинок из мягкого железа, покрытого сталью, вероятно все еще сверкающий после пятнадцати лет, прошедших со смерти отца…

после всех тех столетий, что минули со смерти самурая…

Соко думал, что одержимость своей культурой, как и религия, разделяет людей. Сияние подсветки освещало его мрачное лицо, делая похожим на маску. И то и другое культивировало ненависть, предрассудки. Разные языки, разные молитвы. Его отец умел говорить по-японски. Соко восхищался его усердием в изучении языка, но он так же восхищался бы им, если бы тот выучил родной язык ваиаи.

Было поздно. С утра на работу. Он дотянулся до кнопки в основании ящика и погрузил его в темноту.

— То, что я делаю, я делаю по собственной воле, — сказал Уво Ки в камеру. — Я ценю заботу тех, кто опротестует мое решение. Но вы должны плакать не обо мне, а о моей жене, которой придется жить в бесчестье…

Заявление было не для прессы — журналистам еще предстояло узнать о соглашении. Заявление готовилось на тот случай, если Ки подвергнется своей неортодоксальной экзекуции до того, как его успеют проинтервьюировать… а на это и надеялись. Это было не последнее слово заключенного, но своего рода прикрытие для тюрьмы, юридическое отречение.

Дежурство Соко закончилось. Он заранее попросил о встрече с ваиаи. Ки согласился. Фреснер не присутствовал. Он предложил удовлетворить духовные нужды ваиаи. Ки заявил, что у его народа нет веры.

Соко подождал до тех пор, пока с заявлением не было покончено. Съемочную аппаратуру убрали еще до того, как он приблизился к камере приговоренного. Разделявшее их поле имело легкий фиолетовый оттенок — только для того, чтобы быть видимым. Камера выглядела спартански: ни картин, ни календарей, ни, конечно, фотографий жены. Ваиаи стоял к барьеру спиной, но, должно быть, услышал, как подошел Соко, поскольку тут же обернулся. У ваиаи был замечательный слух — слуховые отверстия полукольцом окружали заднюю часть его головы, проходя от одной стороны черепа до другой. А когда Ки повернулся к Соко лицом, тот убедился в полном отсутствии зрения у ваиаи. Даже если бы у него и были глаза, казалось, они были бы раздавлены тяжестью огромного безволосого купола лба, который напомнил Соко голову дельфина. Из отверстия в центре этого купола ваиаи испускали инфразвуковые волны, которые отражались от предметов и работали как своего рода радар, формирующий образы в сознании. Не беря в расчет канареечно-желтую кожу, отсутствие глаз и обилие ушей, существо можно было назвать одним из самых человекоподобных нелюдей, каких

только возможно было встретить. Его улыбка была сдержанно дружелюбной — любезной и полностью человеческой.

— Офицер Соко. Мы еще не встречались. Чем обязан такому удовольствию? — В его словах не было сарказма.

— Я работаю с Фреснером, — ответил Соко, приблизившись к барьеру так близко, что мог расслышать его слабое жужжание. — Я был… вы стали мне любопытны, — «заинтригован» было для Соко слишком сильным словом.

— Догадываюсь, что вскоре и другим станет любопытно. Они заговорят обо мне. А затем они меня позабудут. И это меня устраивает. Важно лишь, чтобы меня помнила жена.

Его голос был высоким и скрипучим, словно горло его было из винила. Его слова будто выдавливались из воздушного шарика. Дельфиний голос.

— Вы преданы своей жене, — отметил Соко.

— Она — моя жизнь. Мы были очень счастливы. Нам не терпелось приехать сюда… разделить все это множество культур. Мы никому не причиняли вреда. Мы были пацифистами.

— У вас был пистолет, — заметил Соко.

Очень человеческий рот скривился под давлением черепа.

— Не с самого начала. Мы не имели никакого представления… о том, как здесь обстоят дела. А потом мы поняли. Нам стало страшно. В последнее время мы даже заговаривали о том, чтобы вернуться домой…

— Так и следовало поступить, — сказал Соко скорее себе, чем существу напротив.

Ваиаи начал расхаживать по своей камере, опустив голову, словно для того, чтобы постукивать по полу перед собой невидимой тростью.

— Теперь я это знаю. Но я не жалею о том, что убил тех молодых людей, мистер Соко. Если бы в суде я сказал, что раскаиваюсь, они, вероятно, пощадили бы меня. Но я не лжец. Мне не стыдно за то, что я защитил честь своей жены. — Он остановился, поднял голову. — Я горжусь тем, что сделал.

— Вам надо было продолжать попытки добиться своего легальными методами…

— Вы нас не понимаете, офицер Соко. — Ваиаи так близко подошел к разделяющему их полю, что фиолетовые отблески заиграли на его огромном лбу. — Наши женщины для нас священны. Они даруют жизнь. Они питают эту жизнь. Когда они кровоточат в детстве, мы называем это Жертвоприношением. Боль… агония, через которую они проходят, даруя жизнь… Жертвоприношение. Женщины переносят Жертвоприношение, и жизнь продолжается. И если бы у нас было больше времени… моя

жена… моя жена и я…

Ваиаи очень медленно отвернулся, словно вес его головы стал слишком тяжкой ношей.

Соко подумал о древних культурах Земли. Во многих из них менструация считалась проклятьем, если не страшным злом. Мужчины заставляли своих женщин принимать символические очищающие ванны. Днями мужчины не касались своих женщин, не разрешали им готовить еду. Кровь пугала, а не радовала.

— Эти люди заставили кровоточить мою жену, — пропищал ваиаи настолько близко к шепоту, насколько мог к нему приблизиться. — Они ее осквернили. Они ее запятнали. — Внезапно он поднял голову. — Но не думайте, будто я считаю ее запачканной… будто я от нее отрекаюсь. Мы не отворачиваемся от униженных женщин. Мы мстим за их честь. Это меньшее из того, что мы можем для них сделать. Умереть за мою женщину… это будет честь. Потому что я умру за всех наших женщин, дарующих нам жизни.

— Вашей жене вы были нужны живым.

— Ей действительно нужна моя помощь, — признал Ки. — Ей необходимы эти деньги. Я хочу, чтобы, получив их, она вернулась в наш родной мир. Я рассказал ей о своем желании… и она клянется, что исполнит его.

— Л'льюид, — произнес Соко, — то, как он убивает… это будет болезненно.

— Не более болезненно, чем Жертвоприношение, — ответил Ки.

Соко посмотрел на существо и медленно кивнул, зная, что Ки увидит это движение в виде силуэта или голограммы, что проецируется внутри его черепа. Это был знак молчаливого понимания.

— Мне было… очень приятно, — сказал ему Соко.

— Приходите поговорить со мной еще, офицер Соко, — сказал ваиаи, мягко улыбаясь.

— Может быть, приду. Удачи вам. И вашей жене. — Соко отвернулся от заключенного и направился прочь по коридору. За одним из тех барьеров, которые он миновал, на кровати лежал полуприкрытый одеялом тучный и, очевидно, обнаженный человек, а с обеих его сторон возлежало по прекрасной женщине. Это были голограммы — заключенным разрешалось иметь собственные игровые системы и системы виреальности. Толстяк посмотрел на Соко так, словно приглашал поучаствовать в веселье. Соко торопливо отвернулся в отвращении… не желая, чтобы какая-то раздутая человеческая личинка затмила в его сознании слепое изящество существа, с которым он провел

несколько минут.

Два дня спустя во время ежедневной часовой прогулки заключенный-человек, тоже приговоренный к смерти, вогнал самодельный кинжал глубоко в кишки Уво Ки.

К тому времени, как Соко узнал об этом и добрался до лазарета, ваиаи уже был мертв. Его убийца, которому было нечего терять, что-то вопил о том, что гуманоид был расистом… с предубеждениями против людей… поскольку так безжалостно расправился с пятерыми из них. Кто-то сказал Соко, что ненависть убийцы разбудило внимание, которое Ки получал от тюремного начальства.

В тот день Соко хотел взять больничный. За все время работы он ни разу не брал больничный. Вместо этого он разыскал Дэвида-Пола Фреснера… и обнаружил, что тот уже передает катастрофические новости послу Рхх.

Фреснер вряд ли заметил Соко, продолжая умолять л'льюида сохранять спокойствие:

— Сэр, время все еще есть… нам может что-нибудь подвернуться… другой заключенный… кто-то вне тюрьмы, со смертельной болезнью… эээ, ээ… кто-то, ищущий содействия в самоубийстве…

— Времени не хватит! — шипел шепчущий голос л'льюида из решетки в центральном цилиндре лампы джинна. Его эластичные ложноножки, прикрепившиеся к потолку, были натянуты, как стальные тросы, а усики на его центральной части корчились, словно в мучениях. — Только подумайте, сколько времени было потрачено на подготовку с ваиаи! Вы не понимаете, что со мной станет! Моя душа!

— У нас есть почти неделя до…

— Неделя! Неделя! Времени больше нет! — причитал, казалось бы, бестелесный голос, а эктоплазменное тело сотрясали спазмы. — Я буду нечистым! Изгоем для своего народа!

На этом Соко их оставил, ускользнув незамеченным. Уходя, он отметил про себя, что, в отличие от прошлого визита к послу, в этот раз духовный посредник оставался на безопасной стороне фиолетового оградительного поля.

Сверив его голос по интеркому — тот же голос, что говорил с ней по видеофону, дисплей которого был для нее бесполезен, — Иаэа Ки открыла дверь квартиры, чтобы впустить своего гостя Кена Соко.

— Спасибо за то, что смогли увидеться… встретиться со мной, — сказал Соко женщине с мягкой, уважительной

интонацией.

Она была почти неотличима от своего мужа. Высокой, стройной, с громадой черепа, ярко-желтой плотью и кроткой, приятной улыбкой:

— Могу я предложить вам чаю?

— Нет, благодарю вас.

— Проходите и присаживайтесь.

Он прошел за ней в гостиную, уютную, несмотря на пустые стены. Здесь и там были расставлены скульптуры изумительных форм и текстур. Соко не удержался и дотронулся до нескольких по пути к потертому дивану.

— Вы… хорошо знали моего мужа? — поинтересовалась миссис Ки.

— Нет. Мы встречались лишь раз. Но я был… поражен его любовью к вам. Меня впечатлила ваша культура.

— Я польщена, — стеснительно пропищала она.

— Я с собой кое-что принес. Вещь, которую я хотел бы подарить вам.

— Вы очень добры. Это принадлежало моему мужу?

— Мне. — Он наклонился вперед, передавая ей предмет, завернутый в тряпку. Она почувствовала движение и приготовилась его принять. — Открывайте осторожнее, — предупредил он. — Он очень острый.

Женщина-ваиаи размотала тряпку. Почувствовала гладкие лакированные ножны. Сомкнула руку на оплетенной рукояти. Вынула на несколько сантиметров лезвие. Она не могла видеть, как ярко сияет на нем полуденное солнце, словно выплавляя его заново.

— Оружие? Для моей защиты?

Соко улыбнулся.

— В каком-то смысле. Я собираюсь отвести вас в место, где вам заплатят за этот меч. Заплатят больше денег, чем вы когда-либо имели или мечтали иметь. И я хочу, чтобы вы использовали эти деньги на исполнение желания вашего мужа. Я хочу, чтобы вы вернулись в свой родной мир.

Теперь робкий маленький рот создания скривился в смущении, смятении.

— Я не могу принять это от вас, мистер Соко! Если он настолько ценен, насколько вы говорите…

— Настолько. И вы должны принять его. Если вы этого не сделаете… вы меня обесчестите.

— Но как я могу? Как вы можете расстаться с такой вещью? Столько денег…

— Если бы я использовал эти деньги, я бы обесчестил своего

отца, миссис Ки. У меня нет сына, которому я мог бы передать меч. Я не знаю, что ждет этот меч после меня. Это единственная достойная судьба, которую я смог для него придумать. Я хотел бы, чтобы этот меч был тем оружием, которым были убиты люди, надругавшиеся над вами. Я хочу, чтобы этот меч… защитил вас.

Ваиаи опустила голову. У нее не было глаз, которыми можно было бы плакать, но она стала издавать странный мягкий свист. Он не мог сказать, исходил ли он изо рта или из отверстия во лбу.

— Вы оказываете мне великую честь, мистер Соко, — сказала она ему. — Я принимаю ваш дар.

Соко встал и протянул свою руку к ее руке, чтобы отвести ее к торговцу.

Хотя она и не нуждалась в том, чтобы он вел ее, она, встав, дала ему свою руку.

— Благодарю вас, — сказала она с подрагивающей улыбкой.

— Это я вас благодарю, миссис Ки, — сказал ей Соко, коротко и резко поклонившись — такова была традиция его народа.

Драгоценный металл

Следующей должна была играть группа «Обескровленная креветка», квартет чумов. Один из них играл на огромном саксофоне с тридцатью клавишами и до нелепости широким мундштуком, приспособленным для его дельфиньей улыбки от уха до уха. На вокалистке было облегающее черное платье, волосы собраны в блестящий черный пучок, километры губ окрашены в лазерно-красный, чтобы привлечь к ним еще большее внимание. Конечно, Грей достаточно долго прожил на Оазисе, чтобы принимать туземный народ за данность; достаточно долго, чтобы счесть певицу сексуальной. Через движущуюся вуаль дыма своей сигареты он наблюдал за тем, как она удачно перепевала древний религиозный гимн чумов. Монотонную погребальную песнь она превратила в захватывающую дыхание поездку на американских горках. Его голос они уже заслужили.

До них выступала «Узкая специализация», и ее участники шлялись по джаз-клубу и болтали с друзьями, пришедшими поддержать их аплодисментами и голосами в сегодняшней «битве групп». Сузив глаза, словно в них только что попал дым, Грей Арлекин перевел взгляд на нескольких из них, увязших в беседе. Члены «Узкой специализации» были роботами. Их инструменты были хитрым образом интегрированы с их телами, так что они напоминали чрезмерно вычурные саксофоны из меди и хрома, которым придали слегка человеческую форму. Только у одного вокалиста было что-то, напоминавшее человеческую голову, — медная слепая скульптура без всякого выражения с черными сочлененными губами из резины. Их клавишник был ходячим синтезатором и лидером группы по прозвищу Орган. Грей с друзьями называл его Хером.

Эти машины и им подобные были потомками группы роботов, когда-то работавших на близлежащем Пакстонском автозаводе. Во время «войны профсоюзов» завод чуть не сровняли с землей органические рабочие, большинство из которых перед этим уволили. Они протестовали против использования роботов на своих местах. Большую часть искусственных работников уничтожили, однако некоторое количество пережило восстание в руинах завода и прочих руинах, оставшихся от разгромленных фабрик. Когда через какое-то время на эту собственность снова заявили права и начали отстраивать заново (не обошлось без сражений с несколькими племенами роботов, не желавших отказываться от своих сквоттерских прав), роботы переселились в заброшенные туннели метро, запечатанные и позабытые после

большого землетрясения. Там, внизу, с помощью оборудования, взятого с фабрик, и нового оборудования, которое они изготовили сами, они дали начало поколениям новых роботов, не знавших органических хозяев.

Наблюдая за ними через рваный камуфляж дыма, Грей думал о том, какими невежественными, мерзкими созданиями они были. И они участвовали в конкурсе… И хотя они создали собственное герметичное общество внутри общества, им все равно нужны были деньги для покупки деталей и материалов для своего тайного и нелегального производства. По своему происхождению они были вне закона, а потому не могли наниматься в качестве законных работников… Впрочем, на это они в любом случае не пошли бы из гордости. И, чтобы заработать необходимые деньги, они организовали массовое производство. Производство устройства под названием «кайфер». Его можно было спрятать в карман органического существа, откуда оно передавало сигналы липкому диску, крепящемуся на лбу владельца (для маскировки поставлялись диски всех возможных оттенков плоти). Через этот диск кайфер транслировал в мозг удовольствие. Интенсивность можно было варьировать в широком диапазоне, да и самих кайферов существовало множество — некоторые вызывали дивные галлюцинации, некоторые обостряли сексуальное удовольствие, некоторые (зачастую используемые уличными бандами) пробуждали чудесную жажду насилия. Что за дело было этим злобным машинам до того, какой эффект оказывается при этом на органику? Вообще-то Грей был абсолютно уверен в том, что они находили удовлетворение в содействии развращению живых существ, которых так презирали.

Но у «Узкой специализации» были свои друзья и сочувствующие среди людей, находившиеся среди тех, кто сейчас с ними трепался. Предатели, думал Грей. Симпатичная человеческая колонистка обернула руку вокруг плеч вокалиста и даже зашла настолько далеко, что пьяно поцеловала его в медную щеку. Должно быть, подсела на кайфер, усмехнулся про себя Грей. Он не сомневался, что они даже спали вместе.

Снаружи неторопливо падал снег: это было все, что мог себе позволить Контроль погоды, — создать атмосферу для приближающегося Рождества без угрозы на улицах. В клуб только что вошли двое мужчин, на плечах их тяжелых пальто и полях шляп искрились снежинки. Один был азиатом, другой — белым. Грей уже начал о них забывать и прикуривать новую сигарету, когда боковым зрением увидел, как мужчины резко двинулись к середине зала, одновременно потянувшись под полы пальто.

Как только он снова поймал их взглядом, сумрачный клуб

озарился вспышками света и огласился громким резким треском стрельбы. У белого был один пистолет, азиат держал по пистолету в каждой руке. У оружия не было ни глушителей, ни подавителей вспышек: должно быть, они хотели сделать из этого драматическое шоу. Люди начали вопить, нырять под столы, билось стекло, стремительная музыка «Обескровленной креветки» грубо оборвалась.

Не узнав убийц, Грей сначала предположил, что они были людьми Нептуна Тиба, короля преступного мира Панктауна, и уже было бросился на пол, однако секунду спустя стало ясно, кто был их истинными целями. Участники «Узкой специализации».

Органа отбросило к стене. Он извивался и дергался в судорогах, словно жук, пришпиленный ребенком-садистом. Многочисленные синтезаторы в его теле ухали и вопили, будто в какофонической пьесе. Один робот рванулся к двери, но азиат навел на него оба своих грохочущих пистолета. Робот упал, немного прополз на том, что могло сойти за руки и колени, затем рухнул на живот и замер. Но азиат не останавливался еще несколько секунд. В некоторых частях машины пули проделывали дырки, от некоторых отскакивали. Гуманоида тиккихотто с гнездами прозрачных усиков вместо глаз рикошетом ударило в челюсть, и он упал.

Певец раскрыл свои черные резиновые губы в широком «о» и завыл о пощаде, но белый мужчина вытянул руку и принялся разряжать в него обойму с максимальной скоростью, на которую был способен его палец. Медное лицо было только помято, но пули, попавшие в горло, выпускали на свободу дуги фиолетового электричества, скачущие, подобно ленточкам на ветру.

Стеклянную пивную кружку Грея разбило рикошетом, и он бросился на пол, надеясь, что ослепляющая его влага была пивом, а не кровью из вытекающих глаз.

Расстрел закончился, убийцы, очевидно, ушли. Грей поднялся, зрение его восстановилось после того, как он сморгнул с глаз пиво. Кругом еще кричали. Отряхнув свою бирюзовую спортивную куртку, Грей осмотрел себя на предмет ранений, восстановил дыхание и только тогда обратил внимание на певца, лежащего возле музыкального автомата. Электрические дуги все еще плясали вокруг, соединяя его с поцеловавшей его человеческой женщиной через ее серьги. Она тоже была мертва — глаза полуприкрыты, крашеные губы искривлены, в самом центре ложбинки между грудей, видимой в декольте платья, зияла жуткая кровоточащая дыра. К ней склонились люди, но никто не решался дотронуться до нее, поскольку электричество все еще связывало женщину с механическим кадавром. Грей невольно

сделал несколько шагов по направлению к мрачной сцене, но остановился, когда несколько искаженных лиц с ненавистью повернулись к нему.

— Это все твои приятели, Арлекин! — завизжала на него женщина.

— Уверен, что это был просто несчастный случай, — пробормотал он, почувствовав отвращение к собственному оправданию, как только это произнес.

— Бешеные психопаты! — завопила женщина. — Гангстер! — Она встала на ноги, тыкая в Грея пальцем и крича на пределе легких. — Это все его друзья! Гангстеры! Он гангстер! — Она вырвалась из руки своего более робкого друга, пытавшегося ее увести.

Грей подумал, что самое время сваливать, и направился к двери и заснеженной улице, скрывавшейся за ней. Его не отпускали чужие взгляды, и хотя каждый завсегдатай клуба должен был уже знать, что он являлся смотрящим этого района от «триады», одного из мощнейших криминальных синдикатов Панктауна, Грей все же чувствовал себя смущенным и даже пристыженным.

Поскольку Грей был тем, кем он был, владелец клуба разрешал ему парковать свою машину на пятачке позади клуба. Прикурив свежую сигарету в качестве средства от жалящего холода зимнего воздуха, он уже почти дошел до своего хаверкара, когда услышал странный скользящий или скребущий звук и замедлил шаг. Его рука опустила зажигалку в карман и появилась оттуда, сжимая короткий и толстый блок автоматического пистолета, заряженного капсулами плазмы промышленной мощности.

Схватив оружие обеими руками, он выглянул из-за своей машины и увидел гигантское насекомое, опирающееся на грязные плитки стены клуба. Бронированная шкура создания сияла отраженными рождественскими огнями. Нет — это все же было не насекомое. Это был робот из клуба. В его корпусе было пробито множество зазубренных дырок, из нескольких ран вытекала сине-зеленая жидкость. Его конечности двигались словно в агонии, клешни отчаянно скребли по земле и плиткам стены. Секунду спустя Грей опознал в нем одного из участников «Узкой специализации». Это был единственный робот, сделанный по преимуществу из какого-то ярко-голубого сплава. В одном из фрагментов выступления он развлекал публику, отстукивая барабанными палочками по различным частям своего тела. Пробарабанив по промежности, он вызвал бурю восторга.

Сломанная машина приподняла то, что служило ей головой, и безглазо уставилась на Грея. Его собственная машина — пушка — бесстрастно смотрела на создание единственным черным и пустым глазом.

Роботу повезло, что он сбежал с места бойни. Хотя можно ли было говорить о везении, принимая во внимание его жалкую пантомиму? Было ли ему действительно больно или же это были просто нервные реакции? Можно ли считать, что он боялся за свою никчемную жизнь?

Робот глазел на него без единого звука. Он был одним из врагов. Грей подумал о том, чтобы прикончить его. В конце концов, кто об этом узнает? В отличие от оружия убийц его пистолет был осмотрительно бесшумен.

Но он не чувствовал враждебности по отношению к изуродованному созданию, видя его таким беспомощным. Во всяком случае, он скорее был намерен пристрелить его просто затем, чтобы покончить со страданиями, какова бы ни была их природа.

— А, черт с тобой, — пробормотал он скорее себе, чем роботу. — Уже почти Рождество. — Он засунул пистолет обратно в куртку и пошел к машине. Он все еще был начеку, опасаясь, что создание может наброситься на него, когда он безоружен, но оно лишь наблюдало за тем, как он садится в свой хаверкар.

Возможно, оно умрет от полученных ранений, а может, и уползет к своим товарищам на починку. По крайней мере, он дал жалкому созданию шанс. После того как его так грубо обвинили в клубе, он почувствовал себя лучше, проявив немного милосердия. Хотя бы немного лучше…

Он уехал в снежную ночь, оставив робота позади.

На следующий день все еще падал снег. Окна ближневосточного ресторана помигивали цветными лампочками. Грей и человек постарше, сидевший напротив, заказали табуле и фалафель, но Грей выбрал блюдо с курятиной, а старик заказал ягненка. Нг Юэшень, глава «триады», не раз шутил при Грее, что именно обоюдная страсть к ближневосточной кухне и побудила его назначить Грея смотрящим. Это, а еще схожие музыкальные вкусы.

— Ты знаешь, как я люблю джаз, — сказал Нг, объясняя вчерашнюю стрельбу. — Меня тошнит от мысли, что эти машины могут одолеть в джазовом состязании такую чудесную группу, как «Креветка». Роботы крадут восхитительную музыку, которая им чужда, просто отбирают ее, как они пытаются поступить и со всем остальным: рабочими местами обычных людей, моим

собственным бизнесом…

— Ну, джаз чужд и чумам, — заметил Грей со всей возможной учтивостью. — Но их не убили. — Он не осмеливался отстаивать свое, указав на то, что китайцы тоже не были тем народом, с которым традиционно ассоциируется джаз.

— Чумы — почти люди. Их чувства — не та хитрая подделка, которой являются чувства роботов. Эти твари, возможно, и сами верят в свои эмоции, а это еще более омерзительно. Но, Грей, дело не только в том, что я был расстроен из-за джаза, который играют машины. Их послала банда Чокнутых. Они были врагами, выставлявшими себя напоказ на моей территории и заводившими друзей, которых потом могли заделать своими дилерами. Я был сыт по горло. Настало время забить этих роботов обратно в подземку. Поэтому я выписал несколько бойцов из клана моего брата на Земле, чтобы их невозможно было опознать. Но мне все же хотелось, чтобы это произошло на публике, чтобы впредь люди дважды думали, перед тем как иметь дело с этими игрушечными солдатиками и покупать их кайферы.

— Только боюсь, сэр, что мы могли слегка отвратить от себя людей в округе. Они не слишком обрадовались тому, что один невинный свидетель убит, а другой ранен. Да и полиции это тоже придется не по вкусу…

Нг воздел вялую руку в жесте отрицания.

— Я удвою их выплаты в рождественскую неделю. Это угомонит их совесть.

— Сэр, мне просто не по себе из-за невинных людей…

— Раньше ты никогда не удивлял меня подобной чувствительностью, мой милый мальчик. — Нг сказал это с улыбкой, но многие уже научились бояться улыбок Нга Юэшеня.

— Я не щепетилен. Просто я никогда не видел, чтобы от наших пуль гибли невинные, и мне не кажется… не кажется мудрым создавать прецедент.

— Пожалуй, люди моего брата слегка жестче, чем мои, — допустил Нг. — На Земле им приходится такими быть. Ты ведь не был там с детства, верно? Что ж, лучше там не становится, мой мальчик.

Грей вздохнул, опустил взгляд на свою чашечку эспрессо — кофе в ней был почти сплошной гущей.

— Ты знал кого-нибудь из жертв лично, Грей?

— Нет.

— Ну и попытайся о них забыть. Я послал их семьям кое-какие деньги. Естественно, анонимно.

Грей кивнул, понимая, что жест Нга был предназначен как для того, чтобы его успокоить, так и для того, чтобы купить

молчание скорбящих семей. Он знал, что истинной заботой тут и не пахло. Грей Арлекин находил забавным, что чувства его босса были такой же подделкой, как и чувства ненавидимых им машин.

В действительности, хотя Грей и сам недолюбливал клан Чокнутых, он часто задумывался над тем, не были ли их эмоции на данном этапе развития столь же подлинными, сколь и его.

То, что Нг заказал убийство на земле Грея, не упредив его перед этим, было дурным знаком. Возможно, это указывало на недостаток доверия со стороны Нга, его разочарование. А разочарование в их бизнесе могло быть фатальным. Их хоть и скрытый, но все же спор в ресторане мог только усугубить это разочарование. Возможно, стоило убраться из Пакстона как можно дальше, пока еще была такая возможность…

Он все еще обдумывал необходимость такого поступка, когда наступило Рождество и ему пришло приглашение на ежегодный бал Нга — словно ничего и не произошло. Его устраивали в роскошном отеле «Парадизо», и в качестве сопровождения Грей пригласил молодую женщину, с которой у него было лишь одно свидание — в прошлый уикэнд. Он встретил Марию в джаз-клубе, и, поскольку она разделяла его вкус к такой музыке, они быстро сошлись. Может, она сумеет очаровать Нга, и напряженность в отношениях Грея с его боссом слегка ослабнет.

Мария была столь же очаровательна, как и в ту первую ночь, когда она села с ним рядом у стойки клубного бара. Заехав за ней, он оглядел ее снизу доверху и покачал головой в восхищении. Она засмеялась. Ее позвякивающий металлический наряд был красным, словно рождественская фольга, и в сочетании с ее широкими, полными губами, накрашенными ему в тон, он делал ее воплощением чувственности, почти неземной при ее земном совершенстве. Мечты каждого мужчины обрели плоть. Грей чувствовал мощное физическое желание. Он так ее хотел, но в ночь их первого свидания она мягко отклонила его попытку соблазнения. Он не станет давить на нее снова: не осмелится пойти на риск отпугнуть ее. Эх… А какой бы был рождественский подарок, если бы можно было развернуть сегодня ночью эту фольгу…

Обнявшись, Грей и Мария мечтательно кружились по танцевальной площадке под древнюю рождественскую песню.

— Кто это? — проворковала она. Ее улыбка светилась всего в нескольких сантиметрах от него, заставляя страдать от ее красоты. Ее мягкая грудь прижималась к его груди. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

— Бинг Кросби.

— Бинг. Звучит как имя чума.

— Нет… Земной певец двадцатого века.

— Мило. У твоего босса эклектичные вкусы. Он кажется вполне милым человеком. Я, конечно, слышала истории…

Уж точно не от Грея. Но ему стало любопытно.

— Например?

— Я слышала о группе роботов, которую расстреляли в нашем любимом клубе пару недель назад. Говорят, за этим стоял твой босс.

Грей огляделся вокруг, а затем прошептал в ароматные черные кудри у ее уха:

— Я, конечно, не признаю, что в курсе чего-либо, однако слышал, что его оскорбило то, что роботы играли джаз.

— Если причина такова, это довольно мерзко. Я думала, что дело в тех кайферах, которыми торгуют роботы. Я думала, твой босс подозревал «Узкую специализацию» в сбыте.

— Кайферы определенно имели к этому отношение. Но и музыка тоже.

— Ты говоришь это так, будто не одобряешь. Это из-за жестокости его действий, или же ты просто считаешь, что он повел себя нерационально?

Они приблизились к другой паре — смотрящему от триады из другого района и его любовнице. Грей прошептал:

— Давай поговорим об этом попозже, хорошо? — Он притянул ее к себе чуть ближе, сделав это без всякого налета похотливости. — Может, мы и земной Новый год встретим вместе, а?

Мария помедлила секунду, в течение которой сердце Грея болталось над пропастью, а затем выдавила: «Это было бы мило». Но в ее голосе не было того энтузиазма, который он хотел бы ощутить, и его сердце словно встало не на то место.

— Ты не обязана, если у тебя есть другие планы, — сказал Грей, чувствуя себя глупо — он был похож на маленького обиженного мальчика.

На этот раз объятия Марии окрепли.

— Ты мне нравишься, Грей, — прошептали ее красные губы, щекотя его ухо. — Ты намного милее, чем можно было бы ожидать от гангстера.

Он хихикнул, посчитав это шуткой. Ему вспомнились обвинения, сыпавшиеся на него в клубе той ужасной ночью…

— Могу я разделить вас?

Это был Нг, подошедший к ним сзади. Словно застеснявшись своей близости, Грей и Мария отступили друг от друга.

— Конечно, — улыбаясь, сказала Мария еще до того, как Грей

успел дать свое согласие.

Нг принял ее руку.

— У тебя очаровательная спутница, мой милый мальчик. Мария. — Он словно пропел это. — Какое чудесное имя.

— Моя фамилия не так чудесна, — засмеялась она. — Ротванг.

— Что ж, — хихикнул Нг, — у каждого должен быть хоть один недостаток.

Мария обвила руки вокруг главы триады.

— Грей, — сказала она через его плечо, — ты не принесешь мне мои сигареты? Я оставила их в кармане пальто.

— Пошли за ними официанта, Грей, — сказал Нг. Они уже танцевали в нескольких шагах от него.

Мария сказала:

— О, Грей, я надеюсь, не испугается небольшого упражнения.

Улыбка Грея была натянутой.

— Я их принесу. — Он отвернулся от них и пошел через огромный, забитый людьми зал.

Она избавилась от него, чтобы остаться наедине с Нгом. Это было так очевидно, что Грею хотелось сблевать. Так он был зол. Так обижен. После всех этих разговоров о жестокости Нга она вела себя так, будто им очарована. Для своего возраста Нг был привлекателен, но, что более важно, он был состоятельным и могущественным человеком. Встречалась ли она с Греем лишь затем, чтобы приблизиться к нему, использовала Грея для достижения своих истинных целей? Он чувствовал себя одураченным, как будто его использовали. Может быть, он преувеличивал. Может быть, ему следовало постоять несколько минут в холле и собраться с мыслями, выкурив пару собственных сигарет. Но ему так хотелось пройти мимо гардероба, пересечь холл, выйти в ночь и убраться из этого чертового города навсегда…

Дойдя до широких двойных дверей бального зала, он помедлил и не смог сдержаться, обернувшись в попытке найти взглядом сладкую парочку.

Ему удалось. Более того, Мария тоже смотрела на него. Наблюдала ли она за ним все то время, пока он пересекал зал? Он уже было хотел отвернуться в отвращении, когда она ему помахала. Была ли это издевка или она хотела уверить его в своем к нему интересе? Со вздохом Грей вяло поднял руку, чтобы помахать в ответ. Видимо удовлетворенная этим обменом, Мария взорвалась.

Вспышка ослепила Грея, а через долю секунды до него дошла взрывная волна, отбросившая его назад. Он чувствовал, что в него

входят пули, разрывающие кожу. Его спина ударилась о противоположную стену застланного ковром коридора.

Там он и рухнул. Спина его полуопиралась о стену. Из осколочных ранений сочилась кровь. Со своего места он мог видеть весь бальный зал, хотя тот и был задымлен, словно поле битвы. Он услышал крики, однако стонов и рыданий было больше. Но больше всего было тишины. Грей услышал голоса из холла, с лестничного пролета выше — гости отеля реагировали на катастрофу.

Триада была уничтожена одним ударом. Мария действительно использовала его… Ротванг. Только теперь, в свете всего произошедшего, он в приливе спокойной четкости мышления, рожденной из ошеломленного оцепенения, понял ее шутку. Он был любителем старого земного кино. Он должен был сообразить раньше. «Метрополис»…

На пороге лежало изодранное туловище мужчины. Взрыв отделил от него смокинг, голову и конечности. На ковре у ног Грея лежали пустая чаша черепа и скальп. А между туловищем и дымящимся черепом — женская рука. В некоторых местах ее плоть была так глубоко выжжена, что виднелись кости — кости из сияющего металла. Из ярко-голубого сплава.

Было ли это то самое создание, которое он пощадил на задворках джаз-клуба? Пришедшее отомстить Нгу за преступления, пришедшее раз и навсегда покончить с конкуренцией? Могло ли быть, что его починили, а затем нарядили в несколько превосходно выполненных слоев клонированной человеческой плоти? Жуткий рождественский подарок в чудесной обертке? Мученица своего народа, новая рождественская мученица?

Да, решил он. И она, очевидно, отправила Грея из зала, чтобы пощадить его. Но не подшутила ли она над ним, позволив жить, чтобы увидеть смерть остальных? Или же это был жест подлинного милосердия?

Он снова посмотрел на руку с голубыми костями. Мягкую изящную руку, которую он держал лишь пару минут назад.

Грей застонал, поморщился. Он не знал, суждено ли ему умереть или он выживет, вылечится и покинет этот город. Но, каковы бы ни были ее мотивы, Мария, по крайней мере, дала ему шанс.

Сердце за сердце

Нимбус смотрела на переулок за окном. Если точнее, на стену противоположного здания. На ней красовалась одна из работ Тила, выполненная множеством ярких аэрозольных красок. Все формы были так четко прорисованы, что казалось, будто их наносили через трафарет. Однажды он сказал ей, что расписывал своими граффити Панктаун еще тогда, когда был ребенком. Эта его работа представляла собой длинную череду египетских иероглифов. Она никогда не спрашивала его, что они означают. Может, он и сам не знал.

Еще ее всегда интересовало, сколько из его ранних граффити-шедевров она успела повидать до того, как с ним познакомилась, смотрела на них, прислонялась к ним, чтобы выкурить сигарету, сворачивалась под ними в холодную ночь и не подозревала, что в один прекрасный день их судьбы сплетутся в одну. Не подозревала, что станет его партнером. В разных смыслах.

Она наблюдала за тем, как в переулок заплывает помятый автоуборщик. Как и большая часть его «коллег», робот был покрыт граффити, сильно уступающими работам Тила. Его ненасытный скрежет и грохот, издаваемый при разгребании кучи отходов, заставил челюсть Нимбус напрячься. При его приближении расплющенная картонная коробка перевернулась, и двое бледных юнцов рванули из переулка прочь, чтобы не оказаться вдавленными в грязный асфальт. Белые насекомые под перевернутым камнем. На сердце Нимбус набежала тень.

Шипение воздуха после резкого пневматического щелчка заставило ее в испуге оглянуться. Неужели и здесь автоуборщик? Ее тело изготовилось к бегу. Старые инстинкты не просто побороть.

Тил сидел за своим верстаком, тянувшимся вдоль высокой кирпичной стены, выкрашенной им блестящей розовой краской. Возле него стоял небольшой переносной нагреватель: их чердак был огромен и отапливался неравномерно. Кружка кофе у его локтя. Это была самая уютная картина из тех, что приходилось видеть Нимбус. Тил боролся с шипящей змеей воздушного шланга, подсоединенного к компрессору, подобранному им на какой-то свалке. Его брови сошлись от напряжения. Нимбус улыбнулась этому зрелищу, а медленный воздушный поток согревал ее, сгоняя с сердца холодную тень, подобно солнечному лучику, пробивающемуся из-за облака.

Она тихо подошла к нему, обняла его сзади. Он слегка раздраженно хмыкнул и заерзал, все еще сражаясь со шлангом.

Она решила поддразнить его еще сильнее, нагнувшись и прижавшись к его уху, позволив волосам упасть на его лицо. Он мог огрызнуться, однако ему удалось установить нужный напор воздуха, и он со вздохом откинулся на спинку стула, позволив своим плечам прижаться к грудям Нимбус. Он завел руки за спину, чтобы погладить ее плечи.

— Еще кофе? — промурлыкала Нимбус, потянув зубами мочку его уха.

— Нужно приберечь немножко для завтрашнего утра. Это все, что у нас осталось.

— Я могу купить. Маленькую упаковку.

— У нас не хватит денег.

— Нет?

— Нет. Подожди, пока Уилли не заплатит мне.

— Поскорее бы. Он же знает, что тебе нужны деньги.

Уилли был старым другом, обзаведшимся собственной небольшой типографией. Тил был его художником — придумывал логотипы для визитных карточек и бланков клиентов Уилли. Сейчас эта работа была единственным источником дохода Тила. К счастью, чердак он снимал у своего дяди.

Нимбус обошла вокруг и села к Тилу на колени. Он устало улыбнулся и потер ее бедро через хлопковую мягкость ее застиранных тренировочных штанов. Оба они еще не переодели теплые костюмы, в которых спали, и не приняли утренний душ. Нимбус находила грубую щетину Тила и его растрепанные волосы очень милыми. Он напоминал ей только проснувшегося мальчишку, протирающего глаза. Временами она испытывала к нему почти материнские чувства. Даже по прошествии года все это казалось ей таким странным, таким чужим. Но таким согревающим…

Рука Тила забралась ей под кофту и теперь скользила вверх и вниз по ее гладкой упругой коже. Нимбус чувствовала, как он твердеет под ней. Она улыбнулась ему, слезла с его колен и взяла за руку.

Кровать была недалеко от раскаленного оранжевого обогревателя, стоящего в углу их высокого чердака. Они могли сбросить одежду и оставаться поверх одеяла, не испытывая неудобства. Они согревали друг друга своими объятиями и трением своих тел, пока не начали обливаться потом.

Тил обхватил ее бедра руками, словно собираясь понести их на своих плечах, и глубоко вжался губами в мягкую белую плоть ее живота. Забрался языком в нишу ее пупка. Погрузил нос в мускус ее блестящих завитков ниже. Она держала его голову, его волосы пробивались между растопыренных пальцев,

изгибавшихся от удовольствия, как и ее спина.

Когда он взглянул на нее оттуда, в его зрачках ярко сверкнул отраженный свет обогревателя. Тил унаследовал мутацию, придавшую его зрачкам золотистый цвет, что делало их похожими на металлические катаракты. Его радужные оболочки были оранжевыми. Он говорил, что видит идеально, что его зрение до предела ясно, а восприятие цвета вполне нормально, однако ей нравилось верить в то, что его зрачки были линзами, через которые фокусировалось его воображение, когда он творил. Ей нравилось, когда эти особые линзы были сфокусированы на ней. Хотя сейчас, когда он с улыбкой продвигался выше по ее телу, они сияли слегка жутковато. Когда его лицо оказалось над ее лицом, она увидела в этих ярких дисках свои отражения — они были будто две камеи с портретами.

Войдя в нее, он приподнялся на согнутых руках, чтобы взглянуть туда, где они соединялись, и оглядеть ее тело целиком. Будучи художником, он ценил формы и очертания. Она думала о том, на что же она могла вдохновлять его в этот самый момент, и чувствовала к его таинственному разуму огромную нежность. И гордость, ведь, даже несмотря на свое крайне индивидуальное видение, он позволил ей связать свое искусство с его собственным так же, как сейчас были соединены их тела.

Все те художники, которым она отдавала свое тело до встречи с Тилом, говорили, что смотрят на нее как на вдохновение. Вдохновение их собственного желания, усмехалась она про себя. Даже те, кто восхищался ее превосходными формами, могли с тем же успехом неразборчиво мычать в разгаре страсти. Жажда красоты, а не уважительное благоговение Тила. Ну, в нем, конечно, была и жажда. Но жажда уважительного толка. Тил не был позером ни в качестве любовника, ни в качестве художника.

Они впервые встретились в кафе под названием «Пар». Она выступала в представлениях того или иного рода с тех самых пор, как вылетела из средней школы и школы танцев. К моменту начала своих еженедельных выступлений в кафе Нимбус жила на улице уже полгода.

Сначала их было в труппе четверо — трое в момент прихода Нимбус. Нимбус и еще одна девушка надевали трико, которые покинувший труппу мужчина оклеил тысячами замысловато вырезанных деталей из игрушечных моделей и кусочками микросхем. Их было достаточно, чтобы покрыть всю поверхность тела, которое не теряло при этом своих округлых форм. А еще они надевали шлемы, сделанные из пластика и легкого металла и выкрашенные в тот же серо-голубой цвет, как и все остальное. Их

создал один и тот же художник, и были они рогатыми, иззубренными, изящными и роскошными, словно головные уборы некой древней расы, в пирамидах которой располагались когда-то лязгающие и грохочущие заводы. Последним участником труппы был нечеловек, удоту'ут, чьи конечности лихорадочно колыхались вокруг двигавшихся в маниакальном танце женщин. Движение перемежалось периодами странных стыковок, когда две женщины и напоминающее цветок существо туго сплетали себя в живые скульптуры, пребывая без движения целый час. Эти стационарные периоды нарушал лишь редкий хрип «масла… немножко масла…», из очень старого фильма «Волшебник страны Оз».

Позже Тил признавался, что это зрелище показалось ему захватывающим, но бессмысленным, — вспышка без тени мысли.

А тем временем здоровье Нимбус ухудшалось. Она заболевала все сильнее, теряла вес, губы ее покрылись язвами. Ее человеческая партнерша завела себе бойфренда и больше не могла позволять Нимбус спать на диване. Ночевать в метро было опасно. Картонные убежища в переулках были не намного безопаснее, а зима была уже на носу. Между представлениями Нимбус стала работать по другой линии — просто чтобы прокормиться и позволить себе пройти лечение от желудочной инфекции, которую оказалось непросто побороть. Эта новая работа также предполагала использование тела…

Она однажды говорила с Тилом и к тому времени уже узнавала его в толпе, а потому, не стесняясь, присела в своем пластиковом мозаичном костюме (хоть и без головного убора) за его столик, чтобы выпить предложенный им бокал вина. Он предложил ей сходить как-нибудь в кино, но она отказалась. Она чувствовала себя слишком замаранной, чтобы ходить на свидания, как какая-нибудь школьница.

В следующий раз, когда она к нему подсела — на этот раз выпить кофе и уже в обычной одежде, — они разговаривали дольше. Он побольше рассказал ей о своих творческих устремлениях. Она пришла в восторг и открылась ему. Призналась в сложности своей ситуации, хотя и не рассказала ему о своем побочном — а на самом деле главном — заработке. Тил предложил ей спальный мешок на полу своей квартиры в доме, которым владел его дядя. По какой-то, так ею и не осознанной, причине она снова ему отказала, с трудом оторвавшись от обессиливающего, но пленительного золотого взгляда.

Две ночи спустя Тил через метель вернулся с рынка на углу и нашел Нимбус свернувшейся на своем пороге.

Она проснулась в его кровати. Осознала, что он раздевал ее…

Но лишь для того, чтобы вымыть. Он одел ее в свою собственную чистую пижаму. Сперва она со своего рода усталым смирением предположила, что он занимался сексом с ее бессознательным телом. Но это было не так. Он лишь сидел на стуле рядом с кроватью и рисовал ее. И последующие дни он рисовал ее, как обнаженной, так и одетой, но ни разу не притронулся к ней. Ее любимым рисунком этого времени был образ ее спящего лица. Теперь этот портрет висел в рамке на стене. Даже несмотря на ее растрескавшиеся губы, в нем было мягкое очарование.

Тил отвел ее в лучшую клинику. Лечение, которое там прописали, сначала мало помогало, но отдых и нормальное питание позволили Нимбус потихоньку начать восстанавливаться. Крепчать. И на протяжении всего этого времени она была моделью Тила. Он делал ее скульптуры из «умного» металла, снимал ее на видео. Она была только счастлива благодарить его в такой манере. В конце концов, она отплатила за его доброту иначе. Тогда ей хотелось этого не меньше, чем ему.

К тому времени она уже рассказала ему о том, как ей приходилось жить. Он был озабочен, но не отвращен. А после их первого раза признался, что хотел близости все это время, однако стеснялся, чувствовал себя недостойным ее красоты. Нимбус рассмеялась, но была польщена. До встречи с ним и другие художники, и ее клиенты, между которыми она не проводила черту, воспевали ее красоту либо до, либо во время секса, но никогда — после.

И вот теперь они лежали в постели вместе, разгоряченные и тяжело дышащие. Пот сочился из них и сверкал на коже. Это был их пузырь безопасности и безвременья — теплая постель в теплом уголке огромного холодного города в огромном холодном пространстве-времени.

В дверь постучали. «Тил?» — позвал через нее его дядя. Домофона у них не было. Тил и Нимбус вскочили с кровати, чтобы снова влезть в свою спальную одежку, а потом Тил подошел к двери.

С его дядей в коридоре стоял мужчина в дорогом костюме, взглянувший на одеяние Тила с неодобрительной усмешкой, которую либо сам за собой не заметил, либо попросту не посчитал нужным скрыть. Тил оглядел себя и обнаружил, что эрекция все еще топорщит бугорком штаны, не говоря уже о маленьком влажном пятнышке на его вершине.

— Я из электрокомпании «Чейз Пауэр», мистер Тил, — сказал человек.

— Прости, Тил, — беспомощно начал его дядя, — я…

— Мистер Тил, наши полевые агенты обнаружили, что эта квартира подключена к электросети нелегально. Вы пользовались ресурсами керамического завода по соседству, и они не очень рады тому, что им приходилось платить за вас два прошлых года…

Тил осознал, что не отрываясь смотрит на булавку для галстука с двумя драгоценными камнями, которые обозначали положение этого человека в его управлении.

— Но сэр, все так и было еще до того, как я въехал…

— Пожалуйста, не лгите мне, мистер Тил. Вы живете в этой квартире три года. Согласно нашим записям, первый год вы имели с нами дело на законных основаниях, но были отключены за неуплату.

Тил поднял взгляд, который мог быть весьма тревожащим, когда его злили.

— Но я же в конце концов заплатил!

— В конце концов да. Но вы все еще должны нам за два предыдущих года, мистер Тил. Вместе с пеней — тысяча двести мьюнитов… Которые мы должны получить до конца этого месяца, если вы, конечно, желаете избежать судебных разбирательств.

— Послушайте…

— Нет, это вы послушайте, мистер Тил. Хотите бесплатного электричества — в тюрьме оно у вас будет. А нам нужно заниматься делами.

— Может, я смогу выплачивать постепенно?

— Вы не раз нарушали подобные соглашения. Одолжите деньги у друга, мистер Тил. Может, ваш дядя, утверждающий, что ничего не знал о преступной деятельности, ведомой в здании, которым он владеет и в котором живет, ссудит вам сколько-нибудь. Но если вы не доставите деньги в нашу контору до конца этого месяца, вы очень сильно пожалеете.

— Я уже очень сильно жалею. Жалею, что живу в одном мире с акулами-живоглотами вроде вас.

— Может, я и акула, мистер Тил, но и вам не стоило заплывать на глубину в чужой лодке, так ведь? Удачного дня. Мисс. — Мужчина полушутливо-полупохотливо улыбнулся Нимбус и кивнул ей. В ответ она вонзила в него зеленые кинжалы своих глаз.

Когда человек ушел, дядя Тила вернулся в одиночестве.

— Простите, детишки… Я попытался напустить дыму, но они тебя вычислили. Слушай… Я могу одолжить тебе пару сотен, но Рождество вычистило мои карманы, и я…

Тил вздохнул и поднял руку, чтобы его прервать.

— Не беспокойся. Что-нибудь… Я что-нибудь придумаю.

Нимбус сложила руки на груди и непроизвольно вздрогнула. У нее перед глазами встала картина прошлой зимы — строительство палаток из картонных коробок, навесов из грузовых поддонов. Но больше возвращения к прежней жизни ее пугала перспектива заключения Тила, чувствительной творческой души, в тюрьму, заполненную убийцами и насильниками. Ее шансы выжить на улице были намного выше…

Когда его дядя ушел, Нимбус сказала Тилу:

— Я сейчас схожу в «Пар» и спрошу, не возьмут ли меня официанткой.

— Нет, не пойдешь! У нас есть работа. Мы художники… Этим мы и должны заниматься! Ты потратишь себя на разливание кофе, с которым справится и тот, в ком нет ни капли таланта, и ничего не оставишь для своего искусства.

— Нам нужны деньги, Тил! В идеальном мире ни одному художнику не пришлось бы подавать кофе нигде, кроме собственной гостиной, но…

— По крайней мере, дождись этого шоу… Дождись и посмотри, сколько внимания я смогу привлечь к своей работе. Официанткой!.. С тем же успехом можно снова пойти на улицы…

Нимбус отвела глаза и мрачно пробормотала:

— Может, так и следует поступить.

Тил непроизвольно шагнул к ней, наставил на нее палец.

— Не смей этого говорить!

— Я просто хочу тебе помочь…

— Не причиняй мне боль, помогая мне! Я серьезно, Ним… Даже и не думай пойти на это снова — особенно ради меня!

— Господи боже мой, это же ты приравниваешь честную работу официантки к проституции. Нам сейчас не до мечтаний… Мы можем быть тоскующими идеалистами сколько угодно, но только после уплаты по чертовым счетам! Нам нужно иметь дело с реальностью.

— То есть нереалистично считать, что я могу продать свою работу? Ты это имеешь в виду? Ты не веришь в то, что, если бы тебя заметили, ты могла бы стать уважаемой артисткой? Бог с тобой, Нимбус. Не знаю, на что я больше злюсь… На недостаток твоей веры в меня или недостаток веры в себя саму.

Он всегда был так страстен, так убедителен. Если бы только Тил смог использовать свой язык, ум и руки, чтобы защититься от неприятностей, думала Нимбус. Но ведь и у нее были руки и разум. Они оба слишком долго спали в своей слишком уютной постели. И вот теперь — стук в их дверь… И автоуборщик, вымывающий мечты.

Состоявшаяся через две недели в галерее «Хиллуэй» выставка «Уличное искусство» отвлекала Тила от того, что пока ему удалось наскрести лишь сто восемьдесят мьюнитов. Он провел несколько месяцев, не покладая рук трудясь над проектом для этого шоу, не уделяя внимания его снисходительному названию. Последние две недели он работал с заметно угасшим вдохновением, и сейчас Нимбус с облегчением наблюдала за тем, как восстанавливались его былые драйв и энтузиазм. Он нервничал, он раздражался, но все это было оттого, что он был воодушевлен. Она тоже была воодушевлена, потому что сегодня ей придется быть не просто артисткой, но настоящей частью произведения искусства.

Тил до самого конца возился со скрытой системой управления, снимая панели и осматривая путаное гнездо кабелей и шлангов, вентилей и плат. Нимбус, одетая в халат, поддразнила его: «Эй, а это тут зачем?» Она взялась за вентиль и согнула руку, словно поворачивая его.

— Ничего не трогай! Тут все под высоким давлением, ты же знаешь! Если эти шланги выйдут из-под контроля, весь музей превратится в одну большую уродливую картину Джексона Поллока!

— Кого?

Их амбициозный вклад в недельную выставку был озаглавлен «Станции пересадки, или Каждый человек — мученик». Снаружи он представлял собой огромный аквариум, собранный из легких прозрачных керамических листов, которые Тил нашел на заводской свалке по соседству. Они были забракованы из-за маленьких мутных пятнышек. Аквариум или террариум был разделен на несколько меньших комнат или клеток. А внутри этого крошечного прозрачного дома была Нимбус, выполняющая свои отрепетированные движения. Портрет ню, сошедший с холста.

Размеры, необычность и очаровательное содержание этой работы быстро сделали ее центральным экспонатом выставки, и Тил нагло ухмылялся, наблюдая за толпой народа, сбившейся вокруг причудливой клетки, чтобы поглядеть на ее экзотическую обитательницу. Да, он чувствовал себя слегка виноватым в том, что так доминировал на шоу, но ведь как только они сполна насладятся его работой, то пойдут и посмотрят все остальные. И он не собирался позволять своей вине помешать ему вкусить свой величайший триумф в качестве художника. Тут были настоящие критики. Владельцы маленьких галерей. Торговцы предметами искусства. И коллекционеры…

На Нимбус была лишь реалистичная жесткая маска, которую Тил отлил с ее собственного лица. В нее были встроены прозрачные линзы для защиты глаз и фильтр для защиты легких от краски. Необходимость этих приспособлений была более чем очевидна. В первом отсеке Нимбус, подобно зародышу, плавала в красной воде, словно в лоне, наполненном материнской кровью. Подобие пуповины закачивало воздух прямо в рот маски. Сперва она плавала, свернувшись калачиком, но потом начала пинаться во все стороны. В конце концов она приблизилась к панели, ведущей в следующий отсек, и открыла ее. Через нее из лона хлынула жидкость, а скрытые шланги со всех сторон обдали Нимбус фальшивой кровью. Зрители невольно отступили. Она отсоединила свою пуповину. Дверь за ней закрылась, перекрыв поток, а теперь и шланги перестали дергаться. Вся покрытая кровью, Нимбус была «рождена».

Из шлангов брызнула очищающая вода, и мужчины улыбались, глядя на то, как Нимбус под струями отмывает себя. Новая душа, вступающая в мир. Капли крови были смыты с волос на лобке. Вода оказалась слегка холодноватой, и ее соски стали твердыми, словно ластики. Подуло теплом, и Нимбус встряхнула своими длинными волосами у одного из воздушных потоков. Встала так, чтобы теплый воздух достиг ее лобка. Эрекцию почувствовал даже Тил, уже видевший все это.

Тогда он слегка скривился. Не было никаких сомнений, что в своем возбуждении он не одинок… Словно сидел в сумраке порнокинотеатра. Он заметил, как блестящие жабры одного из наблюдателей-нелюдей затрепетали чаще. То, что он чувствовал, было не ревностью, — идея с ее обнажением принадлежала ему. Она же сперва противилась, беспокоилась. Это он хотел, чтобы зрелище было столь же эротичным, сколь и заставляющим задуматься. И он чувствовал вину. Эксплуатировал ли он Нимбус? Не более, чем Ренуар эксплуатировал тех пышных рыжеволосых красавиц, которых писал так нежно, возразил он себе. С другой стороны, любуясь его работами, ему хотелось мастурбировать не меньше, чем восхищаться мастерством их создателя. Неужели он продавал тело Нимбус… Как когда-то делала она сама? Делало ли это его ее сутенером? Неужели это и было предложенным им убежищем от былого? Была ли эта клетка ее выходом?

Она делала это для него, и делала с гордостью. Но не могло ли быть так, что она тайно чувствовала себя использованной, униженной? Что она делала это скорее из любви к нему, чем ради самовыражения? В эти секунды он очень гордился ею, но и переживал в то же время. Было ли это искусством или же он просто подсознательно хотел доставить себе радость, заставив и

других восхищаться его любовницей? Было ли это его величайшим достижением в качестве художника или же его окончательной деградацией как человека?

Он никогда не мог выразить это словами, но он должен был сказать ей, что он не такой, как ее предыдущие любовники, при первой возможности. Он отчаянно жаждал дать ей знать, что любит ее…

Только что рожденное человеческое дитя переместилось в следующий отсек. Это был внешний мир, и он бомбардировал ее цветами и раздражителями. Ветра хлестали ее. Краски всех оттенков брызгали на нее со всех сторон, смешиваясь в новые цвета на палитре ее тела. Плоть ее была непрерывно меняющимся холстом. Она кружилась, вертелась, танцевала. Взмахивала мокрой желто-голубой гривой. Волосы на ее лобке были зелеными. А теперь оранжевыми. Она нагнулась, чтобы позволить струе фиолетовой краски разбиться об ее ягодицы. Мужчины и даже женщины ухмылялись. Было ли это выражением высокой оценки или же знаком плотского желания?

Керамические листы должны были послужить окнами многоквартирного здания, а потому подверглись специальной обработке, не позволявшей закрепляться граффити, оставляемыми вандалами, и поэтому ураган разбрызгиваемой и распыляемой краски не мешал обзору содержимого клетки. Этот лист был покрыт наибольшим количеством пятен, что не стало помехой, — Тил вырезал бракованные участки и вставил на их место длинные черные резиновые рукавицы, которые свисали в клетку, подобно вялым пенисам. Теперь люди жались ближе, отталкивали друг друга, борясь за шанс заполнить эти перчатки, протянуть руки и дотронуться до Нимбус… Погладить ее, поласкать. Мужчина в строгом костюме сжал одну из ее грудей, словно пытаясь удержать ее, но она была скользкой от краски и высвободилась из его хватки. Протанцевала к противоположной стене, чтобы дать возможность коснуться себя тем, кто столпился возле нее. Женщина запустила руку Нимбус между ног и терла ее несколько секунд. Нимбус не противилась, а затем скользнула на пол и начала кататься в краске туда-сюда. Мир эксплуатировал невинную душу, использовал ее. Портил ее. Недовольство Тила усиливалось, как и его эрекция. Они репетировали все это на его чердаке… Но тогда их было только двое…

Только взглянуть на всю эту краску… Конечно, она будет использована вторично — каждый цвет будет отфильтрован от остальных компьютером и загнан в соответствующий бак, — однако краска все равно была дорогой. По его меркам и сборка компьютера оказалась очень дорогой. Но он не платил за

электричество — и теперь у них серьезные проблемы. Он не покупал кофе и нормальную еду. Не купил Нимбус хороший подарок на Рождество. И она не жаловалась. А раньше она даже работала какое-то время на керамическом заводе и не возражала против того, чтобы он использовал ее деньги. Все эти жертвы были принесены его видению… А теперь он сомневался в нем.

Все эти уважаемые горожане нащупывали Нимбус, а она дразнила их, то приближаясь, то снова отходя, а затем возвращалась и позволяла им дотронуться до себя. Неужели они не понимали, что таким образом они тоже становились частью искусства, но исполняли отрицательную роль? Изображали тех, кто оскверняет, становились ими? Нет, они не понимали искусство, а может, им просто было плевать. Это был карнавал, интермедия. Стрип-шоу. Но чего он ожидал, помещая туда эти перчатки? Что они приласкают ее и немедленно отметят важность символизма?

Да, этого он и ждал. Но теперь понял, что переоценил свою публику.

Значит, его так успешно принятая работа — провал?

В следующем отсеке шланги взметнули вихрь порошка цвета грязи, который облепил краску, превращавшую тело Нимбус в калейдоскоп. Вскоре она покрылась порошком с головы до ног. Жизнь, пачкающая душу, пользующая ее, иссушающая ее, душащая ее. Нимбус танцевала в этой буре, билась о стены в попытках вырваться наружу и наконец упала и съежилась на полу. На нее намело такой толстый слой порошка, что она стала напоминать фигуру из Помпеи.

Ветер прекратился. Пыль осела. Публика замерла в ожидании, а Тил задержал дыхание.

В камеру хлынул яркий, почти ослепляющий свет, заполнил ее всю. Большинству зрителей пришлось отвернуться или прикрыть глаза. Они не слышали и не могли видеть воду, орошающую клетку. Но когда свет померк, они увидели Нимбус — выпрямившуюся и с воздетыми руками. И грязь и краска были смыты с ее тела. Чистая и прекрасная, душа не сгинула после смерти… Но восстановилась.

В камере воцарилась тьма. В нее погрузился весь аквариум. Спустя несколько ошеломляющих секунд последовал взрыв аплодисментов, и глаза Тила наполнились слезами. Да… Ему удалось. Это было сложное представление. Будоражащее и спорное представление. Но это было сильно и красиво, и он давился от гордости. Она почти… почти… затмила чувство вины.

Они ждали час, чтобы повторить все снова, — таймер у аквариума выдавал обратный отсчет. После этого — еще один

перерыв. В это время Нимбус выходила в халате и тапочках и осматривала другие произведения искусства. Люди поздравляли ее даже больше, чем Тила.

Нимбус, Тил и его дядя стояли и беседовали, когда к ним подошли двое в безукоризненных костюмах. Один из них был человеком, второй — гуманоидом с Кали. Его черные волосы покрывал голубой атласный тюрбан, кожа блестела серым, губы были очень полны, а глаза располагались под небольшим углом и были целиком черными, словно кусочки обсидиана. Калиец пожал Тилу руку.

— Мистер Тил, меня зовут Дерик Стуул, и я не могу выразить в словах то, насколько я впечатлен вашей работой. Восхитительное отражение стадий жизни, всего жизненного опыта… А то, что представление начинается заново каждый час, лишь делает его еще более сильным, демонстрируя вечность цикла жизни, смерти и возрождения. Мне, как калийцу, это показалось особенно важным. Это отражает мои религиозные убеждения.

— Благодарю вас. Это универсальная тема.

— Воистину так. Я хотел бы ее купить.

Тил моргнул, чуть не хихикнул.

— Оу… а… правда? — Он почувствовал, как Нимбус возбужденно сжала его руку.

— Она ведь продается, не так ли? Это Дэвид Нассбраун, мой арт-брокер.

— Ага, здравствуйте… Ну… да, конечно. Хм…

— Сколько вы за нее просите?

— Ну, мне нужно подумать. Я, вообще-то, не знаю…

— Десять тысяч, — сказала Нимбус.

Тил повернулся, чтобы посмотреть на нее, но снова обратил взгляд на Стуула, когда тот сказал:

— Что ж, звучит весьма разумно. Мистер Тил?

— Конечно… да. Звучит разумно. — Он попытался подавить улыбку.

— Дэвид посоветовал мне не делать эту покупку из-за возможности поломки механики…

— Ну, она довольно-таки деликатна… Я в таких делах только любитель…

— Какая скромность! Я найму инженера, чтобы он над ней потрудился… естественно, без какого-либо ущерба для сути работы. Еще Дэвид говорит, что искусство не должно обесцениваться, а эта девушка, очевидно, со временем состарится, но мы будем волноваться об этом тогда, когда это произойдет…

— Что? — сказала Нимбус.

— Вы же не хотите сказать… что и Нимбус хотите купить…

— Ну, конечно, нельзя купить человека, но она должна будет отправиться вместе с работой — в этом нет никаких сомнений… Иначе, боюсь, мне придется отказаться. Она так изысканна, так чудесна, что я не могу представить эту работу без нее.

— Но, сэр, она не может жить внутри этой штуки!

— Она будет жить в моем доме, как живут мои слуги, и получать за свою работу пятьсот мьюнитов в неделю. Она сможет приходить и уходить, когда пожелает. Но с шести часов вечера, когда я прихожу домой, до полуночи, когда я отхожу ко сну, она должна исполнять свою роль. Один раз в час, отдыхая или занимаясь чем-то еще в промежутках. Думаю, это вполне честно. Да и работа вовсе не обременительна! Конечно, в выходные может потребоваться выступать чаще, если я буду дома…

— И вы не рассмотрите возможность найма другой исполнительницы по вашему выбору? — спросил Тил.

— Тил, — прошептала Нимбус. — Пять сотен мьюнитов в неделю! И десять тысяч тебе! Нам больше не придется беспокоиться о деньгах!

— Нам и вместе быть не придется.

— Я смогу приходить к тебе каждый день!

— Разумеется. — Стуул великодушно улыбнулся. Его белые зубы изумительно смотрелись на сером лице.

— Нам нужно это обдумать и обговорить, — сказал художник.

— Не нужно, — сказала его партнерша, его шедевр. — Тил, ты будешь дураком, если откажешься. И ты будешь дураком, оказавшимся в тюрьме, а потом мертвым дураком. А если ты согласишься, ты начнешь свой путь к тому, чтобы стать серьезным художником. И богатым художником! У этого человека есть друзья. И его друзья увидят «Станции».

— Совершенно верно, — сказал Стуул.

— Все просто будет так, словно у меня есть собственное жилье и работа.

— Этим оно для нее и будет, мистер Тил. Работой.

Да, думал Тил. Когда она была проституткой, это тоже было просто работой.

Из своих коленей под одеялом Нимбус сделала для Тила палатку. Это была хрупкая палатка на огромном холодном пустыре жизни, но она была всем, что у него было, и он вошел туда с той же страстью, с какой вошел и в убежище ее скользкого внутреннего жара.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — сказал он ей, качая

бедрами в мягком ритме, укачивая себя в ее тазовой колыбели. — Должен быть какой-то иной способ…

— Он же тебе сказал — его нет. Он хочет меня.

— Да, именно так оно и есть. Я бы сказал, что он хочет тебя больше, чем хочет мое искусство.

— Ты что, ревнуешь?

— С чего бы это? С того, что ты собираешься переселиться к экзотическому богатому бизнесмену? Да разве это причина?

Нимбус улыбнулась ему.

— Ты ревнуешь, так ведь? И чувствуешь себя неуверенно. Эй… Я же делаю это для тебя… — Она крепче обхватила его своими ногами, зацепившись ступнями за его бедра. Оранжевое мерцание обогревателя, в отсутствие электричества подключенного к аккумулятору, освещало размеренно напрягающиеся мышцы на шее и груди Тила, создавая гипнотический эффект.

— Хочешь что-то для меня сделать? Тогда не делай этого. Если ты на это пойдешь, то не ради меня.

— Ради тебя. Нравится тебе это или нет, но так будет лучше для тебя.

— Ты мне не мать. И я не уверен, что верю тебе…

— О чем ты?

— Для меня, Ним, это чудесная возможность… но ведь то же касается и тебя, верно? Жить в особняке в районе для богатых. Пять сотен мьюнитов в неделю. Ним, ты делаешь это для меня или все же для себя?

— Слезь с меня. — Она освободила его из челюстей своих голодных ног, оттолкнула его плечи.

— Нет, послушай.

— Слезь с меня! — Она выскользнула из-под него, вся покрытая смазкой из их смешанного пота. Ее сердитые ступни шлепнулись о холодный пол. — Ты мне ни капли не доверяешь, верно? Ты считаешь, что я ухожу ради себя самой…

— Ты говоришь, что делаешь это для меня, но я не хочу, чтобы ты уходила!

— Я же смогу видеться с тобой каждый чертов день! Что с того, что я не буду здесь жить…

— Ты не станешь видеться со мной каждый день. Может быть, сначала. Но тебе понравится в этом богатом районе, Ним… Очень понравится. Тебе не захочется его покидать. Не захочется бывать в своем старом районе, напоминающем о тех днях, когда ты была бездомной. Не захочется бывать в этой вшивой квартирке. Не захочется проводить время с неудачником вроде меня.

— Да, ты мне совсем не доверяешь. — В глазах Нимбус

блестели слезы. Она натянула трусики. — Ни капли. Считаешь, я хочу жить от тебя подальше? Ну и прекрасно. Думай все, что тебе заблагорассудится…

Тил смотрел, как она одевалась, зашнуровывала свои тяжелые черные ботинки, натягивала свою тяжелую куртку из искусственной кожи, позвякивающую застежками, ремешками и заклепками.

— Куда это ты собираешься? Идти искать Стуула? К нему домой еще даже не привезли «Станции», Ним…

— Я иду прогуляться.

— Он хочет, чтобы ты стала его домашним уродцем. Выступать в этой штуке неделю — это совсем не то, что жить в ней. Он хочет, чтобы ты стала его милой зверушкой. И хочет владеть тобой.

— Ты тоже.

Тил хотел протестовать, хотел сказать, что любит ее, но был слишком сердит, слишком обижен и смущен, а Нимбус уже хлопнула за собой дверью.

Через прозрачную керамическую стенку они не могли друг друга слышать.

Это был всего лишь четвертый раз, когда Нимбус выступала для Стуула в своей клетке. В третий раз ему составили компанию два друга… Но он сказал ей, что не позволит никому другому любоваться работой до тех пор, пока не соберет своих друзей и компаньонов на большое торжественное открытие.

В этот раз они были одни.

Он впервые запустил обе руки в черные резиновые рукавицы и приласкал бомбардируемую краской Нимбус, когда в своем танце она достаточно приблизилась. В один из таких моментов он поймал ее за руку и удержал. Не грубо, но крепко, и она не стала вырываться. Другая его рука оказалась у нее между ног, дошла до скользких от краски ягодиц. Он скользнул пальцем внутрь нее, еще одним пальцем — в другое отверстие. Нетоксичная краска служила смазкой для его движений.

Тогда Нимбус отдернулась с большей страстью, однако обратила свой порыв в вихрь танца. Она чуть не упала, но смогла устоять. Она видела стоящего снаружи Тила в виде темного пятна. Под маской ее лицо краской залил гнев. Сердце выпрыгивало из груди. Чувства переполняли ее до полного опустошения разума. Нимбус продолжала свой танец.

Она увидела, как его рука протянулась в ожидании еще одного касания. Не только в ожидании — она манила ее обратно. Этот жест был грубым, требовательным. Нетерпеливым. Он был

недоволен тем, что она увернулась.

Рукавицы были предназначены для рук. Люди в галерее трогали ее. Стуул рассчитывал на то же. Он хорошо заплатил за эту возможность…

Заплатил достаточно хорошо, чтобы уберечь Тила от тюрьмы…

Нимбус снова вошла в пределы его досягаемости. Он поймал ее обеими руками. Обхватил одной ее живот. А правой рукой снова скользнул ей между ног.

Под своей маской Нимбус закрыла глаза. Она хотела вырваться. Действительно хотела. Разве она, как и Тил, не подозревала, что к этому все и придет? Но эти десять тысяч избавили бы их от долга, а еженедельная зарплата даровала бы им финансовую безопасность. Она не стала вырываться из рук Стуула. У нее не было иного выбора, кроме как быть купленной им игрушкой…

Стуул отключил машину и скомандовал Нимбус выйти, хотя та все еще была мокрой от краски. Он постелил покрывало, чтобы она не запятнала его дорогой ковер, на котором металлическими нитями был вышит калийский богодемон, пожирающий души лишь затем, чтобы снова исторгнуть их в бытие. Нимбус неохотно выбралась наружу, преисполненная ужаса. Работа простояла у него всего четыре дня, а ему уже наскучило использовать ее по назначению?

— Пожалуйста, ложитесь, — скомандовал он с улыбкой, лаская щеку ее расцвеченной маски.

— Это не входит в представление, — сказала она голосом лунатика.

— Мисс, — сказал Стуул спокойно, улыбаясь, но Нимбус видела, как грудь его наполняется воздухом через ноздри, словно он накачивал себя собственной решимостью и гневом. Ей пришла на ум кобра, раздувающая капюшон. — Пожалуйста, не заставляйте меня увольнять вас и возвращать эту работу. Вы же знаете, что ни вы, ни ваш партнер не можете себе этого позволить… Вы изложили мне суть своей плачевной ситуации. Поэтому, пожалуйста… Ложитесь.

Несколько ударов сердца. В голове у Нимбус снова стало пусто, все ее мысли свелись к ощущению капель краски, медленно стекающих по рукам и ногам. А затем она без лишних слов сделала то, о чем он просил.

Калиец разделся, аккуратно сложил одежду с одной стороны. Его пенис был намного темнее, чем остальное тело, — он был почти черным. Очень длинным, но очень тонким, как собачий. Он

ласкал его до тех пор, пока тот не вышел из своей защитной оболочки и не засверкал естественной смазкой. Стуул опустился на нее, а затем и в нее. Маску ее он, однако, не снял. Для него она была живой статуей.

Нимбус смотрела на свое безразличное искусственное лицо, отражающееся в его глазах черного стекла.

— Да, — хрюкал он, мокро шлепаясь об нее и в нее, весь покрытый ее краской. — Да, да… Так прекрасна… Да… ааа… так… аа… прекрасна…

Вокруг них повсюду висели дорогие картины в позолоченных рамах. На пьедесталах стояли скульптуры и голограммы. Это был его личный музей… И они трахались на его полу.

Следующий день был еще хуже. Он настоял на том, чтобы пройти через все стадии «Станций» вместе с ней. В утробе он был ее близнецом. А пока бушевала буря красок, он на полу занимался с ней сексом, беря ее сзади лихорадочными ударами. Для защиты лица он надел маску с фильтром и, кончая, завопил в нее, хлопая животом о ее блестящие многоцветные ягодицы.

Она чувствовала, что в этот раз все было намного хуже, потому что он осквернил искусство Тила, войдя в него. Не имея на то права. Вторгнувшись в него и изменив его предназначение, его смысл.

Когда Стуул издал в своей маске вопль, Нимбус рыдала в своей.

Перебравшись к Стуулу неделю назад, она ни разу не навестила Тила. Он подумает, что его пророчества сбываются. Как могла она сказать ему, что истинной причиной был ее стыд?

Для наладки работы Тила пришел инженер. Нимбус наблюдала за тем, как он качает головой, недоумевает и изумляется.

— Что за жуткий бардак! Немыслимо! Как только он заставил ее работать?

— Делайте то, что нужно, — сказал Стуул, — но результат должен быть неизменен. И мне абсолютно необходимо, чтобы к концу этой недели все работало безупречно: у меня будет званый обед, и я собираюсь представить эту работу множеству важных персон.

— Мистер Стуул, мне придется практически все здесь переделать… Эта штука — просто какое-то бедствие! К тому же она не слишком надежна.

— Поверьте, это была предельно выгодная покупка, мистер Лэнг. — Стуул проявил неожиданную для себя откровенность и сконфуженно ухмыльнулся Нимбус. Она вернула ему взгляд, но

лицо ее было пусто… А затем она снова стала смотреть за инженером и думать о представлении, которое должна была давать в этот уикэнд. О богачах, смотрящих на нее как на шлюху, раздевающуюся за стеклом за жетон. О богачах, щупающих ее черными резиновыми рукавицами. О безопасном сексе. Может быть, Стуул даже предложит кому-то из своих друзей воспользоваться ею так же, как делал это сам.

Размышляя над всем этим, она очень внимательно наблюдала за тем, что делал инженер.

На них были сшитые на заказ костюмы и вечерние платья, смокинги и искрящиеся блестками наряды. Тут был известный робот-художник, ухитряющийся страдать нарциссизмом, несмотря на скудость эмоций и едва ли антропоморфную форму. Тут были калийцы в роскошных золотистых халатах с роскошными золотистыми голосами, важно расхаживающие в своих голубых тюрбанах. Несмотря на ритуальные шрамы, женщины их были прекрасны. Они вежливо улыбались, но говорить им было не дозволено. Звенящий смех, звенящие бокалы. Нимбус было велено не показываться на глаза, чтобы не портить впечатление от ее присутствия внутри работы, но она спряталась за центром управления и выглядывала оттуда.

Знакомое лицо заставило ее замереть. Сначала она его не узнала, потому что он был неплохо одет, но глаза его вспыхивали отраженным светом. Тил…

Конечно. Художника должны были пригласить. Нимбус наблюдала за ним. В другом зале Стуул жал Тилу руку, а затем представлял его своим гостям. Даже с такого расстояния Нимбус могла видеть, что Тил не улыбается. Он выглядел опустошенным. Она хорошо его знала. Она удивлялась, почему он вообще пришел. Из чувства долга перед своим искусством? Из мазохизма? Или чтобы увидеться с ней?..

Она надеялась, что он поймет то решение, которое она приняла.

— Дамы и господа, — провозгласил Дерик Стуул, воздев руки на манер дурного конферансье. — Представляю вам «Станции пересадки, или Каждый человек — мученик»!

Аплодисменты… И представление началось. Нимбус была зародышем. Родилась в потоке крови. Была очищена, чтобы выйти в мир. Гости подтягивались все ближе, восторженные, зачарованные. Она представила, как в брюках смокингов зарождаются эрекции. Зрелищем был захвачен даже надменный робот. Она не смотрела на них. Больше всего она не хотела видеть Тила. Наблюдая за ней в этот раз, он не станет ею

гордиться.

И вот дитя, изображаемое Нимбус, вторглось в мир, чтобы отдаться краскам и ветру. Публика придвигалась ближе, чтобы заполнить рукавицы. Стуул позаботился о том, чтобы первыми в очереди оказались увенчанные тюрбанами калийцы, вероятно, сановники.

Буря красок началась, и верхняя часть отсека отлетела в сторону, подобно крышке табакерки с чертиком. Шланги извивались, словно разъяренные змеи, и орошали многоцветьем красок весь зал, всю личную галерею Стуула.

— Нет! — завопил он. — Нет!

Смокинги были забрызганы. Дорогие прически промокли. Один из калийцев выплевывал краску изо рта, смаргивал ее с глаз, тюрбан его был перекошен. Голограмма Мэрилин Монро продолжала улыбаться, а юбка ее вздыматься, когда потоки краски проходили прямо через ее призрачную форму. Струи желтого сметали с пьедесталов скульптуры. Струи красного бились о масляные полотна в позолоченных рамах. Белые стены и потолок превратились в одну большую уродливую картину Джексона Поллока за какие-то секунды.

— Тил! — орал Стуул. — Выруби ее, черт возьми, выруби ее!

Тил подбежал к пульту управления. Он тоже вымок насквозь. Он снял панель и пробормотал:

— Господи… Вы же тут все поменяли!

— Проклятье! — Стуул отпихнул его в сторону и дернул за шланги. Один из них оторвался, и струя красной утробной воды ударила ему в обе ноздри.

Тил рассмеялся. Он начал искать взглядом Нимбус и увидел ее выбирающейся из работы. Она была нагой и мокрой. Ухмыляясь, она подошла к нему.

— Я засужу тебя за нанесенный ущерб, Тил! — бесился Стуул.

— Ты же в ней ковырялся, — сказала ему Нимбус. — Ты не сможешь возложить ответственность на него. Когда она принадлежала ему, все работало нормально.

Стуул начал хвататься за вентили, щелкать переключателями. Машина начала исторгать пыль, которая тут же стала липнуть к краске.

— Я получу свои деньги обратно! — проревел он.

— Забирай их! — перекрикивала Нимбус хаос и вопли. — Но нас тебе засудить не удастся — это все твоя вина. Тебе следовало послушать своего арт-брокера. И кстати, я увольняюсь.

Нимбус взяла Тила за руку и через столпотворение вывела его в заднюю прихожую, где краска стекала с них на старинный ковер.

— Прости, — прошептала Нимбус.

— Все в порядке.

— Будет лучше, если мы и правда отдадим ему его деньги.

— Я знаю.

— Нам снова понадобятся деньги.

— Мы что-нибудь придумаем. Может, я смогу поработать официантом. Какое-то время.

В холл выходила ванная комната, и он завел ее туда. Они вместе встали под душ, чтобы смыть большую часть краски, — Тил в одежде, а Нимбус нагой. Через несколько мгновений они пойдут собирать ее вещи… Но сейчас они целовались в ярком белом свете под очищающим потоком воды, словно две возрожденные души.

Лицо

— Счастливого Рождества! — воскликнул пятилетний Йен Деклан. На дворе стоял конец лета.

— Скорее уж веселого Хэллоуина, — бросил молодой человек своему другу, когда они миновали Декланов, направляясь в другую сторону по коридору торгового центра.

— Что он сказал? — спросила Ребекка у своего мужа.

— Ничего, — тихо ответил Деклан, но оглянулся через плечо. В то же время оглянулся с ухмылкой и юноша. Он был высок, носил черные волосы до плеч, разделенные пробором, а черты лица были так привлекательны, что его даже можно было назвать красавцем. Полные губы широко разошлись, демонстрируя яркие зубы на загорелом лице. Деклану хотелось верить, что выражение его лица заставило юнца быстро развернуться обратно.

Йен рассеяно катил между родителями в своей тележке, которая была скорее роботом, чем креслом-коляской, и превращало его в подобие полумеханического кентавра. Из баков под его сиденьем змеились трубки, которые входили в катетеры, вживленные в его плоть. По всему телу все еще виднелись пластиковые кольца предыдущих подключений, теперь не используемые. Его подсоединяли к различным видам систем жизнеобеспечения с самого рождения, однако тележка для передвижения понадобилась лишь недавно. Его ноги были так истощены и атрофированы, что даже Деклану было сложно поверить в то, что когда-то это дитя носилось по их квартире, играя с ним в догонялки.

Деклан задумчиво огляделся вокруг, высматривая в витринах то, что могло побудить Йена на это восклицание, но в конце концов решил, что все дело в привязанности его сына к диску с рождественскими песнями, который он ни с того ни с сего начал слушать несколько недель назад. Прошлой зимой эти песни его не очень интересовали. В последнее же время ему было нужно прослушать диск хотя бы один раз за день, а иногда и несколько раз. Йен использовал лишь несколько простых предложений, накрепко забитых в него специальной дошкольной программой, чтобы он смог механически выдавать их в случае необходимости, однако эти песни он мог петь почти слово в слово. Деклан и сам любил их в детстве, а потому частенько пел их вместе с сыном. Голос Йена казался ему прелестным, ангельским.

Туннели торгового центра, по которым они бродили, были подземными остатками старой канализационной системы, поврежденной грандиозным землетрясением, которое завалило и

большую часть старого метрополитена Панктауна. Для сохранения интерьера из туннелей и труб не стали убирать вентили, распределительные щиты и трубы поменьше, которые змеились над головами или вдоль округлых стен между магазинами. И стены, и трубы, и блестящий плиточный пол были выкрашены в призрачно-зеленый цвет, напоминающий ярь-медянку. Йену нравилось это место, хотя в прошлом он впадал в гнев, если ему не позволяли заходить в каждый магазин игрушек и покупать все, что ему приглянулось. Теперь у него с этим было получше, хотя у Деклана входило в привычку каждый раз покупать ему какое-нибудь угощение или что-нибудь в этом роде.

Как только они подошли к одному из нескольких детских магазинов центра, Йен начал указывать пальцем и издавать настойчивый хрюкающий звук. Деклан увидел, как на них покосилась проходящая мимо пара. Несомненно, они видели в Панктауне и более шокирующих мутантов, чем Йен, однако те обычно являлись продуктами нищеты и невежества, а вовсе не отпрысками хорошо одетой и, очевидно, неплохо устроившейся в жизни пары вроде Декланов. Даже через пять лет Деклан все равно испытывал извиняющийся порыв объяснить другой паре, почему так должно быть. Почему этому созданию позволили жить. Объяснить, что делать аборт было против их религиозных убеждений, хотя после рождения Йена они и начали предохраняться. Хотя после рождения Йена они и стали посещать свою церковь намного реже.

Йен протянул свои тонкие, словно сделанные из стекла ручки к ярким разноцветным огням магазина. Тележка помогала поддерживать его голову, становившуюся все тяжелее и напоминавшую облако из молочно-белой плоти. Несмотря на ее огромный размер (она была даже больше головы Деклана), дитя казалось больше состоящим из духа, нежели из материи. Такой эффект, несомненно, создавала его кожа, через которую просвечивали сетки ярко-голубых вен. Отец считал, что дело также было в чистоте его улыбки, которую Деклан находил прекрасной, как бы ни были трагичны его несчастные глаза.

Декланы вошли в магазин игрушек, а между ними был их сын, подобный огромному зародышу в механическом лоне.

Здесь повсюду бегали и восторженно щебетали дети. Дети с шелковистыми волосами, которые могли погладить их родители. Как же Деклан ненавидел таких родителей пять лет назад, когда все только началось… Да и сегодня Деклан попросту отгораживался от них вместо того, чтобы быть благодарным за то, что другие дети не так больны, как его сын, за то, что другие родители не страдают так, как он.

Йен с пылким нетерпением оглядел ассортимент магазина, стянул со стойки двух солдатиков и принялся их сравнивать, держа по одному в каждой руке и сопоставляя их достоинства, а затем отказался от них в пользу фигурки киногероя. Все они, конечно, имели полноценные тела.

— Взгляни-ка, милый, — попыталась подсказать ему мать, протянув куклу милой зверушки из его любимого мультфильма. Он едва на нее взглянул.

— Вооружения маловато, — пошутил его отец.

— Цена маловата, — пошутила в ответ Ребекка. Она была высокой и красивой женщиной. Ее длинные тонкие волосы, бледная кожа и тонкие кости придавали ей неземной вид. В тусклой голубизне ее глаз была своего рода отдаленность, но краснота вокруг них всегда заставляла думать, что она недавно плакала.

У обоих были уставшие голоса. У обоих — вялые улыбки.

Когда они снова обратили свое внимание на Йена, они обнаружили, что тот остановил свой выбор на большой кукле Рэнди-Атласа. Она могла выстреливать различными безвредными лучами и проецировать голограмму Эктопапа — помощника Рэнди из другого измерения. Дома у Йена были простыни и пижамы с Рэнди-Атласом.

— О-хо-хо, — проговорил Деклан, посмотрев на ценник, стоящий на полке. — Тридцать мьюнитов…

— Милый, — сказала Ребекка, — у тебя уже есть две или три куклы Рэнди-Атласа…

— Но не таких, — сказал Деклан. Он протянул сыну фигурку монстра, стоившую всего пять мьюнитов. — Ты это видел, Йен? Ух ты, только посмотри на эту штуку…

— Милый, сегодня мы не можем ее себе позволить, прости, — сказала ему Ребекка, убирая коробку подальше. Йен начал громко ныть, а потом гневно кричать. Деклан отвез тележку сына подальше от той полки. — Выбери что-нибудь другое, — продолжала Ребекка, ставя куклу на место. — Сегодня мы просто не можем себе этого позволить… У нас туговато с деньгами, Йен… И нам еще нужно на что-то пообедать… — Она продолжала свои увещевания, хотя они оба знали, что он ничего из этого по-настоящему не поймет.

После большого количества шума и множества несчастных взглядов Йен в конце концов мрачно принял маленькую фигурку солдата с другой стойки. Измученные родители позволили своему измученному сыну со все еще блестящим от слез лицом самому отнести куклу к кассиру. Как и диктовала сезонная мода, на девушке были черное трико и покрытая блестками маска

мексиканского борца, которая скрывала все лицо, кроме глаз и рта. Деклан находил это веянье крайне раздражающим. Несомненно, девушка была очень мила под своей маской. Два года назад юнцы схожим образом покрывали свои лица завитками татуировок маори, которые потом удаляли. Красота тратилась на них попусту.

Йен умер за три недели до Рождества.

Торговый центр нарядили к празднику задолго до самого праздника, так что Йену удалось им полюбоваться во время своей последней по нему прогулки — перед тем как он стал слишком слаб, чтобы покидать больницу. Теперь Деклан видел все это снова. Красные и золотистые гирлянды были переплетены с трубами и кабелями. Серебристые елочные шары свисали с изогнутого потолка, словно искрящиеся опухоли. По интеркому транслировали рождественские гимны. Берл Айвс пел «A Holly Jolly Christmas».

Деклан тяжело осел на скамью, поставив свою сумку так резко, что она перевернулась. Это была одна из тех песен, которые его сын пел чаще всего.

Молодая женщина наклонилась, чтобы взглянуть ему в лицо. Это была не Ребекка — та была в церкви, которую в эти дни посещала все чаще и чаще, словно пытаясь компенсировать его собственное отсутствие. С приближением Рождества там прибавилось дел, в которых она могла помочь, прибавилось забот, на которых могла почти лихорадочно сфокусироваться.

— Вы в порядке? — спросила эта другая женщина. Она видела, как он почти упал на скамейку. Но Деклан был склонен считать, что его внешность привлекла ее в большей степени, нежели его очевидные страдания. Он был крайне привлекательным мужчиной. Ребекка была очарована им с первых же минут знакомства. Женщины с его работы бесстыдно с ним флиртовали. Даже несмотря на то, что он не брился два дня и позволил слегка отрасти своим обычно аккуратно подстриженным волосам, шарм все еще был при нем.

— Все хорошо, — сказал он, не встречаясь с ней взглядом. — Все хорошо, спасибо. — Он потянулся, чтобы поднять свою сумку с покупками.

— Уверены?

— Да, спасибо, — сказал он, не поднимая глаз. Краем глаза он увидел, как она с неохотой отступает. Но его взгляд не отрывался от содержимого сумки. Там была яркая коробка с большой куклой Рэнди-Атласа внутри. В канун Рождества он положит ее под елку. В рождественское утро он развернет

подарок и поставит его на кровать Йена, покрытую простыней с Рэнди-Атласом.

Почему он не купил ее в тот день? Почему он не купил ее тогда, когда его сын мог подержать куклу в своих руках, даже если на следующее утро она и могла оказаться в куче с прочими отвергнутыми игрушками? В тот день они пообедали в торговом центре — двадцать мьюнитов. А на следующий день их высрали. Почему он не купил куклу раньше? После того раза он о ней позабыл, — теперь он полагал, что она на какое-то время исчезла из продажи. Ему следовало бы поискать ее в других местах, заказать ее. Он мог принести ее Йену в больницу. Вообще-то они приносили ему другие подарки. Но они позабыли об этой конкретной кукле, которую Деклан лишь сегодня увидел снова, когда сомнамбулически проходил по рядам магазина игрушек.

Он встал со скамьи и снова пошел. Без веса опирающейся на руку жены и веса сына в своей тележке он словно парил. Он чувствовал себя привидением, скитающимся по своему бывшему дому и не знающим — зачем. Но он представлял себе Йена, катящего рядом. Он даже говорил с ним про себя.

— Ух ты, — тихо пробормотал он, — ты только взгляни на это! — В центре главного зала был возведен миниатюрный замок Санты, и голографические эльфы без устали выполняли свои зацикленные обязанности. Какое-то время Деклан смотрел на них. Он представлял, что его рука покоится на безволосом деформированном черепе сына. Он не видел других детей, восторженно наблюдающих за представлением, — для него даже эльфы были более живыми.

Он прошел по всем тем местам торгового центра, которые больше всего любило его дитя. Он проглядел детский отдел в книжном магазине. Он смотрел на щенков в маленьких клетках и крошечных рыбок, мечущихся в аквариумах. Он мог услышать, как Йен восклицает: «Собачка!» Это наполняло сердце Деклана гордостью. Проходящие мимо люди могли подумать, что он умилялся собакам.

Это был ежедневный спиритический сеанс, а он был медиумом. Но он знал, что все ненастоящее.

В мужской комнате главного магазина он плеснул себе в лицо холодной водой, а затем поднял взгляд на длинную грязную видеопанель, которая продуманно переворачивала его отражение, чтобы он мог видеть себя так, как видят его другие. Он увидел там ненависть, но сомневался, что ее видят и остальные. Она укоренилась слишком глубоко для того, чтобы отражаться на плоти. Он ненавидел эту плоть за ее красоту. Ненавидел свои иссиня-черные волосы, ясные голубые глаза… Его возмущала

даже твердость своего рассудка. Он бы предпочел пространную невинность своего сына. Ему бы хотелось отказаться от своего здравого ума в пользу забытья.

Так же как слышал голос Йена в своей голове, он слышал и голос Ребекки — она тоже казалась ему мертвой. («Ты во всем этом винишь меня, — ее глаза даже краснее, чем обычно, — потому что я отказалась от аборта. Потому что я заставила их оставить ему жизнь…»)

Она не верила, что он чувствовал совсем иначе. Что он ненавидел не ее. Что он винил даже не Бога или науку, — его ненависть было не так просто сфокусировать. Как мог он сказать жене, с которой прожил десять лет, что никогда никого не любил так, как любил их прекрасного мальчика?

Звук из-за спины заставил его оторвать потерянный взгляд от собственных глаз. В туалет шумно вошли двое юнцов, и он, почувствовав себя неловко, стал спешно сушить руки. Стоя перед сушилкой, он мельком разглядел в видеопанели двух парней, расставив ноги стоящих перед писсуарами и громко перешучивающихся. Один брызнул мочой на штанину другого. Тот ответил тем же. Они гикали, лаялись, обменивались толчками. Моча орошала пол. Деклан направился к двери. В Панктауне было много крутых ребят, а он, в отличие от многих, никогда не носил оружие для защиты себя или своей семьи.

Подойдя к двери, он оглянулся, вероятно привлеченный крайне громким выкриком. Один из парней пытался застегнуть ширинку, но другой продолжал толкаться. Тот, что толкался, был повернут в профиль и носил черные волосы до плеч, разделенные пробором, а черты его лица были так привлекательны, что его почти можно было назвать красавцем. Полные губы широко разошлись, демонстрируя яркие зубы на загорелом лице.

Пару секунд Деклан медлил у порога.

Кто-то открыл дверь с другой стороны — старый мужчина-чум вошел в уборную. Его огромный рот был беззуб, поэтому казалось, что его голова наполовину вдавлена в себя. Деклан дернулся, но затем быстро проскользнул мимо и нырнул в магазин, пока двое друзей не обернулись и не увидели, как он на них таращится.

Когда юнцы, выйдя из мужской комнаты, прошли мимо, он притворился изучающим витрину с электроотвертками в секции скобяных товаров. Несколько секунд спустя он последовал за ними. Сумка с покупками билась о его ногу.

Он не упускал их ни на мгновение, следовал за ними из одной трубы в другую — слежка за дерьмом, перемещающимся по

канализации, думал он. Однако когда они зашли в музыкальный магазин, он остановился снаружи и принялся нерешительно топтаться на месте. Он наблюдал за ними через окна. Наконец беспомощно отвернулся и отправился за кофе к кофейне неподалеку… Присел на скамейке, чтобы отпить пару глотков.

Но все, что он мог, — это лишь думать о том, как они втроем бесчисленное количество раз сидели на этой самой скамье. Ребекка тоже с кофе, а Йен всегда с шоколадным пончиком… Глазурь размазана вокруг губ, которые были чуть ли не единственной его частью без изъянов.

Деклан встал, выбросил полный стакан кофе в мусорный ящик и направился обратно в главный магазин и его секцию скобяных товаров. Там он присматривался к отверткам и молоткам, ножам и горючим жидкостям. Наконец прошел в туристический отдел. Как же Йену могло понравиться играть в палатке, которую здесь установили…

Быстрым шагом пройдя там, где подобно духу слонялся каких-то полчаса назад, Деклан вернулся в музыкальный магазин. Парней там не было. Он почувствовал легкое облегчение и огромное разочарование. Направился к зоне забегаловок… Но ушел недалеко, увидев пару через окно в магазине модной одежды.

Деклан зашел туда. Хотя ничего из увиденного его не привлекло, он сделал одну покупку до того, как снова стать тенью двух парней. Скоро стало ясно, что на сегодня с них уже хватит шоппинга, и они направились к одному из выходов на парковочные этажи.

Два друга пренебрегли лифтом и решили спуститься в гараж по лестнице — лестничный колодец гремел от эха их топанья и громких голосов. Металлические ступени заканчивались на площадке и снова ныряли вниз в противоположном направлении. Ниже трепетал свет настенной лампы, напоминая яркого умирающего мотылька, пришпиленного к плиткам болезненного больнично-зеленого цвета.

На площадке Деклан остановился и полез в свои сумки. Затем тоже нырнул вниз. Его собственные шаги не лязгали и не отражались от стен, словно он был призраком.

Парни пересекли гараж, проскальзывая между плотно стоящими всевозможными транспортными средствами, отражающими перенасыщенную смесь культур Панктауна.

Их собственная машина оказалась сильно помятым и поцарапанным черным хаверкаром, так обильно украшенным черепами и прочей символикой мексиканского Дня Мертвых, что напоминала праздничный катафалк.

— Счастливого Рождества, — сказал Деклан, шедший в паре шагов за спиной длинноволосого юноши, повернувшегося на голос.

Деклан протянул руку, словно предлагая подарок. Хотя больше он напоминал колядующего в Хэллоуин, потому что на его голову была натянута покрытая блестками маска мексиканского борца.

Ярко-красная сигнальная ракетница предназначалась для туристов — на тот случай, если они потеряются. Он потерялся. В ее барабане было шесть камер. Подобно Рэнди-Атласу с его шлемом и пушками, Рэнди-Атласу, мстителю и защитнику невинных, он выпускал ракету за ракетой прямо в лицо красивого длинноволосого парня.

По мрачному низкому гаражу заплясали отбрасываемые пламенем тени. Парень с воем упал на соседнюю машину, его руки били по розовому плавящемуся аду его лица, напоминающего лицо разъяренного демона. Деклану показалось, что за почти жидкой прослойкой пламени он разглядел проваливающуюся в себя плоть. Ему было жаль, что глаза его, должно быть, расплавятся. Жаль, что они не смогут увидеть это лицо, когда оно наконец остынет. Потому что Деклан был уверен, что он останется жить. Наука об этом позаботится.

Ракетница щелкнула вхолостую. Деклан развернулся и побежал. Не прекращая визжать, красивый мальчик упал между двумя машинами. Из-под них пробивался его шипящий жар. Друг, тоже визжащий, также согнулся за одной из машин, хотя и остался невредимым.

На бегу — сумка с куклой Рэнди-Атласа все еще зажата под мышкой, тесно прижата к груди, будто спасенный младенец, — Деклан уже не видел пламени, отражающегося от множества машин, холодных и выстроенных рядами, словно гробы в склепе. Огонь уже не сверкал на блестках уродливой маски, натянутой на красивое лицо, как не сверкал и на слезах в глазах, что блестели в ее прорезях.

Обитель пустоты

Титус остановился пообедать и «Крабовой лачуге Дж.-Дж. Рэдхука». Скрученные массы этих «крабов», а скорее каких-то родственников чешуйниц в жемчужно-белых панцирях, размером с лобстера, ожидали своей очереди в сетчатых корзинах, опущенных в емкость с водой возле лачуги. Емкость была большим охладительным баком, когда-то использовавшимся на ныне прикрытом литейном заводе «Пластэк». А эти самые крабообразные, разводимые мистером Рэдхуком, считали мрачные глубины бака домом. А еще Рэдхук выращивал в бассейне что-то вроде вьющихся водорослей, которые в готовом виде имели консистенцию лапши и приятно солоноватый вкус. Титус съел миску этих водорослей и запил слабеньким элем. Теперь он покинул «Крабовую лачугу» с большим стаканом кофе.

Он стоял у огороженного периметра бывшего охладительного резервуара и прихлебывал свой кофе, испускавший в морозный воздух пар. Он был любителем хорошего кофе, но считал, что и у плохого кофе вроде этого тоже есть свое фастфудовое очарование. Конечно, такой напиток неприемлем в хорошем ресторане, однако самое то для карнавалов, лотков в парке, крабовых лачуг и тому подобного. Холодные, сонно плещущиеся воды большого бака тоже испускали пар, который клубился у ног Дж.-Дж. Рэдхука, чья голограмма проецировалась над бассейном. Белые лапшеподобные водоросли по большей части произрастали на дне, но здесь и там их спутанные узлы плавали на поверхности, напоминая волосы утопленниц. Красные стены и сияющие окна деревянной «Крабовой лачуги» были пятачком тепла в туманной, вздымающейся ввысь серости окружающего их Панктауна.

Титус испытывал к «Крабовой лачуге» и вполне профессиональный интерес. А громада завода «Пластэк», в чьей тени и притаилось, подобно маленькому красному паразиту, заведение Дж.-Дж. Рэдхука, была ему еще более любопытна. Он работал разведчиком владений в одной из ведущих компаний Пакстона по торговле недвижимостью. Пространство имело здесь огромную ценность, поскольку Панктауну уже некуда было разрастаться, кроме как ввысь и в глубину. Он выискивал проблемную или заброшенную собственность, проводил расследование, а затем и инициировал ее покупку. Там, где сгорел старый дом, строился новый, на месте разорившегося торгового центра возводился другой, а там, где когда-то была устаревшая фабрика, бурлившая жирной и потной жизнью, появлялся парковочный гараж для по-спартански бесчувственного

офисного здания.

Он взглянул на город, подпирающий небеса и подернутый дымкой, словно отдаленный горный хребет. Его реакция на рушащееся или разрушенное строение была удивительна даже для него самого. Он любил здания, любил архитектуру. Ему было больно видеть прекрасный театр чумов, построенный еще до земной колонизации и закрытый после ста пятидесяти лет существования. Но другая его часть оживлялась в предвкушении предоставляемой этим возможности. Зияющая пустыми окнами школа, по коридорам которой уже никогда не пробежит ребенок. Завод, на котором люди когда-то зарабатывали себе на жизнь, теперь выпотрошенный и ободранный, словно скелет кита. Эти картины нагоняли на Титуса меланхолию. На свете не может быть ничего более одинокого, чем заброшенное здание. Разве что чье-то заброшенное жилище.

И все же такие здания его и кормили. И когда он набредал на них, они заставляли его сердце биться быстрее и будили в нем яростного собственника, стремящегося наложить на них лапу до того, как это сделает кто-то другой. Он был охотником, скорбевшим по своим жертвам, но умеющим чертовски хорошо их выслеживать.

Но сегодня он был здесь не из-за здания «Пластэк», чьи забитые окна напоминали мириады ослепленных глаз. Он проверял — его судьба стояла на кону сложной судебной тяжбы. Его интересовало другое строение в этом же районе, и сейчас он направился к нему.

Он обнаружил это здание, через свой домашний компьютер арендовав на час коммерческий спутник и прочесав вторичный промышленный сектор Панктауна, в эти дни занятый по большей части офисами и складами. На получаемую со спутника картинку он накладывал различные шаблоны города, пытаясь установить, в чьей собственности находится строение. Согласно одной карте, оно вроде бы находилось на территории старой текстильной фабрики чумов, а другая показывала, что оно якобы является наружным зданием сталелитейного комплекса, принадлежащего выходцам с Земли. А если верить еще одному шаблону, то его там и вовсе не было. Все это вынудило Титуса запросить ранние спутниковые снимки района. Здание было на каждом из них, даже на тех, которые были сделаны многие десятилетия назад, и на всех них оно было одинаково загадочным. На одном снимке вроде бы можно было разглядеть рядом с ним парковку, заполненную машинами… Хотя она вполне могла относиться к сталелитейному комплексу… Его компьютер так и не смог идентифицировать это строение и навесить на него ярлык. Несмотря на его приличные

размеры, создавалось впечатление, что на протяжении многих лет роста и упадка оно пребывало в своего рода безмятежной анонимности.

Наконец он дошел до самых первых разведывательных снимков города чумов, впоследствии поглощенного Панктауном, снимков, сделанных в первые годы колонизации. И было похоже, что строение есть и на них, хотя, может, и нет. Оно выглядело знакомо, но в то же время иначе. Пока Титус просматривал различные фотографии, ему начало казаться, что с годами вид здания слегка или даже кардинально менялся. Различные владельцы, приспосабливающие его под собственные нужды, или же череда различных строений, выстраиваемых на одном и том же месте?

На самом первом снимке из завода или фабрики торчало с полдюжины огромных кирпичных труб, и вполне возможно, что именно густой дым из них придавал строению мутный, смазанный вид, словно его засняли в момент быстрого перемещения.

Но вот оно перед ним, и даже хотя он видел его лишь на снимках, сделанных с огромной высоты, и несмотря на то, что оно менялось с течением времени, он мгновенно узнал его. Оно вздымалось над маячащими невдалеке строениями сталелитейного комплекса. Его стены были выложены мозаикой красного кирпича, в затуманенном воздухе выглядевшей сырой. Окон было немного — по крайней мере, со стороны фасада. Некоторые были забиты, а некоторые просто угнетающе черны. Однако он отметил, что ни одно из них не было разбито — должно быть, это была прозрачная керамика, потому что Титус и вообразить не мог, что соседи не пытались над ними поработать. Из здания все еще торчало несколько труб, хотя и несравнимых с замковыми башнями, вздымавшимися здесь раньше, а один из его сегментов украшал изъеденный ржавчиной металлический купол, который, возможно, когда-то служил для хранения газа или какой-то жидкости, а может, был просто архитектурным излишеством. Могло ли в нем что-то храниться до сих пор? Могло ли это место до сих пор быть живым, функционирующим? С чего он вообще взял, что обнаруженное им здание заброшено? Ну да, большая часть заводов в этом секторе бездействует последние двадцать лет, и все же… Приблизившись к нему, он не обнаружил ничего, что могло бы поколебать его первое впечатление. Больше всего строение напоминало прекрасно сохранившийся корабль-призрак, по какой-то причине неожиданно поднявшийся со дна морского. Затонувший корабль, чье имя давно стерлось.

Обходя его вокруг на почтительном расстоянии, он пытался

найти способ проникнуть внутрь, если это вообще окажется возможным. Одна боковая металлическая дверь оказалась закрыта намертво. Поцарапанные, с отколупывающейся краской двери погрузочной платформы также были заперты. Он заметил, что на них белой краской нанесен через трафарет какой-то символ — или логотип компании, или буква неизвестного ему языка. С противоположной стороны здания он нашел еще одну дверь и взялся за ее ручку, не питая особых надежд. Неожиданно раздался щелчок. Она была не заперта.

Он помедлил. В грязном стекле он увидел собственное отражение. Привлекательные черты чернокожего мужчины сорока одного года от роду, чья все еще гладкая кожа имела глянцевитый каштановый оттенок. Скрывавшиеся за очками белки его глаз были цвета слоновой кости, напоминавшего о клавишах старого пианино. Он считал, что у него печальное лицо. Оно смотрело на него ожидающе, будто за дверью стоял другой мужчина, ждущий, когда он ее откроет и выпустит его.

Он не знал, совершит ли он незаконное проникновение, но в любом случае смог бы искренне оправдаться собственным неведением. Он лишь проводил разведку, верно? Ему и раньше приходилось проникать во множество заброшенных зданий. Он потянул дверь на себя, и она открылась, даже не скрипнув.

Но на пороге он снова помедлил. За ним царил сумрак, хотя через не закрытые ничем окна внутрь и проникал серый свет. Он вынул из кармана брюк свой фонарик… И конечно, он не забывал о пистолете, на который имел разрешение и который носил в плечевой кобуре, скрытой под пальто. Даже в самых безлюдных районах Панктауна было небезопасно. Заброшенные здания были привлекательным убежищем для большей части весьма значительной популяции городских бездомных, тем более если учитывать надвигающуюся зиму.

Еще в «Крабовой лачуге» он выспрашивал об интересующем его строении у мужчины за стойкой, который его обслуживал.

— Я вроде бы слышал, как кто-то однажды сказал, что там был керамический завод. Если это то здание, о котором я думаю, оно сейчас пустует. Один из наших ребятишек, собирающих водоросли, рассказывал мне, что как-то раз они с приятелями забрались внутрь и натолкнулись на мутанта, который там жил. На мутанта, а может, и на инопланетянина, — кто их разберет? Они рассказывали, что существо выглядело как черт, скрещенный с ночным кошмаром, и гналось за ними до самого выхода.

— Слышал я об этом месте, — вступил в разговор еще один парень из обслуживающего персонала. — Они вроде делали там химикаты… Для, эээ, фотографии. А живет там старичок, всего

один пожилой мужчина. Он, наверное, нацепил маску, а может, использовал голографический проектор или что-то в этом роде, чтобы выдворить оттуда эту шпану. Если это этот придурок Брэндон и его дружки, я бы и сам их выпер.

И вот теперь, стоя в дверном проеме, Титус не знал, высматривать ли ему престарелого бездомного или же какого-то опасного мутанта или пришельца. А может, пошутил он про себя, это был престарелый мутировавший пришелец. Логика подсказывала, что, скорее всего, здание служило приютом для множества потерянных душ. Что ж, ему и раньше приходилось иметь с ними дело — иногда даже применять силу. Он включил свой фонарик и шагнул внутрь.

Перед ним был открытый холл или что-то вроде внутреннего двора, проходящего через самый центр строения. Хотя его высокий потолок почти целиком скрывался во мраке, он явно был внутренней частью того самого купола, который он видел снаружи. Стены холла были тоже выложены из кирпича. С них глядели вниз сводчатые внутренние окна. Металлические мостики с перилами по бокам пересекали зал, соединяя одну сторону с другой на четырех уровнях, но поблизости не было видно ни лифта, ни лестниц. Пройдя через весь нижний этаж, Титус приблизился к металлической двери. Его темное отражение в ее узком окошке снова навело его на мысль о ком-то, стоящем по другую сторону и глядящем на него через стекло. Он посветил на окно и прогнал собственный призрак.

Как он и надеялся, за дверью оказалась лестница, и он начал подниматься. Если бы не фонарик, тьма в этом закрытом пространстве была бы непроглядной, и он вздохнул с облегчением, когда добрался до первой площадки и обнаружил, что она снова выводит его в холл с тусклыми заплатами солнечного света. Он ступил на первый из металлических мостиков, остановился посередине, чтобы допить свой кофе. Вместо того чтобы таскать с собой пустой стакан, он аккуратно поставил его сбоку мостика, а затем продолжил свой путь. Ему открылась еще одна дверь. Он оказался в длинном, выложенном кирпичом коридоре со сводчатым потолком, в паре шагов от двери лифта. Он все еще мог работать от аварийного источника питания, но Титус все же не рискнул им воспользоваться и пошел дальше по напоминающему туннель коридору, следуя за лучом своего фонаря.

Заглянув за одну из выходящих в коридор дверей, он обнаружил большой зал, заполненный темнеющими громадами сложного оборудования. Даже вплотную подойдя к одной из этих внушительных машин — осторожно, словно опасаясь, что та

внезапно пробудится к скрежещущей и лязгающей жизни, — он не рискнул судить об их предназначении. Пробежавшись лучом фонаря по кирпичным стенам, он обнаружил несколько чертежей, схем или диаграмм, однако так и не смог найти на них следы письменного языка, которые могли бы поведать о происхождении последних владельцев здания.

Проходя по второму этажу, а затем и поднявшись на третий, Титус все больше дивился относительной чистоте завода. Не было следов пожравшего его огня, не было разливов химикалий, приведших к его эвакуации (хотя физические катастрофы редко становились причиной смерти заводов, экономические били сильнее, чем длань Господня). Но что самое удивительное, не было никаких следов проживания здесь бездомных и прочих маргиналов. Ни покрывающих стены граффити, ни разбросанных бутылок из-под пива и вина, ни примет употребления наркотиков. Ни запаха мочи, ни мусора, ни грызунов или насекомых, которых неминуемо привлекли бы отходы подобного вторжения. Такое огромное строение должно просто кишеть стаями бродяг, государствами бездомных, конкурирующими в своего рода микрокосме.

Так что же их отгоняло? Нужно признать, что это место полнилось жутковатой, беспокоящей тишиной. Но обитателей Панктауна никогда не отличала мягкотелость. Здесь каждый готов был пустить в ход клыки и когти, носил ли он запачканные лохмотья или же безупречный костюм. Так что в этом месте могло так насторожить банду, подыскивающую себе просторное логово, или сборище злобных мутантов, что они оставили его нетронутым и пустующим? Может, здесь действительно произошла какая-то опасная утечка, относительно которой Титус пребывал в блаженном и, возможно, смертельном неведении? Или же здание было настолько безвестным, что все попросту не подозревали о его существовании?

Теперь он поднялся на четвертый этаж и помедлил на мостике, перекрывающем холл, чтобы взглянуть с него вниз с высоты всей этой кирпичной пропасти. По мягкому стуку о выходящие наружу окна и угасанию света Титус понял, что начался дождь.

Стоп. Он перегнулся через перила и вытянул шею — обозреть мостики, что находились под тем, на котором он сейчас стоял. Он оставил пустой стакан из-под кофе на первом из них. И сейчас его там не было.

Значит, он был не один. Он снова почувствовал тяжесть своего пистолета, вжатого в ребра. Так что это было? Маленький сморщенный старикашка? Или же демон, пышущий яростью?

Он продолжил свой путь по мостику, решив все же кратко осмотреть последний этаж перед тем, как отправиться восвояси и заняться подготовкой первого отчета. Он поправил свои соскальзывающие очки. Они записывали все, что он видел и слышал, так что он имел возможность вместе с отчетом представлять полную запись своего расследования.

Наконец он вошел в еще один просторный, хотя и с низким потолком зал, заполненный циклопических размеров оборудованием. Словно живые корни или дикие лозы, пучки кабелей змеились по стенам и потолку и исчезали во мраке. Вокруг было тихо как в могиле. Хотя нет, откуда-то раздавался едва слышный тикающий звук, который Титус, задержавший дыхание в попытке его распознать, поначалу принял за стук капель по окну. Но окна он не увидел. Может, насекомое, пробегающее по полу? Озираясь вокруг в поисках источника звука, он остановил взгляд на одной из машин. Подошел к ней поближе, осветив фонариком. Приблизившись к ней вплотную, он выключил свет. Потому что слабое свечение исходило из маленькой узкой щели в самой машине — бледное сияние откуда-то из глубины. Он осторожно прижался глазом к отверстию.

Какая-то вакуумная трубка, издающая мягкое зеленоватое свечение. А еще крошечный поршень, поднимающийся и опускающийся, издавая тот самый тикающий, напоминающий сверчка звук, что он слышал ранее. Вот и все. Это было словно найти последний уголек, догорающий на пожарище… Последние, предсмертные удары сердца динозавра.

Выпрямившись, он обратил свое внимание еще кое на что. Луч его вновь включенного фонарика отразился от задней стены. Пробираясь к ней мимо громад оборудования, он установил, что она сделана из стекла, окрашенного в темно-желтый цвет. Словно стена из янтаря.

Оно казалось очень толстым и было покрыто слоем пыли. Он протер его рукавом своего пальто, затем прижал к его поверхности фонарик и очки, жалея, что не захватил другие записывающие очки, позволявшие видеть в темноте. Была ли с противоположной стороны мутной стеклянной стены другая комната?

Внезапно он выключил свой фонарик и дернулся от стены прочь. Как только у задней стены небольшой комнатки его луч осветил изножье узкой койки, которая вполне могла бы предназначаться для узника, в камере начал разгораться тусклый свет. Он продолжал разгораться, через стекло отбрасывая желтый свет на Титуса и окружающее оборудование. Он сделал еще

несколько шагов назад.

И теперь фигура, которая, должно быть, все это время пребывала в камере, шагнула от кровати к стеклу. Рассеянный свет очерчивал на стекле ее силуэт. Ясно было лишь то, что это была обнаженная женщина, — было слишком темно, чтобы разглядеть ее лицо, но контуры ее тела были привлекательны. Фигура прижала к стеклу ладони своих вытянутых рук. Титус снова попятился. Похоже, теперь она собиралась прижаться к стеклу лицом… Чтобы взглянуть на него…

Необъяснимо для самого себя он развернулся и ринулся прочь. Его пальто зацепилось за одну из машин, и он порвал ткань, вырываясь из ее зубов.

Его шаги проклацали по одному мостику. По другому. На лестницах было слишком темно, и он чуть не оступился на одной из них и не разбился насмерть…

Вырвавшись наконец наружу, он обратил лицо к ливню, который будто бы опадал с поблескивающей кирпичной шкуры возвышающегося над ним здания.

В своей гостиной Титус обнаружил женщину, с комфортом устроившуюся на софе. На ней была уютная кофта на пару размеров больше, безупречные бедра облегали черные лосины, а ноги согревали носки. На полу в пределах ее досягаемости стояла кружка с кофе. Голова повернута к экрану ВТ. Она, похоже, не слышала, как он вошел, или же была слишком увлечена просматриваемой программой, чтобы отметить его присутствие. Хотя нет — ВТ был выключен. Экран, на который она так пристально смотрела, был пуст. Уходя, Титус забыл выключить не ВТ, а свой голографический проектор. Он коснулся панели управления, и привлекательная чернокожая женщина исчезла… Точно так же, как почти уже два года тому назад. Даже от ее кружки с кофе не осталось и следа.

Он заглянул в одну из двух спален, но нет — она была пуста. Призрака его сына там не было. Сейчас мальчик был на Земле. Титус оставил на стенах его постеры, а в углу все еще стояла маленькая кровать.

Перебросив свое разодранное и промокшее пальто через спинку стула, он сел за свой рабочий стол и вставил крошечную таблетку из записывающих очков в компьютерную систему. Его хранитель экрана демонстрировал старомодное ядро для сноса зданий, врезающееся в антропоморфный собор с мультяшной мордочкой, который вздрагивал, повизгивал и уменьшался с каждым дурашливо звучащим ударом. Затем начала проигрываться его запись, и он перемотал ее почти до конца.

Он останавливал запись несколько раз, просматривая ту ее часть, когда вглядывался в мягкое свечение из нутра машины. Может, дело было в плохом освещении, на которое он пытался делать поправку, работая с картинкой, но миниатюрный поршень не был отчетливо виден. Он выглядел как темная клякса или мутное пятно, словно двигался слишком быстро, чтобы за ним мог уследить человеческий глаз, хотя, насколько он помнил, все было не так.

Наконец он дошел до той части записи, где приблизился к стеклянной стене и заглянул за нее.

Он хотел приглядеться к темному лицу плененного призрака. Увеличить его. Осветлить картинку. Он заранее ужасался тому, что могло ему открыться, — тем глазам, что тогда смотрели на него.

Но он так ничего и не увидел. Те моменты, в которые он смотрел сквозь стекло, запись выдавала в ином свете. Стена так же светилась, однако это выглядело так, будто свечение исходило от самого материала. И казалось, что никакой комнаты там нет. Все, что он увидел, — это выделяющуюся на желтом сеть темных вен, которую можно было принять за трещины на поверхности. Но, увеличив изображение, он заметил, что самые толстые ответвления ее слегка пульсируют.

Ему на ум пришел богомол, притворяющийся цветком. Но этот образ, пожалуй, был слишком грубым. Тогда, может, мотылек, чьи крылья имитируют цвет и текстуру коры.

А еще он подумал о мертвых. И о том, что после них остается.

На следующее утро он не спешил со сборами на работу. Ему даже звонил его шеф, но отнесся к этому весьма по-дружески. Увидев, что Титус все еще в пижаме и халате, он посоветовал ему взять выходной, если он плохо себя чувствует.

— О, а что там с тем местом, к которому ты собирался приглядеться? — спросил его начальник перед тем, как отключиться. — Ты вообще вчера туда добрался?

— Это пустышка, — сказал тихо Титус, глядя на экран и гадая о том, что он пытался защитить или уберечь. — Там нет никакого здания.

Жертва

1: Скованные одной цепью

На этот уикэнд снова устроили снегопад. И так будет каждую неделю вплоть до самого Рождества. В рабочие дни недели с неба не упадет ни снежинки. Зачем препятствовать дорожному движению? Да и сегодня снега было не так много, чтобы он мог хоть как-то затруднить шоппинг. Наоборот, его было ровно столько, чтобы пробудить в покупателях праздничный дух, а с ним и стремление к трате своих денег.

Магниевый Джонс сидел, прислонившись к стене, у самой вершины Бака, машины, которая кому-то могла напомнить нефтяной танкер старых времен, поставленный на нос. Скорчившись среди труб и выпускных каналов, он напоминал детеныша горгульи. Отовсюду ввысь поднимался пар — жаркие выхлопы изнутри могли заживо сварить любого из Рожденных, как лобстера. Джонс был обнажен и прижимался плечом к решетке, закрывавшей жужжащий вентилятор. Когда ему удавалось раздобыть растворимый кофе или суп быстрого приготовления, он кипятил воду, ставя котелок на козырек над вентилятором. Одежды он не носил, чтобы ее не спалить.

Не все из Выращенных были невосприимчивы к жару — некоторые могли переносить жуткий холод. На шестой террасе заводского двора, выходившей на Бак, коротали свой перерыв несколько Выращенных. Некоторые из них были обнажены и с радостью обращали лица навстречу сыплющемуся снегу. Многих встревожило, что руководство Завода позволило Выращенным брать перерывы. Ведь таким образом предполагалось, что с ними следует считаться, даже заботиться о них.

Прищурившись, Джонс всматривался в снежную пелену. Он узнал кое-кого из рабочих. Хотя все они были лысыми и все были клонами какой-то жалкой полудюжины Рожденных, голову каждого украшала индивидуальная татуировка, что позволяло отличать их друг от друга. Обычно в рисунки были вплетены буквы и цифры — личные коды. У некоторых на лбу были выколоты их имена. Кроме того, татуировки были раскрашены в соответствии со специализацией — фиолетовая Доставка, серый Бак, голубая Криогеника, красные Печи и так далее. Татуировка Магниевого Джонса была красной. В татуировках был и какой-то художественный элемент. Они могли изображать символы, знаковые для Панктауна или же для Земли, с которой вела свой род большая часть его колонистов. Это могли быть животные, знаменитости, звезды спорта. Татуировка Магниевого Джонса представляла собой кольцо пламени, охватывающее его голову

подобно короне. Сквозь огонь проглядывали несколько черных букв и штрихкод, напоминая обугленный скелет сожженного дома.

Именовали Выращенных с той же выдумкой и юмором. Из стоящих на террасе он узнал Шерлока Джонса, Имитацию Джонса и Баскетбольного Джонса. Ему показалось, что он углядел Подсознательного Джонса, возвращающегося внутрь. Восковые Губы Джонс сидел на ограждении и болтал ногами над улицей далеко внизу. Джонс Джонс потягивал кофе. Черника Джонс вел приглушенную беседу с Цифровым Джонсом. Копирайт Джонс и Джонс Из Военной Разведки только что вышли из здания, чтобы присоединиться к остальным.

Наблюдая за ними, Магниевый Джонс скучал по тем временам, когда сам беседовал с некоторыми из них, скучал по единственному перерыву, которого приходилось ждать первые десять часов рабочего дня. Но скучал ли он по самим созданиям? Он чувствовал родство с прочими Выращенными, сопереживал их жизням, их ситуациям… Но это могло быть следствием того, что он видел в них себя, а потому и переживал он свою жизнь, свою ситуацию. Временами родство ощущалось как братство. А вот привязанность? Дружба? Любовь? Он не был уверен, что его чувства можно было определить такими словами. Может, и Рожденные чувствовали не сильнее, чем он, и попросту приукрашали и романтизировали свои собственные бледные чувства?

Но Джонс вовсе не был таким, как роботы, андроиды… Его ничуть не заботил вопрос о том, мог ли он считать себя живым, мог ли испытывать подлинные эмоции. Он чувствовал себя очень даже живым. И он испытывал очень даже сильные эмоции. Гнев. Ненависть. В отличие от любви эти чувства он и не думал ставить под сомнение.

Трясясь от холода, он отвернулся от снежной панорамы Завода и города за ним, чтобы с радостью вернуться в свое гнездо, наполненное гудящей жарой. Из украденного и затащенного им сюда жаростойкого ящика он достал кое-какую одежду. Кое-что из нее было огнеупорным, кое-что — нет. В подкладке у длинного черного пальто был зашит обогревающий контур. Джонс поднял воротник, чтобы защитить шею от снега. Вслед за пальто — поношенные перчатки. За ними — черная лыжная шапочка, натянутая на лысую голову, как для того, чтобы скрыть татуировку, так и для защиты голого скальпа от снега. Он уставился на свое запястье, желая, чтобы на нем появились цифры. Они показывали время. Эта способность была у всех Выращенных, принадлежавших Заводу, — она способствовала

эффективному распределению их рабочего времени. У него была назначена встреча, но опоздание ему не грозило.

Как бы сильно он ни презирал свою былую жизнь на Заводе, некоторые привычки въелись в него слишком глубоко, чтобы с ними расстаться. Магниевый Джонс всегда был пунктуален.

Выйдя на улицу, Джонс нацепил темные очки. В окрестностях Завода в нем легко могли опознать Выращенного. Все шесть человек, ставших источниками генетического материала, были мужчинами-Рожденными, преступниками, приговоренными к смерти (им заплатили за право клонировать их для промышленного труда). По существующим законам клонировать живых человеческих существ было запрещено. Клоны живых существ могли бы приравнять себя к своим оригиналам. А потому клоны живых существ могли решить, что обладают определенными правами.

Состоятельные люди хранили собственных клонов на случай внезапной смерти, клонировали свои семьи и своих друзей. Разумеется, нелегально. И об этом знали все. Джонс полагал, что и сам президент Завода может быть клоном. Но, несмотря на это, Выращенные продолжали быть Выращенными. Продолжали быть отдельным видом.

Из укрытия затемненных линз Джонс изучал лица людей, мимо которых проходил. Рожденные, предрождественский шоппинг. Но лица их говорили о полной замкнутости на себе. Чем теснее группировались Рожденные, тем отчужденнее становились друг для друга, испытывая отчаянную животную потребность в собственной территории. Даже если эта территория ограничивалась нахмуренными бровями и мрачным, упертым в землю взглядом.

Отдаленные ритмичные выкрики заставили его обернуться, хотя он уже знал их источник. У самого ограждения Завода всегда стояла лагерем какая-то группа бастующих. Палатки, дым от костров в бочках, транспаранты, трепещущие на снежном ветру. Одна из групп участвовала в голодной забастовке. Люди были истощены, словно узники концлагеря. Пару недель назад одна женщина совершила самосожжение. Тогда Джонс услышал крики и подобрался к краю своего высотного убежища, чтобы посмотреть. Его восхищало спокойствие женщины, сидевшей со скрещенными ногами в центре маленькой преисподней, — черного силуэта с уже обуглившейся головой. Восхищало то, что она не бегала вокруг и не вопила от боли, то, что она не запаниковала и не потеряла свою решимость. Он восторгался ее силой, ее самоотверженностью. Она пожертвовала собой ради

своих товарищей по человеческой расе, и это был акт, который доказывал, что в конечном итоге Рожденные испытывали большую сплоченность, нежели Выращенные. С другой стороны, их общество поощряло подобные чувства, в то время как Выращенных отучали от дружбы, товарищества, привязанностей.

Впрочем, женщина могла быть просто сумасшедшей.

Для того чтобы добраться до находившегося в подвале паба, Джонсу пришлось преодолеть узкий туннель со стенами из сочащегося влагой кирпича и полом из металлической решетки… Под ней слышалось журчание какой-то жидкости. По правую руку отсутствовала целая секция стены — ее место занимала мелкая проволочная сетка. За сеткой виднелась темная комната, из которой глазела на него, как из клетки, целая куча мутантов или инопланетян, а может, и мутировавших инопланетян. Их безмятежность напоминала безмятежность животных, ждущих, когда их накормят или наоборот — подадут к столу (а так оно могло и быть). Они были такими высокими, что их головы скребли потолок. По худобе они не уступали скелетам, а их испещренные трещинами лица выглядели так, словно их разбили, а затем склеили вновь. Волосы их напоминали раздувающиеся на ветру нити паутины, хотя Джонсу казалось, что здешний густой и влажный воздух свивается вокруг его ног.

Биение музыки нарастало до тех пор, пока он не распахнул металлическую дверь и оно не взорвалось ему в лицо, словно мина на растяжке. Сгорбленные спины у стойки бара, на бильярдном столе — тучная обнаженная женщина, медленно вращающая бедрами в танце. Джонс кинул лишь взгляд на ее огромные груди, кружащиеся в задымленном полумраке, словно планеты, — Выращенные Завода не имели сексуальных желаний, среди них даже не было женщин.

За угловым столиком сидел молодой мужчина с огненно-рыжими волосами — такой цвет от природы встречается нечасто. Он улыбнулся и слегка взмахнул рукой. Джонс направился к нему, на ходу снимая очки. Он посмотрел на руки мужчины, лежащие на столе, — может, он прятал пистолет под газетой?

Волосы человека были длинными и жирными, а борода — грязной и неаккуратной, но у него были приятные черты лица и дружелюбный голос.

— Рад, что ты решился прийти. Я — Нэвин Парр. — Они пожали друг другу руки. — Присаживайся. Выпьешь?

— Кофе.

Мужчина помахал официантке, и она принесла им два кофе. Рожденный тоже не стал притуплять свои чувства алкоголем,

отметил про себя Джонс.

— Так как ты познакомился с моим другом Мудрингом? — спросил Рожденный, поднимая свою надтреснутую кружку, чтобы сделать осторожный глоток.

— На улице. Он дал мне денег на еду в обмен на небольшую услугу.

— И теперь ты иногда таскаешь для него наркоту. А иногда хранишь у себя пару-другую паленых пушек.

Насупив брови, Джонс уставился на свои руки в перчатках, сплетенные, словно спаривающиеся тарантулы.

— Я разочарован. Я полагал, что Мудринг будет более сдержан в своих словах.

— Пожалуйста, не злись на него. Я же тебе сказал — мы старые приятели. Ладно, в общем… Мне называть тебя мистер Джонс? — Парр широко улыбнулся. — Магниевый? Или просто Маг?

— Все эти имена одинаково бессмысленны.

— Ну, мне раньше как-то не приходилось общаться с Выращенными.

— Мы предпочитаем «тень».

— Замечательно. Мистер Тень. Так сколько тебе?

— Пять.

— Для пятилетнего ты очень даже смышленый.

— Дело в длинноцепочечных молекулах закодированной памяти, вживленных в мозг. Я знал свою работу еще до того, как выбрался из бака.

— Разумеется. Значит, пять? Это, кажется, тот самый возраст, в котором вас замещают, верно? Говорят, в этом возрасте вы начинаете наглеть… Выходить из-под контроля. Ты ведь поэтому и сбежал с Завода, так ведь? Ты знал, что твое время на исходе.

— Да. Я знал, что меня ждет. За два дня из моей бригады убрали девять Выращенных. Все они были моими ровесниками. Надзиратель сказал мне, чтобы я не беспокоился, но я знал…

— Выбрасывают подпорченное мясо. Заменяют его свежим. Их ведь убивают, верно? Старых Выращенных. Их сжигают.

— Да.

— Я слышал, при побеге ты убил двоих. Двоих настоящих людей.

— Мудринг очень разговорчив.

— Дело не только в нем. Ты убил двух человек. Я слышал, тебя ищут. Называют тебя «горячей головой» из-за твоей тату. Можно на нее поглядеть?

— Не слишком-то разумно делать это на людях, верно?

— Ты тут не единственный беглый клон, но ты прав — наше

дело требует осмотрительности. Просто я люблю татуировки — у меня и у самого есть. Видишь? — Он закатал рукав, обнажив темную массу, которую Джонс удостоил лишь беглым взглядом. — Я слышал, что они как следует отрываются на ваших тату. Должно быть, кому-то это в кайф.

— Татуировками занимаются роботы. Они просто получают доступ к файлам со стандартными рисунками. В большинстве случаев они не имеют никакого отношения к нашим функциям или избранным для нас именам. Они служат исключительно для нашей идентификации и, возможно, для развлечения наших коллег-людей. Полагаю, это радует их глаз.

— Им не удается тебя изловить, но ты все еще живешь в этом районе, поблизости от Завода. Ты, должно быть, умеешь быть незаметным. Это полезное качество. Так где ты ночуешь?

— Это тебя не касается. Когда я тебе понадоблюсь, оставь сообщение Мудрингу. При нашей встрече он мне его передаст. Мудрингу тоже ни к чему знать, где я живу.

— Мудринг — он твой друг, или это просто бизнес?

— У меня нет друзей.

— Паршиво. Думаю, ты и я могли бы стать друзьями.

— Ты же не имеешь понятия о том, что это для меня значит. Так почему ты выбрал меня? Из-за того, что я Выращенный? А если и так, то по какой причине?

— Повторюсь… Из-за того что ты убил двоих людей при побеге с Завода. Я знаю, что ты сможешь убить еще раз, если дать тебе верный стимул.

— Рад, что мы до этого добрались. И каков мой стимул?

— Пятьсот мьюнитов.

— За убийство? Что-то дешево.

— Только не для Выращенного, за свою жизнь не заработавшего ни монеты. Не для Выращенного, живущего на улице.

— Так кого мне нужно убить?

— А это еще один твой стимул, — сказал Нэвин Парр, снова улыбнувшись. Джонс подумал, что он делал это слишком часто. Сам он редко улыбался. Джонс слышал, что привычка улыбаться — одна из черт, доставшихся Рожденным по наследству от своих животных предков, — изначально улыбка служила угрожающим оскалом. Эта идея его забавляла, заставляла его чувствовать себя следующим звеном эволюции, ведь он нечасто искажал свое лицо на звериный манер. После напряженной паузы, заполненной его улыбкой, Парр продолжил: — Человек, о котором идет речь, — Эфраим Майда.

Джонс воздел свои безволосые брови, хмыкнул и помешал

кофе.

— Он профсоюзный лидер. Хорошо охраняемый. К тому же он станет мучеником.

— Не заботься о последствиях. Он — проблема для людей, на которых я работаю, и она серьезнее, чем проблема, которой станет его смерть.

Внезапно на Джонса снизошло прозрение, и он поднял глаза. Он с трудом удержался от того, чтобы потянуться в карман за пистолетом, купленным у Мудринга.

— Ты работаешь на Завод! — прошипел он.

Парр ухмыльнулся:

— Я работаю на себя. А кто меня нанял — неважно.

Джонс взял себя в руки, но сердце его все еще пыталось выскочить из груди.

— Профсоюз дружен с синдикатом.

— Люди, на которых я работаю, справятся с синдикатом. Маг, эти забастовщики ненавидят вас… Теней. За оградой Завода они линчевали с дюжину ваших. Если бы они добились своего, все Выращенные до единого завтра же отправились бы в печь. Я слышал, тебе и самому досталось от группы, пробравшейся на Завод. — Парр примолк. Лицо его светилось осведомленностью. Его ложечка позванивала в кружке, создавая водоворот. — Они вломились внутрь. Принялись крушить оборудование. Убили несколько ваших. От нашего общего друга я слышал, что они нашли тебя у душа голого и порезали… Жутко.

— Это не отразилось на моей работе, — пробормотал Джонс, не глядя человеку в глаза. — Не помню, чтобы я когда-нибудь использовал эту штуку, кроме как для того, чтобы мочиться… Так что теперь я писаю, как женщина-Рожденная.

— Значит, это совсем тебя не беспокоит? Не беспокоит, что Майда подбивает своих подонков на акции вроде этой?

Они были обозлены. Джонс мог это понять. Если и было что-нибудь, что заставляло его чувствовать родство с Рожденными, так это гнев. И в то же время груз их негодования… их отвращения… их открытой и яростной ненависти… был тяжкой ношей. Они причинили ему боль. Он никогда не причинял Рожденному преднамеренного вреда. Заменить Выращенными половину работников было инициативой Завода (большее число замещенных стало бы нарушением трудового законодательства, хотя консервативный кандидат на пост премьер-министра боролся за то, чтобы компаниям не приходилось гарантировать хоть какое-то количество не-клонов, — свободу предпринимательства нельзя попирать, вещал он). Так почему бы забастовщикам не убить президента Завода? Почему бы им не

вздернуть его вместе со свитой в тени Бака? Неужели они не понимали, что хотя Джонс и занимал место какого-то работяги, чьей семье теперь приходилось голодать, он был такой же жертвой, как и они?

Этот человек работал на его врагов. Конечно, он и сам недавно на них работал. И все же, мог ли он доверять этому человеку как своему сообщнику? Нет. Но он мог иметь дело с людьми, которым не доверял. Он и к Мудрингу не стал бы поворачиваться спиной, но ему нужно было как-то зарабатывать на пропитание. Пять сотен мьюнитов. До побега с Завода он не заработал и монеты, а после — не заработал и монеты законным путем.

Он мог уехать. Туда, где тепло. Свести свою татуировку. Может, даже восстановить свой бесполезный признак «мужественности».

Парр продолжил:

— И третий стимул. Ты вовсе не глуп, поэтому я признаюсь. Люди, которые меня наняли… Ты тоже на них работал. Если ты откажешься — что ж… Как я и говорил, они с радостью наложат на тебя руки после того, что ты сделал с теми людьми.

Медленно и неторопливо Джонс поднял глаза, уставившись на собеседника из-под выступающих надбровных дуг. Он улыбнулся. И эта улыбка была оскалом.

— Пока все шло хорошо, Нэвин. Не порть нашу беседу лишними стимулами. Я помогу тебе убить этого человека.

— Прости. — Снова улыбка. — Просто они хотят, чтобы это произошло как можно скорее, а я не хочу начинать поиски партнера с нуля.

— Так зачем тебе нужен партнер?

— Сейчас расскажу…

2: Потерянные души

Со своего насеста на вершине Бака Джонс наблюдал за тем, как на Панктаун опускается ночь. Снегопад прекратился, только отдельные хлопья изредка пролетали мимо. Город за Заводом сиял цветными огнями, да и сам Завод мигал то с одной, то с другой стороны. Правда, в этом мигании не было никакой праздности. Изредка яркой фиолетовой вспышкой озарялся прозрачный купол секции доставки — значит, еще одна партия продукции телепортировалась в другую точку Оазиса, а может, и на другую планету. Возможно, этой бригаде предстояло вкалывать на руднике одного из астероидов. Или сооружать орбитальную космическую станцию. Или строить новую колонию, новый Панктаун, на одном из только что открытых, еще не изнасилованных миров.

Он наблюдал за тем, как из погрузочных доков выкатывается грузовик с кузовом, закрытым брезентом, и направляется к восточным воротам. Он напоминал одну из тех военных машин, в которых транспортируют пехоту. Это была доставка более локального характера. Джонс вообразил себе содержимое грузовика: произведенные товары, сидящие по обе стороны и глядящие друг на друга пустыми взглядами. Еще не татуированные, не поименованные Выращенные. Возможно, компания, которой они предназначались, не практиковала использование татуировок и декоративных имен — издевательских имен, по мнению Джонса, — для идентификации работников-клонов. Джонсу было любопытно, что творилось в их головах во время поездки. И творилось ли хоть что-нибудь? Они еще не были запрограммированы в соответствии со своим родом занятий. Когда-то его работа заключалась в том, чтобы выпекать таких вот големов, и, в отличие от них, он родился уже готовым к выполнению своих обязанностей. Они же были невинны в своей безмозглости, и безмозглость была их преимуществом, думал Джонс, наблюдая за тем, как грузовик растворяется в ночи. Он и сам все еще был дитя, но его невинность была загублена: месяцы, прошедшие со времени побега, вместили в себя компактную жизнь. Может, в первые дни после рождения ему действительно жилось лучше? Еще до того, как он познал недовольство… До того, как познал гнев… Обретенная гордость мешала ему признаться самому себе, что временами он чувствовал себя мальчиком, желавшим снова стать деревянной марионеткой.

Он прислушался к тому, как Бак булькает своими амниотическими растворами, вообразил себе картину множества

безмозглых зародышей, спящих без всяких снов в башне-утробе, ставшей и его убежищем. Да, близилось Рождество. Джонс подумал о происхождении этого праздника, о непорочном зачатии женщины-Рожденной по имени Мария, и на лице его проступила злая ухмылка.

Он поднял запястье и смотрел на него до тех пор, пока на нем не материализовались, подобно еще одной тату, светящиеся цифры. Пора идти — он терпеть не мог опаздывать.

Чтобы Парр не догадался, насколько близко Джонс живет к Заводу, он сказал Нэвину, чтобы тот подобрал его у площади Пьютер. Чтобы туда добраться, Джонсу надо было пересечь эстакаду на Обсидиан-стрит. Это был слегка выгнутый мост, спроектированный рамонами и построенный из невероятно крепкого рамонского дерева, когда-то выкрашенного в глянцево-черный цвет. Сейчас лак был весь в пятнах и потрескался, покрылся пылью и граффити. Разнообразные средства передвижения проносились в обоих направлениях, заполняя крытый мост ревущим шумом. Пешеходная дорожка была отделена от движения хрупким ограждением, отсутствующие секции которого были заплатаны проволочной решеткой. В полостях деревянного скелета моста гнездились бездомные. Большинство обитало в искусно возведенных паразитных структурах, сооруженных из картона, досок, листов металла, пластика или керамики. Пешеходная дорожка оказалась зажата между ограждением с одной стороны и этим крошечным городком — с другой. Некоторые из его обитателей продавали прохожим кофе или газеты, а некоторые заманивали их за свои мятые пластиковые занавески или отсыревшие картонные ширмы, чтобы предложить наркотики или секс.

Джонс знал одно из этих скрывающихся в тени существ — при его приближении оно выглянуло из своего убежища, словно ждало его. Его маленький домик был одним из самых искусных. На редкий случай массового выселения он придал своему жилищу подобие части конструкции моста, соорудив его из дерева и выкрасив в глянцево-черный цвет. У этой лачуги даже были фальшивые окна, в действительности являвшиеся пыльными зеркалами. Подойдя ближе, Джонс увидел в них многократное отражение собственного мрачного лица и черной лыжной шапочки, скрывающей татуировку.

Крошечная фигурка двигала своими паукообразными конечностями словно в замедленной съемке, но голова ее беспрерывно дергалась и периодически моталась из стороны в сторону с такой дикой скоростью, что черты лица расплывались.

Когда движение приостанавливалось, становилось ясно, что они представляют собой маленькие черные дырочки в огромной безволосой голове (в два раза крупнее головы Джонса), почти идеально круглой и имевшей текстуру пемзы. Никто, кроме Джонса, не знал, что это был не обычный мутант, а Выращенный, которого забраковали на Заводе. Живое недоразумение, каким-то образом избежавшее сожжения и нашедшее свою свободу. Кто бы мог подумать, что они были клонами одного и того же Рожденного? Однажды дефективный остановил Джонса и завязал с ним беседу. Джонса выдали его безволосые брови. Теперь, выходя на улицу без темных очков, он натягивал свою шапочку до самых глаз.

— Куда это мы направляемся в такой час? — протрещало несчастное создание, называвшее себя Эдгаром Аланом Джонсом. Магниевый Джонс не понимал, как тени могло прийти в голову добровольно поименовать себя таким дурацким именем. Хотя порой он удивлялся, почему до сих пор не придумал новое имя для себя самого.

— Покой нам только снится, — пробурчал он, остановившись напротив лакированного кукольного домика. Оттуда доносился свист закипающего чайника и звучала приглушенная музыка, создававшая впечатление, будто кто-то с нечеловеческой скоростью играл на детском игрушечном пианино.

— До Рождества осталось всего три дня, — сказал бракованный клон, разверзнув щель беззубой улыбки. — Ты придешь меня повидать? Можем послушать вместе радио. Перекинуться в картишки. Я тебе чай приготовлю.

Джонс заглянул в миниатюрный домик. Могли ли они оба там поместиться? Идея навевала клаустрофобию. Кроме того, это было на его вкус слишком интимно. И все же он чувствовал себя польщенным и не мог заставить себя отказать ему напрямую. Вместо этого он сказал:

— В этот день я могу и не оказаться поблизости… А если окажусь… Посмотрим.

— Ты никогда не был внутри… Почему бы тебе не зайти сейчас? Я могу…

— Сейчас не могу, прости — у меня… кое-какие дела.

Шар головы задергался, неожиданно замер, улыбка передернулась в гримасу.

— Этот твой дружок Мудринг доведет тебя до могилы.

— Он мне не друг, — сказал Джонс и пошел прочь.

— Не забудь о Рождестве! — прокаркало существо.

Джонс кивнул через плечо, но не замедлил шаг. Он чувствовал себя странным образом виноватым из-за того, что не

зашел внутрь на чашку чая. В конце концов, до встречи была еще куча времени.

— Когда-нибудь доводилось бывать в машине? — спросил с улыбкой Парр, выруливая с обочины в мерцающий темный поток ночного движения.

— В такси, — пробурчал Джонс, одеревенев, как манекен.

— Майда живет в Висячих Садах — это в нескольких кварталах от Бомонд-стрит. В отличие от своих людей ему не приходится голодать: с забастовок он возвращается в свою чудесную квартирку. Это все деньги синдиката.

— Ммм.

— Эй, — Парр оглянулся на него, — не нервничай. Просто думай о своих репликах. Ты станешь звездой ВТ, дружище… Знаменитостью.

3: Резной воин

Парр высадил Джонса, и его машина исчезла за углом. Как ему и было сказано, Джонс направился к противоположной стороне заваленного сугробами двора. Под ботинками скрипело так, словно он топтал пенопласт. Он проскользнул между двумя многоквартирными блоками и воспользовался пожарной лестницей следующего здания. Дверь для него уже была открыта. Парр поманил его внутрь и позволил двери захлопнуться за ним. Джонс услышал, как она защелкивается на замок. Он не стал спрашивать Парра о том, как тот прошел через вестибюль.

Вместе они направились в сумрак лежащего перед ними коридора. Их шаги смягчал ковер с узором из оранжевых и фиолетовых ромбиков. Окружавшие их стены и двери были девственно белыми. Это место напомнило Джонсу те зоны Завода, что были почище, — например, пару раз виденные административные уровни. Он прислушивался к скрипу, издаваемому кожаной курткой его партнера. Оба они были в перчатках, а на Джонсе все еще была его лыжная шапочка. К тому же вокруг его шеи был обернут шарф, защищавший от адского холода, к которому он никак не мог привыкнуть.

Лифт поднял их на шестой этаж. После этого они бок о бок направились к двери в самом конце коридора. Парр без долгих раздумий постучал, а затем взглянул на своего компаньона.

Джонс наконец стянул свою шапочку и затолкал ее в карман. Его безволосая макушка мягко отсвечивала в тусклом свете коридора. Огненный венец, наколотый на его коже, пылал темным пламенем. Он спрятал обе руки за спину.

— Кто это? — раздалось через интерком. Над дверью располагалась малюсенькая, не больше муравьиного усика, камера, которая в данный момент наверняка была направлена на них.

— Полиция, сэр. — Голос Пара прозвучал на удивление серьезно. И его черная униформа тоже вполне соответствовала избранной роли — кожаная куртка, жукоподобный шлем, оружие в кобуре. Он состриг свою шевелюру до ежика, а от обильной лицевой растительности осталась лишь аккуратная бородка. Он держал Джонса за локоть. — Можно вас на пару слов?

— В чем, собственно, дело?

— Ваш сосед по коридору сообщил нам о подозрительной личности, и мы обнаружили этого Выращенного, шныряющего по округе. Он заявляет, что не беглец и является собственностью Эфраима Майды.

— У мистера Майды во владении нет никаких Выращенных.

— Могу я побеседовать с самим мистером Майдой? — Парр раздраженно вздохнул.

Из интеркома раздался новый голос.

— Я знаю эту мразь! — прогремел он. — Он сбежал с Завода, убив при побеге двоих!

— Что? Вы в этом уверены?

— Да! Он работал с Печами. Об этом рассказывали в новостях!

— Могу я поговорить с вами во плоти, мистер Майда?

— Я не хочу, чтобы этот обезумевший убийца переступал порог моего жилища!

— Сэр, он в наручниках. Послушайте, мне нужно составить протокол… То, что вы его опознали, очень ценно для нас.

— Черт с вами. Но вам лучше не спускать с него глаз…

Джонс услышал, как клацнул замок. С другой стороны повернули дверную ручку, и, как только дверь открылась, он первым прошел внутрь, запустив правую руку в карман своего пальто. Внутри были двое, и лица их приобрели идентичные выражения шока и ужаса, как только он выдернул из кобуры маленький серебристый кирпичик пистолета и выбросил руку в их направлении. Один из мужчин был крашеным блондином, у другого были темные волосы. Джонс выстрелил блондину в лицо. Аккуратная третья ноздря появилась между двумя, данными ему от рожденья, а вот светловолосый затылок разлетелся к чертям собачьим. Брюнет в недоумении поглядел на забрызгавшую его кровь. Звук выстрела был тих, как кашель ребенка. Блондин почти с изяществом осел на пол. Джонс, а затем и Парр ступили на ворсистый белый ковер, и Парр запер за ними дверь.

— Кто вы такие? — завопил Майда, пятясь к стене с поднятыми руками.

— В гостиную, — прорычал Джонс, помахивая пушкой. Майда кинул взгляд за его плечо и бочком двинулся вдоль стены, пока не дошел до порога и не попятился в просторы шикарной гостиной, из окна которой открывался вид на заснеженный двор Висячих Садов. Парр подошел к окну и затемнил его до полной черноты.

— Послушайте, я дам вам денег… — начал Майда.

— Ты ведь меня помнишь, верно? — прошипел Джонс, наводя ствол на промежность тучного Рожденного. — Ты меня кастрировал, помнишь?

— Это не я! Это те свихнувшиеся забастовщики, пробравшиеся в тот раз на Завод… Это не моих рук дело!

— А как ты об этом узнал? Они тебе рассказали. Чудесная

вышла шутка, правда?

— Чего ты хочешь? Бери все, что пожелаешь! — Взгляд лидера профсоюза испуганно перескочил на Парра, вытаскивающего из кармана своей куртки что-то странное. То, что выглядело как три оружейных ствола, оказалось в разложенном виде штативом. Наверх Парр водрузил крошечную видкамеру. Загорелся зеленый огонек, означавший, что съемка началась. Парр остался за камерой, и Майда перевел глаза обратно на Джонса, ожидая его слов.

Джонс помедлил. То, что он должен был сказать, было отрепетировано не раз, но строки путались у него в голове, слова были расколоты на кусочки тем тихим выстрелом, который убил блондина. Он убил человека… Уже в третий раз. Это получилось естественно, словно было одним из навыков, вживленных в мозг. Это был основной звериный инстинкт — инстинкт выживания. Так почему же после он ощущал такое… замешательство?

Его взгляд пробежался по комнате. В таких местах ему бывать не приходилось. Столы, сработанные из какого-то блестящего зеленого камня. Белые диваны и кресла, покрытые серебристой вышивкой. Бар, голотанк. На стенах со вкусом развешаны картины. Несколько столиков, полок и пьедесталов занимали небольшие рамонские скульптурки, вырезанные из переливчатого белого кристалла. Они изображали животных, а одна из них представляла собой воина-рамона и была выполнена с невероятной для этого материала детализацией. Было проработано все — от его, напоминающей львиную, головы до копья, приготовленного к бою. Каждая из фигурок, должно быть, стоила состояние. А у Завода стояли лагерем люди, истощившие себя голодной забастовкой. Были и те, кто истощал себя не по своей воле. Джонсу вспомнилась та женщина, сидящая в своем саване из пламени.

Его замешательство развеялось. Горящий взор снова обратился к перепуганному Рожденному. Гнев в его голосе был неподделен, хотя слова принадлежали и не ему.

— Мистер Майда, я здесь затем, чтобы зафиксировать начало восстания, зафиксировать первый удар, нанесенный в грядущей войне. И эта война не закончится до тех пор, пока мы, клоны, не получим все те права, которыми обладаете вы, рожденные естественным способом.

Ранее он пришел к выводу, что это было умным ходом. Завод избавится от торчащего в своей львиной лапе шипа, и в то же время ни полиция, ни синдикат и не подумают возложить ответственность на него. Нет, Майда окажется убит опасным беглым Выращенным — фанатиком, живущим иллюзией. И все же

Джонс задумывался над тем, не настроит ли это работающих на Заводе Рожденных, бастующих безработных, да и большую часть общественности вообще, против Выращенных, против их повсеместного использования? Не станет ли это угрозой самому существованию Завода? Но, конечно, они понимали ситуацию лучше, чем он. В конце концов, он был всего лишь Выращенным… Все его знания были либо привиты ему еще до рождения, либо почерпнуты им из разговоров, которые вели между собой рабочие-Рожденные, и из радиопередач, которые они слушали. Затем его обучала улица. А эти люди сидели за длинными лакированными столами и принимали масштабные решения. Это было неподвластно его уму. Все его мысли вертелись лишь вокруг пятисот мьюнитов… И Парр заплатил ему половину, когда он сегодня забрался к нему в машину.

— Эй, — пролепетал Майда, — о чем это ты… Я же… Пожалуйста! Послушай…

— Мы хотим жить так, как живешь ты, — продолжал Джонс, скатившись в импровизацию, потому что остальные слова проскользнули сквозь пальцы его разума. Он думал о своем адском гнездышке и о крошечной черной лачуге Эдгара. — Мы хотим…

— Эй! Не двигаться! — услышал он крик Парра.

Джонс резко оглянулся. Что за чертовщина? Неужели из другой комнаты появился еще один телохранитель? Они должны были проверить сперва все комнаты, они должны были…

Парр наставил свой пистолет полицейского образца на Джонса, а вовсе не на новое действующее лицо, и до того, как Джонс успел поднять свой ствол, Парр сделал пять быстрых выстрелов. Дуло вспыхнуло тихой молнией, и эта молния свалила Джонса на пол. Он почувствовал, как что-то обжигающее чиркнуло по его шее, но обернутый вокруг нее шарф сделал ранение несмертельным. Бешеная лошадь лягнула его в ключицу, а три оставшиеся пули кучно вошли в левую верхнюю часть груди. Его развернуло, и он животом рухнул на белый ковер. В ужасающей близости от себя он увидел капли собственной крови, напоминающие шарики росы. Прекрасные алые капли, прицепившиеся к белым ворсинкам ковра, словно крошечные рубины. В этом месте даже насилие было гламурным.

К нему подскочил Майда и пинком выбил из его руки маленький серебристый пистолет. Внутренности Джонса сводило спазмами, но судороги не коснулись его мышц. Он чуть приоткрыл веки и через перекрещенные ресницы увидел, что Парр тоже направляется к нему. На какую-то секунду ему показалось, что это был другой человек. Расстреляв его за

пределами видимости камеры, Парр скинул полицейскую униформу и переоделся в обычную одежду.

— Мне послышался здесь чужой голос, мистер Майда! — бурлил эмоциями Парр, задыхаясь от волнения. — Я задремал в другой комнате… Это моя вина! Вы в порядке?

— Слава богу, да. Он убил Бретта!

— Как он сюда пробрался?

— Не знаю… Бретт пошел открывать дверь, и следующее, что я помню…

Лишь теперь Джонс осознал, что Парр работал не на Завод. Бедный глупый Выращенный! Он проклинал себя. Улица ничему его не научила. Он был ребенком. Ему было всего пять лет…

Парр работал на Эфраима Майду — лидера профсоюза, друга синдиката. Того самого Майду, чьи верные последователи убивали себя и других, борясь за свою работу, за свои хлеб и крышу над головой. А он тем временем наживался на их голоде, их злобе и страхе.

И запись. Запись, на которой клон-убийца напал на народного героя, но был вовремя остановлен верным телохранителем (в то время как другой верный телохранитель, несчастный Бретт, был принесен в жертву). И этот клон, по собственному заявлению, был предвестником намного более серьезной угрозы. Запись, которая объединит общественность против Выращенных, приведет к ликвидации клонированных рабочих… Приведет к их массовому сожжению…

Он предвидел такое развитие ситуации. Но позволил деньгам ослепить себя. А пули привели его в чувство.

— Вызывай полицию! — сказал Майда, работая на камеру. Его голос дрожал, хотя все это время он знал, что ему ничто не угрожает.

Через ресницы Джонс увидел, как Парр нагибается, чтобы поднять его серебристый пистолет.

Левая рука Джонса оказалась под ним. Он дотянулся до кармана и, перекатившись на бок, рванул из него вторую пушку, глянцево-черную; пушку, о которой Парр не знал. И как только он поднял свое испуганное лицо, Джонс принялся разряжать в него обойму со всей возможной скоростью, на которую был способен его палец. Парр комично сел на зад, и каждый следующий выстрел заставлял его подпрыгивать, словно ребенка на коленке у отца. Когда Джонс наконец прекратил стрельбу, Парр завалился вперед, на собственные колени. Его лицо было черным от дырок и крови.

Джонс сел, и сверхновая агонии родилась у него в груди, а когда он увидел Майду, рванувшего к двери, сверхновая

раскаленного газа взорвалась у него перед глазами. Он попал Рожденному в правую ягодицу, и тот рухнул лицом на пол, вопя, словно истеричный ребенок, напуганный кошмаром.

Джонс с трудом встал на ноги, пошатнулся, но снова обрел равновесие. Майда на пузе полз к двери. Джонс не спеша подошел к нему и навел свой маленький черный пистолет. Майда перекатился на спину и завопил, но пули забили вопль обратно в глотку. Джонс вышиб ему оба глаза, затем пули раскрошили его нос и раздробили зубы. То, что осталось от его физиономии, напомнило Джонсу Эдгара с его черными дырочками, заменяющими черты лица.

Пистолет щелкнул пустой обоймой. Он позволил ему выпасть из руки, перешагнул через тело Майды, затем через тело Бретта и остановился перед дверью, натягивая свою лыжную шапочку на пламенеющий череп. Впрочем, перед тем как открыть дверь, он передумал и на секунду вернулся в роскошную и просторную гостиную…

До рассвета оставался час, когда Магниевый Джонс добрался до хижины Эдгара Алана Джонса. Увидев его, Эдгар радостно закаркал, пока не обратил внимания на выражение лица своего собрата. Он взял Джонса под руку и помог ему, ссутулившись, войти в свою крошечную, окрашенную в черный лачугу.

— Ты ранен! — прохныкал Эдгар, поддерживая Джонса, пока тот садился на маленький шаткий стул у стола в центре комнаты. Кроме полок, другой мебели не было. Не было и кровати. Радио играло музыку, напоминающую крики китов, проигрываемые задом наперед, а на плитке, работающей от батареек, закипал чайник.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал Джонс с присвистом — одно из его легких безжизненно покоилось в колыбели из ребер. — Рождественский подарок…

— Мне нужно привести помощь. Я выйду… Остановлю машину на улице, — продолжал Эдгар.

Джонс схватил его за руку до того, как Эдгар успел дойти до двери. Он улыбнулся созданию.

— Можно мне чашечку чая? — сказал он.

Несколько секунд Эдгар неподвижно смотрел на него. По его дырчатому лицу ничего нельзя было прочитать. Затем он развернулся, как в замедленной съемке, и, подергивая головой, направился к плитке и чайнику.

Когда Эдгар повернулся к нему спиной, Джон запустил руку в свое длинное черное пальто, отяжелевшее от крови, и из кармана в подкладке достал статуэтку, вырезанную из переливчатого

кристалла. Это был свирепый рамонский воин с копьем на изготовку. Он тихо поставил его на стол, чтобы фигурка стала для низкорослого клона сюрпризом, когда тот наконец обернется.

И пока Джонс ждал Эдгара с его чаем, он стянул свою шапочку и опустил голову на руку, лежащую на столе. Закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

Да, он просто немного передохнет… Пока его друг не обернется.

Хранилище печалей

Макдиас считал, что жилище убийцы всегда говорит о нем больше, чем самый удачный допрос. Некоторые квартиры оказывались тусклыми и вполне обычными: все, чем они могли удивить, — это пара-другая трофейных трусиков. Их владельцы чаще всего убивали вполне в духе своих жилищ — так же тупо и рационально. Ну, например, единственным выстрелом в голову. Другие оказывались намного более изобретательными, а порой и эксцентричными, как в своих эстетических предпочтениях, так и в способах умерщвления своих жертв. МакДиас находил таких людей более занимательными и в то же время более пугающими. По сравнению с ними первый тип убийц напоминал акул, бездумно стремящихся к утолению своего вечного голода. А вторые, напротив, были скорее художниками, хирургами и мрачными комедиантами в одном лице, и как только МакДиас приступил к осмотру места преступления, он тут же понял, что этот убийца был одним из «художников».

Стены гостиной были увешаны черепами людей, животных и инопланетян (порой животных и инопланетян было сложно отличить друг от друга — в Панктауне сосуществовало больше разумных видов, чем его житель мог встретить за всю жизнь). Стены были целиком покрыты глянцево-черными листами пластика, облепившими черепа так, что те напоминали окаменелости в обсидиане. Никерс — коп, бывший за старшего до прибытия МакДиаса, — сказал ему: «Я и не думал, что все эти черепа могут быть делом его рук… Решил, что большая часть была заказана через медицинские каталоги черного рынка… Пока не зашел в спальню…»

Что ж, МакДиас счел это поводом для обследования спальни. В любом случае больше не имело смысла глазеть на развешанные на музейный манер экспонаты: их образы были раз и навсегда запечатлены у него в мозгу, чтобы он мог позже воспроизвести их на досуге. Его память была фотографической — она была музеем в себе… И в этом музее было столько черепов, сколько и не снилось этому коллекционеру.

Ведя МакДиаса по коридору, Никерс поведал ему о том, что при аресте убийца не оказывал сопротивления, и о том, что он был библиотекарем Пакстонской консерватории тридцати трех лет от роду, а на груди у него была вытатуирована богиня Кали. Желтые чернила, использованные для ее глаз, сияли так ярко, что ему приходилось заклеивать их полосками черной изоленты, чтобы они не просвечивали через одежду на работе. МакДиасу

подумалось, что вульгарность татуировки не сочеталась с суровой красотой гостиной, но вполне возможно, что убийца сделал тату еще в молодости. И тут они зашли в спальню.

Обстановка и жертвы были здесь одним целым. МакДиасу пришла на ум темная пещера со свисающими с потолка сталактитами. Он насчитал тринадцать обнаженных мужских тел. Все они свисали с потолка спиной к нему. Сначала он подумал, что они были подвешены самым обычным образом — ведь их головы терялись во тьме. Но затем он увидел, что потолок представлял собой густую темную жидкость, которая слегка плескалась и шла мелкой рябью. Возможно, это объяснялось легким покачиванием свисающих тел… Впрочем, все могло быть наоборот. Головы и шеи тел были вставлены в этот жидкий потолок, за счет чего они и держались. Может, жидкость, а может, и что-то еще в этой комнате способствовало сохранению тел — ни одно из них не казалось разлагающимся. МакДиас отметил лишь, что нижние части тел, в которых скапливалась кровь, немного раздулись и изменили цвет, но плоть и конечности остались эластичными. Впрочем, он так и не дотронулся ни до одного из них.

МакДиас ходил между ними, изворачиваясь и пригибаясь, изо всех сил пытаясь не задеть висячих покойников. Он осматривал их спереди, отмечая татуировки и кольца, вошедшие в моду ритуальные шрамы и метки. Все это говорило о том, что некоторые из жертв были студентами. Возможно, из консерватории. Его глаза запечатлели все, и когда он закончил, то скомандовал Никерсу и его людям снять одно из тел.

Не обошлось без сложностей. Когда тело наконец-то высвободилось из плена жидкости, полицейские рухнули на пол, а труп распластался сверху. Он был обезглавлен, и на какую-то иррациональную секунду МакДиасу показалось, что они, должно быть, слишком сильно дергали тело, в результате чего голова оторвалась и осталась в странном потолке. Но выяснилось, что безголовыми были все тела — черная жидкость надежно удерживала их за шеи. Вскоре МакДиасу предстояло узнать, что многие из черепов в гостиной действительно принадлежали жертвам.

Несколько часов спустя, когда сняли последнего из юношей, МакДиас снова стоял в гостиной. Он заметил на кофейном столике футляр от скрипки. Может, убийца был разочаровавшимся музыкантом, игравшим перед черепами своей публики? Возможно, он был обнажен, а по лицу его текли слезы. Слезы, вызванные красотой собственной музыки. Слезы, вызванные неподвижными, но восхищенными взглядами его

костяных почитателей. Детектив резко подошел к окну и распахнул тяжелые черные шторы. Дневной свет освежал, и он открыл окно, чтобы впустить прохладный воздух и выпустить немного отравлявшего его яда. Город раскинулся перед ним пластами бледнеющей серости. Он напомнил МакДиасу плотное скопление сталагмитов, растущее навстречу сталактитам из спальни. Порченый коралловый риф, кишащий жизнью — хаверкарами, снующими по нему, словно стайки рыб. Словно рой мух, вьющийся вокруг огромного, скрытого туманом скелета Панктауна.

Он попытался стереть образ убийцы, играющего на скрипке, но так и не смог от него отделаться: благодаря чипу, вживленному в мозг, он не только помнил все когда-либо увиденное, но и все то, о чем думал и что воображал. Он мог отложить образ, оставить его в хранилище. Теоретически он мог никогда его больше не увидеть, если бы только не принялся намеренно копаться в его поисках. Но на практике образы всплывали будто бы по собственной воле. Когда он лежал в постели, они проецировались на его внутренние веки, а когда открывал глаза, они проецировались на потолок спальни, погруженный во тьму. Он был одержим духом противоречия. Образы, отвергаемые сознанием, подсознание вытаскивало наружу. Это напоминало обкусывание ногтя до крови — такие действия не совершают осознанно. Когда он был еще мальчишкой, он ковырял корочки своих ссадин и съедал то, что удавалось содрать, а когда начинала сочиться кровь, он терялся, но затем присасывался к ранке, словно затем, чтобы выпить себя до дна. Вызов картинок был подобен желанию убить человека. Это был зов, который подчинял себе. И надежды на неподчинение почти не было.

«Колумбариум» — так назывался дом престарелых, который еженедельно посещал МакДиас, навещая свою мать. Кроме того, он звонил ей раз или два в неделю. По праздникам он приводил с собой жену и двух младших детей. Однажды его маленькая дочурка проснулась с криком и, заливаясь слезами, рассказала, что ей приснилось, будто она оказалась внутри бабушкиной кроватки вместе с ней, а бабушка умерла, и она не может оттуда выбраться. Она попросилась поспать с родителями, и МакДиас обнимал ее, уставившись в потолок и наблюдая за сменой пришедших незваными картинок. Его мать, моложе, улыбающаяся, такая красивая… Ее густые рыжие волосы, с которыми он обожал играть, когда был маленьким, завивая их пряди колечками вокруг своих пальцев…

Одна из медсестер за стойкой поинтересовалась, не желает ли он, чтобы она его проводила. Он сказал ей, что все в порядке, но она предложила позвонить миссис МакДиас, чтобы уведомить о том, что ее пришел навестить сын. Он согласился, проворчал слова благодарности и направился по знакомым коридорам, увешанным успокаивающими нервы картинами. Его туфли скрипели по слишком ярко начищенному полу. Номер его матери был 3–33 — запомнить вовсе не сложно, но в его памяти был весь путь. Его имплантант зафиксировал каждое пятнышко на полу. Каждый из взаимозаменяемых псевдоимпрессионистских пейзажей, развешанных на стенах. Царапины и облупившуюся краску на каждом из выдвижных ящиков, встроенных в стены рядами по три. Он подошел к ящику, помеченному 3–33, и в нерешительности уставился на него. Он находился в верхнем ряду. МакДиас не стал тратить время, выбирая один из складных стульев, хранящихся в нишах между группами ящиков, потому что редко мог заставить себя побыть с ней подольше. И ему не нужно было беспокоиться о том, что он загородит кому-нибудь дорогу к искомому ящику, поскольку, кроме него, в коридоре не было ни души.

Наконец он нажал на кнопку рядом с ящиком и сказал: «Привет, мама, это я». Потом он поднял задвижку, плавно выдвинул ящик из его ниши в стене и опустил его до уровня своей талии.

Он улыбнулся ей, а она через свой пузырь слабо улыбнулась ему. Ее гарнитура, через которую она говорила с ним, когда он звонил, и через которую она и прочие обитатели этого учреждения целыми днями смотрели фильмы, в основном мыльные оперы, и ток-шоу, съехала с ее глаз, чтобы она смогла посмотреть на сына. Для этого ей пришлось прищуриться. Она была скелетом, который вряд ли смог бы сделать пару шагов, если бы его освободили из плена стеклянного саркофага. Лицо ее было черепом, туго обернутым в кожу. Ему подумалось о черепах в квартире, которую он совсем недавно покинул. Ее седые волосы представляли собой несколько жалких клочков, напоминавших дымные струйки ее духа, пытавшегося выбраться из бренного тела, но плененного окружающим ее пузырем.

— Что ты смотрела? — спросил он, зная о ее любви к кино: эту страсть он всегда разделял.

— Передачу для садоводов, — сказала она ему. Динамик придавал ее голосу скрипучесть.

— Разве ты больше не захаживаешь в Сеть, мам? Это было бы для тебя полезно. Пообщалась бы с людьми…

— Наврала бы какому-нибудь юноше, что я рыжая

сексуальная штучка? — пошутила она. — Я слишком устала, чтобы говорить. Я уж лучше посмотрю свои фильмы… Посмотрю, как говорит кто-то другой. Я пробовала кое-какие из ВР-каналов, но я слишком устала даже для того, чтобы быть призраком из машины. Я просто хочу наблюдать, а не делать. Я так устала… Так устала…

МакДиас часто представлял себе, что чувствует его мать, когда он задвигал ее обратно в стену, болезненно одинокую в своем цилиндре жизнеобеспечения, в своем лоне. Затерянную в своих видеоснах. Без шансов на побег. Ему казалось, что он понимал ее заточение. Но и она в какой-то мере обрекла его на пожизненное заключение. Она и его отец пожелали, чтобы ему еще в детстве имплантировали чип. Это увеличивало его шансы чего-то добиться в жизни, найти хорошую работу. Давало ему больше возможностей в мире всеобщего непрерывного соперничества, где подобные технологии были доступны всем и каждому… Если, конечно, были деньги за них заплатить. У него не было выбора — это было решение его родителей. Совсем как устаревший обряд обрезания. Но обездвиженная жизнь матери вовсе не была его возмездием. Ее текущее состояние тяготило их обоих по велению закона, которому он служил, — если бы он только мог, он бы прямо сейчас распахнул ее пузырь и перерезал кабели системы жизнеобеспечения, чтобы она наконец познала истинный покой.

— Как там девочки? — спросила она его. Это была ее любимая тема, и он рассказал ей, как обстоят дела. Иногда он приносил ей видеочипы с записями их игр или отпусков, проведенных всей семьей. К счастью, она не поинтересовалась, как дела на работе. Его родители не слишком-то одобряли решение стать полицейским, и сейчас ему не хотелось рассказывать ей о той боли, которую оно ему принесло. Рассказывать ей о том, что он не знает, как долго сможет продолжать этим заниматься… О том, что со временем все становится только хуже: он видит все больше и больше ужаса, и теперь его разум, похоже, готов пасть под гнетом ноши, гнетом всех тех образов, что не желали стираться, а лишь менялись местами. О том, что изнутри его череп представлял собой одно сплошное место преступления, растянутое до бесконечности во всех направлениях.

Он сидел за кухонным столом со стаканом апельсинового сока. Пару минут назад его жена выглядывала из спальни, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, — он ласково отослал ее обратно в кровать. Этой ночью они занимались любовью. Как он

мог рассказать ей о том, что в последнее время во время их секса все чаще вызывал в памяти другую ночь любви — ночь десятилетней давности, когда она была стройнее, краше, в самом своем цвету? Это было словно изменять ей с ее же ранней версией. А иногда он будоражил воспоминания о ночи, проведенной с его подружкой времен колледжа. Или вспоминал — так, будто она вставала прямо у него перед глазами, — безымянную девушку-подростка, стоявшую перед ним в очереди на карусель, когда ему было тринадцать лет… И он пялился на ее длинные, гладкие, как у пластиковой куклы, ноги и на тугие шорты, обтягивающие ягодицы.

Это были сладкие воспоминания, и дело было не только в зове плоти — он помнил, как солнце искрилось на ее длинных светлых волосах, так же хорошо, как помнил золотые отсветы на ее ногах, — но все же они казались слишком реальными, слишком близкими. Они конкурировали с реальностью, в которой он жил сейчас, со временем, в котором он жил сейчас, и поэтому он чувствовал себя не в своей тарелке. Затерянным в самом себе. Он должен был бы уже пообвыкнуться со своими воспоминаниями: его чип был с ним более тридцати лет. Но когда он был еще мальчиком, его разум был просторней. Теперь же этот склад был забит до отказа, и через его двери вываливались груды рухляди, а в окнах угадывались картины намного ужаснее всего того, что он мог себе вообразить, когда был ребенком и даже когда был начинающим копом. Чем больше проходило времени и чем больше накапливалось впечатлений, доступных для немедленного повторного переживания, тем более чужим он казался самому себе.

Даже теперь перед ним встал образ золотистой девочки — просто из-за хода его мыслей. Он со злостью запихнул картину обратно в глубины своего сознания и, чтобы заместить ее, принялся просматривать в уме папки с делами, над которыми работал. Выбрав одну, он распахнул ее на письменном столе своего разума.

Ему подумалось, как это печально, что ему пришлось отогнать призрак светловолосой гладкокожей девочки с помощью призрака члена уличной банды с традиционно выбитыми глазами, но, несмотря на это, он продолжал потягивать апельсиновый сок и вглядываться в каждую деталь места преступления. Он даже видел собственное лицо, отраженное в луже крови, продолжавшей вытекать из разорвавшейся головы парнишки.

МакДиас прибыл на место происшествия буквально через

минуту после рядовых копов, а потому к этому моменту были обнаружены еще не все тела. Он бросил краткий взгляд на голый скелет, распластавшийся на ковре гостиной, после чего устремился в глубины старой квартиры с просторными комнатами и высокими потолками. Пистолет в его руке вел его, словно пес-ищейка. Он отметил, что все шторы и занавески были задернуты, поэтому здесь царили могильные запах и атмосфера. Один из копов ворвался в первую спальню, в то время как МакДиас повернул ручку второй.

Дверь приоткрылась, но не более чем на несколько сантиметров. Кто-то подпирал ее изнутри или ее просто забаррикадировали? Он отскочил в сторону, чтобы не оказаться на линии возможного огня, и попытался что-нибудь разглядеть через щель. Сплошной сумрак. Как же ему поступить? В его пальто и жилет было воткано достаточно защитного волокна, чтобы отразить большую часть выпущенных в него пуль и энергетических лучей, поэтому он отступил немного назад, чтобы набрать скорость, а затем врезался плечом в дверь. С громким треском дверь распахнулась наполовину, после чего ее снова заклинило, а МакДиас оказался в положении движущейся мишени, ворвавшись через открывшийся проход и вслепую размахивая пушкой.

Он с хрустом ступил на какую-то неровную поверхность и чуть было не потерял равновесие. Прямо перед дверью на полу лежало тело, почти такое же скелетообразное, как и то, что нашли в гостиной, но все еще сохранившее остатки кожи. Ни в комнате, ни под кроватью, ни в чулане никого больше не было. Включив свет, он снова обратил свое внимание на труп, стремясь поскорее выяснить, действительно ли его голова была такой огромной, какой казалась в полутьме… Ведь именно ее он раздробил дверью и растоптал ботинками.

Вспыхнувший свет поднял в воздух рой насекомых. В испуге и отвращении МакДиас подавил в себе иррациональный порыв наставить на них пистолет. Но в тот же момент, как он понял, что раздавил вовсе не голову трупа, до него дошло, что разлетевшиеся существа не были насекомыми. «Просто чудесно», — процедил он, увидев, что неумышленно раздавил целую кучу мелких созданий.

Они принадлежали к расе, называемой ми’хи, и оказались достаточно глупы для того, чтобы пойти на убийство других разумных существ ради собственного пропитания и устройства гнезд… Их уже несколько раз предупреждали и даже угрожали им полным изгнанием из этого мира. Голова истощенного человека была превращена в гнездо, напоминающее песочный замок,

возведенный из выделяемого ими черного вещества. Это был маленький город — Панктаун в миниатюре, — но теперь его грубые, однако не лишенные изящества шпили и минареты были по большей части поломаны и раздавлены. Рот был единственной видимой частью лица покойника — его губы обнажали ужасающую желтую ухмылку.

— Черт бы вас побрал, — зарычал МакДиас на снующих туда-сюда созданий. Не было никаких сомнений в том, что они поднимут шумиху по поводу своих раздавленных собратьев, утверждая, что он сделал это нарочно, из мести. Что ж, его глаза записали все, и, если возникнет необходимость, его воспоминания могут быть извлечены и продемонстрированы присяжным в качестве неопровержимого доказательства непредумышленности убийств. И все же он знал, что только что одним своим шагом убил больше существ, чем его последние несколько убийц вместе взятые.

— Эй, ребята, — позвал он копов из-за двери, — идите-ка сюда! — Он опасался, что ми'хи могут сбежать через щели или трещины в стенах, поэтому стал озираться вокруг в поисках чего-то, во что их можно было бы поймать.

Его напугал вдруг раздавшийся голос, и взгляд снова переметнулся на лежащую на полу фигуру. Сложно было сказать, мужчина это или женщина, но он видел, как едва заметно шевелились пальцы, и слышал глубокий невнятный звук, раздававшийся из-за стиснутых зубов и напоминавший аудиозапись, проигрываемую на очень маленькой скорости. Несчастное создание все еще было живо: его последние соки не успели высосать. Может, оно и само уже считало себя мертвым — ведь глаза его были покрыты черной смолой, — пока МакДиас не вломился внутрь и не разбудил его.

Жалкое, уродливое создание. На какую-то секунду МакДиасу захотелось приставить свой пистолет к его обесформленному черепу и избавить его от страданий, но он уже был в комнате не один. Все, что он сейчас мог, это молиться о том, что, как только его освободят от гнезда, убивавшего и поддерживающего в нем жизнь одновременно, оно наконец познает истинную смерть.

Она доживала свои последние дни. Часть его была этому рада, хотя и не такая большая часть, как он мог бы предположить. Раньше он чувствовал себя виноватым из-за того, что втайне надеялся на ее скорую смерть. Теперь он чувствовал себя виноватым, потому что втайне надеялся, что она выживет.

В этот визит она взглянула на него через свой пузырь с подозрением и, может быть, даже страхом, словно он пришел к ее

ложу, чтобы убить ее. Она закрылась одеялом до самого подбородка и спросила:

— Кто вы? Чего вы хотите?

— Это Роджер — твой сын, — сказал МакДиас и огляделся в поисках помощи. Неужели они не могли увеличить дозы лекарств? Ввести какой-нибудь препарат в один из крошечных портов вдоль стены, который, проникнув в искусственную, а затем и естественную часть цикла ее кровообращения, на какое-то время вернул бы ее, вырвав ее слабую душу из сумеречного лабиринта ее мозга, в котором она затерялась.

Но наконец разум ее немного прояснился — может, она только что очнулась от дремы, а может, его лицо развеяло туман, но она его вспомнила. Только вот ее голос был так тих, словно голос ребенка, и каждые несколько минут она спрашивала, на кого оставили ее собаку, Леди… Которая умерла пять лет назад.

Покинув ее, МакДиас был опустошен — она снова погрузилась в свою дрему, а он на какое-то время задержался, просто глядя на ее лицо. На пути к выходу из учреждения к нему подшаркал какой-то старик и слегка дотронулся до его руки. В глазах у него стояли слезы, и на секунду МакДиасу подумалось, что он, возможно, сбежал из одного из ящиков в стенах.

— Простите, сэр, — простонал старик. — Я не могу найти свою жену. Она в одной из этих штук… Но я никак ее не найду. Не могу вспомнить ее номер…

МакДиас отвел его обратно к стойке и оставил его с сестрой, взявшейся за поиски номера его жены. Но, оставив старика на ее попечение, он поймал себя на дурацкой мысли, что вместо того, чтобы искать ящик жены, они засунут ее мужа в такой же.

В своем сне МакДиас был жив, но накачан наркотиками или загипнотизирован, а возможно, просто оглушен. Кто-то тащил его, обнаженного, через темную квартиру. Наконец он оказался в комнате, потолок которой был слегка колышущимся бассейном, слишком темным для того, чтобы в нем можно было что-то разглядеть. А из него свисали другие обнаженные тела, подвешенные за шеи. Они напоминали пальто в платяном шкафу… Или скорее туши, висящие на крюках в холодильнике. Притащивший его сюда человек, чьи контуры он не мог различить, крякнув, поднял его на руки, а затем, поднатужившись, вдавил голову МакДиаса в холодный колышущийся бассейн.

Так он и остался висеть, слепо всматриваясь в кромешную тьму. Но вскоре зрение стало приспосабливаться — из его глаз ударили желтые лучи. Как из глаз Кали, подумалось ему во сне.

Сперва он ничего не мог различить толком: бледные трепещущие контуры, серые шатающиеся формы… На расстоянии, недоступном для его лучей света. Но эти тени приближались, попадая в его лучи и выходя из них. Пытаясь уследить за путаным путем одной из этих сущностей, он неизменно высвечивал другую. А фигуры все приближались, открывая его взору чудовищное состояние своих призрачных форм. Мужчина, застрелившийся из ружья, с развороченным лицом. Женщина с голой вымытой грудью, покрытой клинописью колотых ранений, скоплением маленьких черных штрихов, настолько скученных, что они напоминали рой усевшихся на нее насекомых. Он понял, что обозревает страну мертвых, хотя сам еще жив, несмотря на то что все прочие тела, висящие рядом, были обезглавлены, а потому не видели ничего. Он был одинок, напуган и беспомощен… Но хуже всего было то, что это видение не открывало ему никаких тайн, не даровало ему озарения. Все это он уже видел, но на этот раз образы были обессмерчены преисподней, где не обесцвечивались никогда, где мертвые не могли найти покоя.

Его разбудила острая боль где-то под левым глазом, и он инстинктивно схватился рукой за лицо. Сев в кровати, он потянулся к выключателю лампы. Его жена что-то проворчала, потревоженная светом, и отвернулась.

На одеяле МакДиас заметил серовато-прозрачное насекомое, покалеченное его шлепком и мельтешащее лапками, лежа на спинке. Это был ми’хи, и он понял, что тот укусил его во сне.

Он принес из ванной пластиковый стаканчик, стряхнул в него существо, а потом вернулся в ванную и закрыл дверь. Он принялся разглядывать извивающееся создание. Вероятно, оно спряталось в его ботинке или в одежде несколько недель назад, когда он осматривал то место преступления, — но почему оно выжидало так долго и атаковало его лишь сейчас? Может, это был первый разведчик целой стаи, разыскивающей его, чтобы отомстить? Эта мысль вывела МакДиаса из себя, и он, открыв пинком крышку унитаза, начал наклонять над ним стаканчик, чтобы сбросить туда крохотного инопланетянина. Но помедлил. Это будет убийство, и на этот раз преднамеренное. Хотя улики будут смыты, преступление будет записано у него в голове, а его воспоминания часто извлекали и использовали в судебных целях. То ли из морально-этических соображений, то ли из чувства самосохранения, а может, и из-за того и из-за другого он все же закрыл крышку унитаза и переместил покалеченное существо в пузырек из-под таблеток.

На следующее утро он увидел, что плоть вокруг глаза

распухла и покраснела — свет вызывал жуткое жжение в глазу и заставлял его слезиться, поэтому ему приходилось крепко его зажмуривать. Его правый глаз тоже слегка слезился — то ли за компанию, то ли потому, что яд от укуса продолжал распространяться.

Он сунул пузырек с все еще пытавшимся выбраться созданием в карман своей куртки и по пути на работу заехал в больницу, чтобы кто-нибудь осмотрел укус… Своего пленника он тоже передал в руки врачей. Терапевт, осматривавший его (как только выяснилось, что он полицейский, его тут же приняли), сообщил, что мужская особь ми'хи действительно ввела яд, но этот яд становится опасным для жизни лишь при множественных укусах. Кроме того, это был укус самца, не вступившего в пору зрелости, а потому его яд был не так силен. «Вероятно, ему удалось бежать с места преступления, — предположил доктор, — и несколько следующих недель он провел выслеживая вас с надеждой отомстить». Похоже, все это казалось ему весьма забавным. Однако МакДиасу отчего-то стало жалко существо. Не вступивший в пору зрелости… Возможно, ребенок. Опечаленный смертью своих родичей, своих родителей. Яростно набросившийся на него в безнадежной попытке одолеть намного более крупного, более сильного врага.

— Доктор, — начал МакДиас, уже натягивая курку и водружая на нос темные очки, облегчавшие участь его терзаемых светом глаз, — когда мне было десять, мне вживили чип памяти «Мнемозин-755», и я подумываю о том… чтобы его удалить…

— Да, теперь вам, конечно, могут предложить кое-что получше…

— Я не хочу его чем-то замещать… Я просто хочу, чтобы его удалили.

Доктор улыбнулся и слегка склонил голову набок, словно его насмешили. МакДиасу он не нравился.

— Отчего же?

— Просто он мне больше не нужен, — ответил детектив слегка раздраженным тоном.

— Хм, у меня тоже есть чип, и я им очень доволен… Не думаю, что врач, имеющий дело с таким количеством рас, с каким приходится иметь мне, мог бы без него обойтись.

— Уверен, что вам он необходим. Но свой я хотел бы вынуть, а потому меня интересуют стоимость и детали подобной процедуры. Покроет ли ее страховка или…

— Видите ли, вам вовсе не обязательно его вынимать. Его можно просто отключить — это очень простая процедура, которая к тому же не требует хирургического вмешательства.

— Я бы все же хотел, чтобы его вынули.

— Знаете, он ведь не включится сам по себе… Если, конечно, вы потом не передумаете и не пожелаете, чтобы он заработал снова. Он не реактивируется, если вы ударитесь головой, — хихикнул доктор.

МакДиас поднялся со своего места.

— Спасибо, — произнес он еще более раздраженно и вышел из кабинета.

— Простите, мистер МакДиас, — сказала сестра и чуть ли не выпрыгнула из-за стойки, словно намереваясь его перехватить, — у нас еще не было возможности ее переместить… Вы уверены, что не хотите подождать?

Он не был уверен, но направился по знакомому пути, в то время как сестра изо всех сил старалась за ним поспеть. Возле ящика не было никого и ничего, что указывало бы на то, что что-то не в порядке, и он был рад, что ему не пришлось сделать это мрачное открытие самому. Разумеется, это было невозможно — в случае возникновения каких-либо проблем система жизнеобеспечения подавала сигнал на стойку, поэтому неожиданностей удавалось избегать. И все же МакДиас не мог не представить себе выезжающий ящик и последующий шок от сделанного открытия.

Сестра обошла его, чтобы активировать ящик, и пузырь выплыл из своей ниши, а затем опустился, чтобы продемонстрировать свое жуткое содержимое.

— Боже мой, — прошептал МакДиас, словно во всем этом все же была какая-то неожиданность. В те секунды, что ушли на открытие ящика и опускание пузыря, он пытался вообразить себе, как его мать будет выглядеть мертвой. Ее лицо, скорченное в гримасе, ее глаза, вылезшие из глазниц, ее плоть в черных и фиолетовых пятнах. Но вместо этого он увидел умиротворение… На ее губах застыла странная кроткая улыбка мертвых. Однако ее веки были не до конца прикрыты — мелочь, но все же слегка тревожащая.

Как и в тот свой визит, когда она не могла его вспомнить, он долго вглядывался в ее недвижимое лицо. Ее волосы — когда-то рыжими сверкающими прядями завивавшиеся на его маленьких пальцах — всего лишь серые клоки; ее щеки — когда-то гладкие и мягкие под детскими поцелуями — впалые и увядшие. Ее глаза — когда-то жадно поглощавшие фильмы — наполовину открыты, наполовину закрыты. Эта маленькая деталь словно дразнила его. Это была незаконченная деталь. Они должны быть закрыты. Она должна наконец упокоиться целиком.

— Закройте, пожалуйста, дверь, — прошептал он сестре, отвернувшись. По его щекам покатились слезы. Он видел достаточно. Он задолжал ей один последний визит. Но он больше не желал смотреть на все это… Не хотел помнить ее такой.

— Знаете, а ведь сейчас есть чипы, дающие владельцу возможность вычленять и удалять любое из воспоминаний, от которого вы захотите избавиться. Вам дается полный контроль — можно даже отключать чип по собственному желанию… Просто подумав об этом, — проинформировала его женщина-врач, закончив со сканированием чипа в его мозгу.

— Я не хочу новый чип, — повторил он. — Просто выньте этот.

Она вздохнула.

— Что ж, это, конечно, ваш выбор. Я просто хотела уведомить вас о всех возможных вариантах… Особенно учитывая тот факт, что этот выбор может повлиять на работу, которой вы занимаетесь.

— Я прекрасно об этом осведомлен, — сказал ей МакДиас.

В тот же день все было сделано. Пока он лежал и ждал приезда жены, подумал, что если бы у его матери был чип памяти, она не смогла бы забыть своего сына. Она могла бы быть счастлива в своей маленькой тюрьме, заново переживая лучшие куски своей жизни, освобожденная этими воспоминаниями и затерянная в них… В их вкусах и запахах, в ощущении прохладного вечернего ветерка на своем лице. В своем старческом помешательстве она даже могла бы принять их за свое настоящее. С другой стороны, это могло сделать ее заключение еще более тяжким… Осознание того, что, несмотря на достоверность ощущений, все это было лишь воспоминаниями, пусть и прекрасными… Все это было ее минувшим, а вовсе не тем, что она испытывала в данный момент. Кроме того, в ее маленьком пузыре были бы заперты вместе с ней и дурные воспоминания… Разочарования, обиды и страхи всей ее долгой жизни, от которых не удалось бы скрыться. Смерть ее собаки, переживаемая снова и снова, и каждый раз был бы первым…

Придя в себя после операции, он сперва не мог поверить, что чипа больше нет. Глядя на потолок, он все еще мог спроецировать туда лицо своей матери… Ее полузакрытые глаза. Но когда он попытался покопаться в более отдаленном прошлом, ища в памяти комнату с подвешенными обезглавленными трупами, он обнаружил смягченную картину, скорее абстрактную, нежели точную. Он закрыл глаза и испустил дрожащий вздох. На него снизошло умиротворение, словно из него только что изгнали

беса. Он не осмелился попытаться вспомнить лицо матери в молодости. Он знал, что ему это не удастся. Но у него были фотографии и видеозаписи, которые смогли бы ему помочь. С этой жертвой он мог смириться. В любом случае чувства были долговечнее, чем воспоминания.

Его жена приехала, чтобы отвезти его домой. Проходили дни, недели, месяцы, и лица мертвых — развороченные пулями, таинственно ухмыляющиеся по поводу собственных судеб, раздутые, словно лица кукольных младенцев, и усохшие до самых черепов — стали постепенно обращаться в дым. Становились тусклыми и почти неразличимыми. Становились такими ускользающими и смутными, какими и должны быть призраки.